

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 5(38)

Academic Journal

Series:

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 5 (38)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Ключанов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаплеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: А.А. Киличенков, д-р ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Ю.С. Филина

Процесс становления художественной элиты:
теоретико-мировоззренческие искания на примере
жизни и творчества С.Б. Никритина 9

О.В. Шемякина

«Обеззараживание политически дефективной книжки»:
издание революционных мемуаров в Обществе политкаторжан 18

А.Ю. Голбин

«Культурная революция»: становление системы
парков культуры и отдыха в СССР 1928–1941 гг. 27

И.А. Анфертьев

Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев:
несостоявшиеся преемники В.И. Ленина 37

А.А. Киличенков

«Берите фирму за жабры и допытывайтесь с пристрастием»:
фирма «Виккерс Армстронг» и «танкизация»
Красной армии в 1930-е годы 49

А.П. Фернандес-Эрес

Социальная адаптация выпускников детских домов
для испанских детей (1940–1947) 64

Г.А. Куренков

Защита военной и государственной тайны в печати
во время коренного перелома в Великой Отечественной войне 74

А.В. Усов

Организация водолазного дела
на Тихоокеанском флоте в 1941–1945 гг. 88

Л.А. Мундт

Красный вождь, большевистский диктатор: образ Сталина в швейцарской прессе периода Второй мировой войны	98
---	----

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

А.Б. Безбородов

Научная школа археографии в Историко-архивном институте: история и современность	109
---	-----

М.В. Гилева

Формирование проблемы Холокоста в американской историографии в 1945–1960-е годы	123
--	-----

А.Ф. Лукшин

Генерал М.В. Алексеев и его стратегия борьбы с большевизмом в освещении научно-популярной биографической литературы 1990–2010-х годов	133
---	-----

Я.В. Юркина

Использование воспоминаний Б.В. Шмелёва «Пражская осень» в изданиях чешского проекта «Вторжение 1968 г. Русский взгляд»	146
--	-----

CONTENTS

The History of Russia

J. Philina

- The Process of Formation of the Artistic Elite.
Theoretical and Ideological Searchings by the Example
of S.B. Nikritin's Life and Work 9

O. Shemyakina

- “Disinfecting Politically Defective Book”.
The Publication of Revolutionary Memoirs by the Society
of Pre-revolutionary Political Convicts 18

A. Golbin

- “The Cultural Revolution”. The make of a system for Parks
of Culture and Leisure in the USSR 1928–1941 27

I. Anfertiev

- L.D. Trotsky, G.E. Zinoviev, and L.B. Kamenev:
the Failed Successors to V.I. Lenin 37

A. Kilichenkov

- “Put the Screws to the Firm and Inquire persistently”.
Vickers Armstrong Ltd. and the Red Army's conversion
to tank warfare in the 1930s 49

A. Fernandes-Eres

- Social Adaptation of Graduates from Orphanages
for Spanish Children (1940–1947) 64

G. Kurenkov

- Protection of Military and State Secrets
during Radical Change in the Great Patriotic War 74

A. Usov

- Organization of Diving in the Pacific Fleet in 1941–1945 88

L. Mundt

Red Leader, Bolshevistic Dictator: the Image of Stalin in Swiss Press during the World War II	98
--	----

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

A. Bezborodov

The Scientific Research School of Archaeography at the Institute for History and Archives: the History and the Present	109
--	-----

M. Gileva

Formation of the Holocaust Issue in American Historiography in 1945–1960s	123
--	-----

A. Lukshin

General Mikhail V. Alekseev and his Strategy for the Struggle Against Bolshevism in the Coverage of Popular Scientific Biographies of 1990–2010s	133
--	-----

Ya. Yurkina

The Use of B. Shmelev’s Memories “Prague Autumn” in Publications of the Czech Project “Invasion of 1968. Russian View”	146
--	-----

Процесс становления художественной элиты: теоретико-мировоззренческие искания на примере жизни и творчества С.Б. Никритина

Юлия С. Филина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, www.w@icloud.com*

Аннотация. Данная статья предпринимает попытку рассмотреть становление С.Б. Никритина – художника и теоретика искусства, чей жизненный путь олицетворяет энтузиазм и в то же время трагизм эпохи, начавшейся с Революции 1917 г. В статье использованы архивные материалы отдела рукописей Третьяковской галереи и Российского государственного архива литературы и искусств. Никритин являлся «левым» художником, по крайней мере в том смысле, что он был приверженцем социалистической теории, но не мог не противостоять догматизму, который постепенно сковывал художественную жизнь с начала 1920-х годов. Вся профессиональная жизнь художника была сконцентрирована вокруг идеи особого пути нового искусства. Период его детства связан с традиционной культурой еврейских «местечек», в которую активно проникали социалистические идеи. Обучение художественному делу у таких мастеров, как А. Экстер, знакомство с М. Горьким и А. Луначарским привели его во ВХУТЕМАС – высшее художественное училище, в котором преподавали художники-новаторы. Однако С.Б. Никритин был не готов остановиться на предлагаемых теориях, ведь именно его поколение художников считало, что на него возложена миссия выработать искусство для нового общества.

Ключевые слова: творческая элита, С.Б. Никритин, авангард, философские искания, проекционизм, Октябрьская революция

Для цитирования: Филина Ю.С. Процесс становления художественной элиты: теоретико-мировоззренческие искания на примере жизни и творчества С.Б. Никритина // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 9–17. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-9-17

The Process of Formation of the Artistic Elite.
Theoretical and Ideological Searchings
by the Example of S.B. Nikritin's Life and Work

Julia S. Philina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, wwww.w@icloud.com*

Abstract. In the article an attempt is made to study the formation of S.B. Nikritin as an artist and art theorist, whose life shows both the enthusiasm and tragedy of the epoch since Revolution 1917. The research is based on the materials from Manuscripts Department of the Tretyakov Gallery Archive and the Russian State Archive of Literature and Arts. Nikritin was a left-wing artist, at least as he was a socialist theory supporter. However, Nikritin could not but resist dogmatism, that gradually fettered artistic life since the early 1920s. All his professional life was focused on the idea of a new art special way. His childhood was connected with the traditional culture of Jewish shtetls, in which socialistic ideas actively penetrated. Being a student of such masters as A. Ekster, as well as his acquaintance with M. Gorky and A. Lunacharsky brought Nikritin to VHUTEMAS – the higher art school, where professors were innovators. However, S.B. Nikritin was not ready to settle upon the theories proposed there, since his generation of artists believed they had a mission – to develop art for a new society.

Keywords: artistic elite, S.B. Nikritin, avant-garde, philosophical quests, the October Revolution

For citation: Philina JuS. The Process of Formation of the Artistic Elite. Theoretical and Ideological Searchings by the Example of S.B. Nikritin's Life and Work. *RSUH/RGGUBulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):9-17. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-9-17

Введение

В настоящее время мы наблюдаем пик интереса к авангардному искусству, издаются многочисленные монографии, статьи. Большинство из них искусствоведческие или, в меньшем количестве, философские. В данной работе предпринята попытка именно исторического анализа художественной среды. Художник Соломон

Борисович Никритин представляется незаслуженно малоизученной фигурой. На это обращает внимание и Л.Р. Пчелкина, искусствовед, исследователь его творчества: «Несмотря на доступность для специалистов его (С.Б. Никритина) художественного и теоретического наследия вот уже 50 лет, ни одной монографии о художнике не написано» [1 с. 93].

Взросление С.Б. Никритина. Дореволюционный период

Родился и вырос Никритин в Чернигове, где развивался скорее под влиянием марксистской среды, а не еврейского сообщества. Детство С.Б. Никритина прошло в окружении многочисленных родственников, большинство из которых он вспоминает тепло: «Был дедушка Залмон-Леви, жил он весело и радостно... О! Лучистые глаза моей матери! Вот вы светитесь и смеетесь и маленькие морщинки век ваших бегают как лучи желтенькой вечеровой свечки» [2 с. 4об., 7об.].

Несколько нетрадиционно сложились в дальнейшем отношения в семье Никритина, что болезненно переживалось им. Большим потрясением для Никритина (так же, как и для его матери и сестры) стал уход отца из семьи: «В 1907 г. был ужасный день осени. В этот день мой отец бросил меня, мать, сестру и ушел. Вот уже много лет как моя семья разорвана на две половины и каждая из них живет отдельной жизнью. Боль наполняет мое сердце, когда я вспоминаю об этом» [2 с. 7].

Близкие отношения связывали Никритина с сестрой Анной, он очень тяжело переживал ее болезнь [2 с. 13]. Какой именно недуг одолевал сестру, он не упоминает, однако несколько раз в дневниках повторяя слово «голод», художник пишет: «Анна лежит в постели: бледная, отвернувшаяся и измученная» [2 с. 13об.]. Анна Борисовна впоследствии стала кино- и театральной драматической актрисой, артисткой Камерного театра в Москве, ленинградского Большого драматического, служила и в Камерном театре Таирова. Она вышла замуж за известного писателя и поэта-имажиниста, драматурга А.Б. Мариенгофа. Близостью с сестрой и А. Мариенгофом объясняется и выбор творческого окружения Никритина, повлиявший и на его творческий путь.

В 1909 г. С.Б. Никритин поступил в Киевское художественное училище, которое окончил в 1914 г. Период обучения в училище С.Б. Никритин оценивает как «первое ощущение самостоятельности, ...первые относительно глубокие сознательные процессы» [3 с. 2].

Никритин рисует разные виды Николаевского парка в Киеве, пишет первое стихотворение. В училище Никритин сталкивается, как сам пишет, с «религиозными или правдоискательскими» переживаниями, увлекается философией [3 с. 2]. Он полностью погружается в жизнь художественного училища, отрыв же от него, возвращение домой на каникулы описывает следующими словами: «Лето 1911 г. – семейные муки» [3 с. 2].

Начиная с 1910 г. Соломон Борисович участвует в организации в Киеве детского театра¹, его стремление к театру даст знать о себе и в будущей его жизни.

Модернистская художественная среда. Вступление и влияния

В 1914 г. в Киеве происходит встреча, которая имела не меньшее значение в судьбе Никритина, чем связи его сестры с театральной и литературной общественностью. Тогда же Соломон Борисович впервые встречается с А.М. Горьким, об этом вспоминает сестра Никритина – Анна Борисовна: «Особое впечатление произвели на М. Горького вещи моего брата Семы Никритина. М. Горький настолько ими увлекся, что предложил брату ехать с ним в Питер. Так как у брата не было права жительства, то Алексей Максимович поселил его у себя на квартире на Кронверкском проспекте, где брат прожил довольно долго, а потом его переправили в Москву» [4 с. лист? 1].

Горький очень внимательно относится к молодому художнику. «М. Горький и М.Ф. Андреева не переставали заботиться о брате», пишет Анна [4 с. 2]. Никритин показывает Горькому свои рисунки, Горький направляет его на обучение в Москву и Петроград, знакомит со многими представителями творческой интеллигенции [5 с. 4].

Возможно, это связано не только с работами Никритина как художника, но и с его философскими воззрениями. Если обратить внимание на период пребывания М. Горького на Капри, то становится очевидным увлечение им «небольшевистским» марксизмом. Горький активно сотрудничает с Луначарским, Богдановым, Базаровым, разделяет идеи «богостроительства». Исследователь И.А. Ревякина отмечает: «На самом деле интерес Горького к “другому марксизму” – “русским махистам”, по уничижающему определению Ленина, был, несомненно, серьезным. Писателя восхища-

¹ Скорее всего имеется в виду Детский театр миниатюр Е.Л. Зорина.

ли его сторонники» [6 с. 100]. Таким образом, в лице М. Горького Никритин мог найти не только художественного наставника, но и соратника в отношении к философии социализма. В воззрениях Никритина, а также в его театральной деятельности явственно чувствуется влияние «Тектологии» Богданова. Особая роль организации (в богдановском понимании) просматривается в стремлении упорядочить эмоциональное постижение театра (или картины), раскладывая действо на составляющие (звук, цвет и пр.), проводя глубокий анализ каждой, а затем переводя все это в совершенно новую форму. Проекционный театр был тем театром, «где отдельными речевыми звуками, произносимыми артистами, они стремились выразить всю сложность и глубину сюжетного замысла драматурга» [5 с. 7]. Реакция зрителя на такой театр была отрицательной, однако Никритин нашел поддержку в лице А. Гастева, возглавлявшего на тот момент Институт труда.

Осмысление Революции 1917 г.

Несмотря на замечание Ш. Плаггенборга, что «обратившись к источникам, довольно скоро можно сделать вывод, что о старом в них говорится очень мало, о революции не говорится почти совсем» [7 с. 40], Никритин в воспоминаниях пытается осмыслить и понять тот путь, который прошли он и его окружение до и после революции. Первая мировая война для С.Б. Никритина – это определенный рубеж, который оказался крайне ощутимым для всего творческого сообщества: «Помните этот период, его можно разделить на два отдела: один до войны, другой после. В первом было все очень просто: где-то далеко жизнь, которую почти не слышишь, вблизи, конкурирующие между собою “братья по искусству”, в чем конкурирующие, об этом даже не спрашивалось: жили злобой профессионального дня... Принималось то, что было легче принять. Кубизм и футуризм как-то проходил МИМО, а над супрематизмом просто смеялись... Так докатывался к нам в Россию революционный подъем западного искусства, о его смысле не спрашивалось, реагировали так, как подсказывало сегодня “сердце”, писав пейзажи, натюрморты, портреты, отдавая радости “созерцания и творчества”, мечтая о монументальности старинных мастеров, разговаривая о мастерстве, ругая “ничего не понимавших” рецензентов, и когда задумываясь о том, что это за “формос” и “пластическое сознание”, о котором столько пишут за границей» [8 с. 1].

Никритин воспринимает шквал упреков, которые обрушиваются на новаторов. Казалось, наступает «конец» искусства, ожидаемый еще со времени Гегеля. «Нельзя сказать, чтобы нас не окружали никакие потрясения, ибо какое-нибудь дело Бейлиса или выезд царя тоже были потрясениями, нельзя сказать, чтобы не было идей, ибо создание национального искусства тоже было идеей. Но это были поверхностные потрясения и идеи, они были достаточно отвлеченны, достаточно нас мало касались в домашнем быту, чтобы волновать нас до боли, чтобы в упор поднимать какие-то противоречия и вопросы – вот почему можно было жить как бы в тумане, без особого отвечающего на все “пути”... Но вот грянула война, война, затронувшая нас непосредственно, ибо на ней гибли лучшие друзья и наиболее близкие люди. Война со всех сторон бессмысленная – ибо так на нее отвечала и наша “наследственная” среда. Мы ничего не понимали в жизни, фактически не участвовали в ней, были оторваны от нее вместе с нашей интеллигенцией. ...Искусство звало к наслаждению прекрасным, жизнь – к убийству, искусство восхваляло нежность, любовь – возвышенные чувства, жизнь – ненависть к врагу, борьбу за существование и т. д. Они были в корне противоречивы – жизнь была за войну, искусство против нее, нужно было выбирать то или другое, мы выбрали искусство. ...война нас убеждала, что жизнь, по существу, консервативна, в ней нет прогресса, что в ней одинаково растут орудия добра и зла и т. д. Во имя строительства жизни не стоит работать! А во имя искусства, о! Мы фактически слишком любили мир» [8 с. 2–4].

Эти воспоминания были написаны в сентябре 1922 г., Соломон Борисович как будто оправдывает себя и своих товарищей – художников за ту «поверхностность», которая была присуща им в до-революционное время. В то же время эти воспоминания являются отчасти реакцией на нэп, введение которого Никритин переживал тяжело.

После окончания Киевского художественного училища С.Б. Никритин продолжает свое обучение в Москве и Петрограде.

Революцию С.Б. Никритин встречает в Киеве. Согласно воспоминаниям В.И. Костина, художник «активнейшим образом участвует в пропагандистской изобразительной работе Киева» [5 с. 6]. Это был весьма плодотворный период для художника. В 1919 г. Никритин стал одним из участников Еврейской культурной лиги в Киеве.

Особенно отмечает в своей судьбе С.Б. Никритин один год: «Работать сознательно начал в 1919 г. К осени 1920 г. (28 сентя-

бря) сформулировал основные рабочие положения своего художественного мировоззрения в виде ряда тезисов. ...Прошедшие 14 лет, учеба за эти годы, встречи, разнообразный жизненный опыт неизменно подтверждал коренную историческую правильность установки взятой в 1919 г.» [3 с. 3]. Однако что именно произошло, почему выбрана именно эта дата, источники не раскрывают.

В 1920 г. Соломон Борисович эвакуирован в Харьков, откуда по командировке А.В. Луначарского он отправляется в Москву. В 1920–1921 гг. С.Б. Никритин оканчивает ВХУТЕМАС и сразу же становится членом «рабочего студенческого комитета». Б.Е. Ефимов, художник и карикатурист, также прошедший юность в Харькове и Киеве, так вспоминает свое первое впечатление о двух столицах: «В Петрограде я испытал те же чувства, что и в Москве: слава великого города ассоциировалась у меня не только и не столько с его далеким историческим прошлым, сколько с его новой, революционной славой и романтикой. Ведь мое поколение, прошедшее через “университеты” гражданской войны, хотя и уважало культурное наследие, но больше тяготело ко всему новому, необычайному, ниспровергающему. ...Естественно, что образы трех революций, события которых разворачивались здесь, на улицах и площадях Петрограда, заслонили в моих глазах все остальное» [9 с. 38].

Отныне Никритин занимается станковой живописью, активно участвует в деятельности Музея живописной культуры, но также разрабатывает собственное течение – «проекционизм». Музей живописной культуры стал почти составной частью ВХУТЕМАСа и местом, где особенно часто встречались будущие члены ОСТА. С.Б. Никритин был настолько увлечен проекционизмом, что, согласно данным исследователя В.И. Костина [10 с. 33], отказался от вступления в ОСТ из-за несогласия с их теоретическими разработками.

В период существования многих творческих групп, их борьбы не только из-за идеологических разногласий, но и элементарно за большее финансирование государством, сложно было выжить художнику-одиночке, тем более имевшему собственную теорию относительно будущего искусства и будущего в целом. Не имея практически никакой поддержки сверху, С.Б. Никритин был ограничен в своем творчестве. Его жена Д.И. Никритина отмечала, что практически на протяжении всей жизни Соломона Борисовича его работа осложнялась из-за отсутствия мастерской [11 с. 1].

Заключение

В 1929–1930 гг. С.Б. Никритина по его просьбе командировали в Рязань, где он «вел педагогическую работу по живописи, рисунку и цветоведению в Рязанском педагогическом художественном техникуме и читал лекции по истории живописи на Краснопресненских художественных курсах» [12 с. 4]. В это же время Никритин был привлечен к работе в Главискусстве НКП в качестве научного консультанта, где принимал участие в организации двух крупных выставок: «Антиалкогольная» в ГТГ и «Дети в советском искусстве» в ЦПКиО. В 1930 г. художник ненадолго вернулся в Москву, затем НКП командировал его в Сталинград на тракторный завод для творческой работы.

Это был закат его теоретических изысканий. Можно предположить, что желание Никритина отправиться в Рязань было связано отнюдь не с разочарованием в своей работе, а с ужесточением режима в стране, в том числе, в отношении культурной политики.

Однако и позднее С.Б. Никритин выступал за свободу в отношении культурной политики, он осуждал «групповщину» А. Герасимова: «Все, что добыто советским искусством в борьбе за творческий, социалистический реализм – добыто не этой группой, а вопреки ней и в борьбе с ней» [5 с. 25].

Эту верность революционно-модернистским поискам Никритину «припомнили» уже в 1956 г.: «Мне кажется, что т. Никритин очень много времени потерял на поиски, открывая Америки, давно уже открытые. Если бы он лет 20–30 тому назад стал на тот путь, на котором находится сейчас – ...то добился бы больших успехов» [13 с. 308].

И все же Соломон Борисович Никритин остался верен своим идеям. Он считал себя художником, рожденным революцией, носителем революционных идей, способных вывести человечество в новую эру.

Литература

1. Пчелкина Л.Р. Соломон Никритин – «художник процесса»: Неизвестные страницы русского авангарда 1920-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2012. № 1/1. С. 86–95.
2. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 109.
3. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 12.
4. Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 2717. Оп. 1. Д. 100.
5. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 312.
6. Ревякина И.А. «...В партии я не встречал равных им»: Неопубликованное письмо А. Богданова М. Горькому // Scando-slavica. 1993. Т. 39. С. 100–106.

7. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 414 с.
8. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 53.
9. *Ефимов Б.Е.* Ровесник века: Воспоминания. М.: Сов. художник, 1987. 347 с.
10. *Костин В.И.* ОСТ. Л.: Художник РСФСР, 1976. 159 с.
11. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 302.
12. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 20.
13. Третьяковская галерея. Рукописный отдел. Ф. 141. Д. 308.

References

1. *Pchelkina LR.* Solomon Nikritin is the “artist of the process”. Unknown pages of the Russian avant-garde of the 1920s. V: *Decorative art and the subject-spatial environment. Vestnik MGHPA.* 2012;1/1:86-95. (In Russ.)
2. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 109.
3. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 12.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv. Fond 2717. Opis' 1. Delo 100.
5. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 312.
6. *Revyakina IA.* “...In the party, I have seen nobody matching them”. An unpublished letter from A. Bogdanov to M. Gorky. *Scando-slavica.* 1993;39:100-6. (In Russ.)
7. *Plaggenborg S.* Revolution and culture: cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism. Sankt-Peterburg: Zhurnal “Neva” Publ.; 2000. 414 p. (In Russ.)
8. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 53.
9. *Efimov BE.* Coeval with the century. Memoirs. Moscow: Sovetskii hudozhnik Publ.; 1987. 347 p. (In Russ.)
10. *Kostin VI.* OST. Leningrad: Hudozhnik RSFSR Publ.; 1976. 159 p. (In Russ.)
11. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 302.
12. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 20.
13. Tret'yakovskaya galereya. Rukopisnyi otdel. Fond 141. Delo 308.

Информация об авторе

Юлия С. Филина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; wwwww.w@icloud.com

Information about the author

Julia S. Philina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; wwwww.w@icloud.com

«Обеззараживание
политически дефективной книжки»:
издание революционных мемуаров
в Обществе политкаторжан

Ольга В. Шемякина

*Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева,
Москва, Россия, shemiakina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается практика сопровождения работ небольшевистских авторов редакционными предисловиями и примечаниями в издательстве Общества политкаторжан в 1920-е – первой половине 1930-х годов. Выявлены их типы, цели, эволюция содержания, а также связь с актуальными для данного периода проблемами истории революционного движения. Автор делает вывод, что на первом этапе редакционные предисловия имели своей целью не только критику ошибочной немарксистской позиции автора. «Неверные» трактовки мемуаристов преподносились как характерные для определенной эпохи, социальной среды и придающие ценность публикуемому материалу как историческому источнику. На втором этапе (в первой половине 1930-х годов) значительно увеличивается объем редакционных предисловий и примечаний, меняется характер их содержания. В статье показано, что эти изменения были связаны не столько с ростом идеологического контроля, сколько с деятельностью главного редактора издательства И.А. Теодоровича. Он использовал неоднократно звучавший в дискуссиях вокруг Общества призыв усилить роль редакторов-большевиков для трансляции собственной концепции истории народничества. Данный вопрос рассматривается в контексте политической и литературной деятельности И.А. Теодоровича.

Ключевые слова: Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, советская историография, историография революционного движения, народничество, И.А. Теодорович, издательское дело, мемуаристика

Для цитирования: Шемякина О.В. «Обеззараживание политически дефективной книжки»: издание революционных мемуаров в Обществе политкаторжан // Вестник РГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 18–26. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-18-26

“Disinfecting Politically Defective Book”.
The Publication of Revolutionary Memoirs
by the Society of Pre-revolutionary Political Convicts

Olga V. Shemyakina

*Mendeleev University of Chemical Technology of Russia,
Moscow, Russia, shemiakina@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the practice of publishing the works of non-Bolshevik authors in the publishing house of the Society of Pre-revolutionary Political Convicts in the 1920s – early 1930s with editors’ prefaces and footnotes. The author classifies those prefaces and footnotes and analyzes their aims, contents evolution, and connection with the issues in the history of the revolutionary movement, relevant to that period. The author concludes that firstly the editor’s prefaces aimed at criticizing erroneous non-Marxist opinions of memoirists. “Incorrect” interpretations were presented as characteristic for a certain epoch or milieu and giving value to the published material as a historical source. At the second stage (the early 1930s) the volume of editors’ interventions increases, and their character changes. The article shows, that these changes were not so much due to the growth of ideological control, but to the activity of the editor-in-chief of the publishing house I.A. Teodorovich. He used the idea of increasing the role of Bolshevik editors to promulgate his concept of populism history. The author considers this issue in the context of political and literary activity of I.A. Teodorovich.

Key words: Society of Pre-revolutionary Political Convicts and Exiles, soviet historiography, historiography of revolutionary movement, populist (narodnik) movement, I.A. Teodorovich, publishing, memoiristics

For citation: Shemyakina OV. “Disinfecting Politically Defective Book”. The Publication of Revolutionary Memoirs by the Society of Pre-revolutionary Political Convicts. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;5(38):18-26. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-18-26

Введение

Осенью 1931 г. в издательстве Общества политкаторжан (ОПК) готовилось ко второму изданию собрание сочинений В.Н. Фигнер. По предложению главного редактора И.А. Теодоровича оно должно было сопровождаться примечаниями. Однако Фигнер резко воспротивилась этому и добилаась публикации без каких-либо

предисловий и комментариев редакции, обратившись за помощью к Е. Ярославскому, который получил соответствующее разрешение от Сталина [1 л. 10–11, 2 л. 32, 44–45, 3 л. 38]. Этот небольшой эпизод показывает, сколь непростыми были взаимоотношения между старыми революционерами и издававшими их воспоминания редакторами-большевиками и как остро стоял вопрос о редакционном вмешательстве в публикуемый материал.

В изучении истории ОПК большое внимание уделяется проблеме роста политического и идеологического давления на Общество и изменению характера его деятельности в первой половине 1930-х годов. Так, в работах М. Юнге и Н.Ф. Васильевой подробно рассмотрены критика Общества в печати, а также реакция на нее внутри ОПК [4, 5]. Важнейшими источниками здесь выступают сохранившиеся стенограммы заседаний комфракции ОПК, на которых детально и довольно откровенно обсуждались предъявляемые Обществу претензии и различные точки зрения на его задачи. Однако полная картина истории ОПК может быть получена только в результате изучения эволюции его реальной деятельности, которая протекала в связи с этими дискуссиями, но не всегда в прямой от них зависимости.

В данной статье будет рассмотрен такой аспект издательской деятельности ОПК, как практика сопровождения работ меньшевистских авторов комментариями, примечаниями, предисловиями и послесловиями, написанными редакторами-большевиками. При подготовке статьи были использованы все номера журнала «Каторга и ссылка» и все издания, упомянутые в каталогах издательства ОПК, с наличием той или иной формы редакционного участия.

Редакционные примечания и критика издательства ОПК

В издательской деятельности ОПК и посвященных ей дискуссиях вопрос о редакционных примечаниях и предисловиях занимал особое место. Издательство специализировалось на выпуске литературы по истории революционного движения, каторги и ссылки – не только научных исследований, но и мемуаров и документов. Значительная часть публикаций принадлежала авторам-меньшевикам – бывшим эсерам, народникам, анархистам, кадетам и др. Проблема недостатка авторов-большевиков и марксистского освещения вопросов истории революционного движения была в центре критики деятельности издательства как извне, так и внутри

самого Общества. Говорилось, что Общество занимается «чистой историей», «искусством ради искусства» [6 л. 93], «вне времени и пространства» [2 л. 107].

В этой ситуации редакционные примечания могли выступать в качестве компромисса, позволявшего издавать тексты немарксистских авторов в большевистском освещении. По крайней мере, такие предложения выдвигались в ходе критики ОПК, развернувшейся в начале 1930-х годов. В то же время звучали мнения, что предисловия и примечания редакции служат как бы «прикрытием» для издания «политически вредных книг» [2 л. 91] и не могут являться эффективным инструментом хотя бы в силу того, что зачастую их никто не читает [4 с. 401].

Чтобы понять роль редакционных примечаний и предисловий не только в дискуссиях вокруг Общества политкаторжан, но и в его реальной издательской практике, необходимо выявить их типы, цели, эволюцию содержания, а также связь с актуальными для первой половины 1930-х годов проблемами истории революционного движения.

«Взгляд ошибочный, но характерный»

Если рассмотреть издания Общества политкаторжан с более или менее содержательными, а не просто справочными редакционными дополнениями, то можно выявить две основные линии. Для первой характерны небольшие предисловия (3–7 страниц) и минимальное количество примечаний внутри текста. Такой тип редакционного участия относится главным образом к изданиям 1927–1931 гг. Авторами предисловий чаще всего в этот период выступали Ф.Я. Кон, М.М. Константинов, Н.Ф. Чужак-Насимович.

В предисловиях этого типа можно выделить две основные темы: критика авторской позиции и разъяснение читателю ценности издаваемых мемуаров. Интересно, что эти две цели были неразрывно связаны: по мнению авторов предисловий, ценность воспоминаниям придавали именно характерные для них ошибочные трактовки и представления, так как через них читатель получал ключ к пониманию особенностей той эпохи или социальной группы, о которых шла речь. Приведем несколько примеров.

Автор предисловия к воспоминаниям И.П. Белоконоского (1855–1931) критиковал его за непонимание сущности и социальных корней революции, но в то же время отмечал, что эти

«ненаучные, крайне ошибочные суждения и взгляды автора воспоминаний могут служить лишь материалом для характеристики тех слоев, к которым он принадлежал», и подчеркивал несомненную ценность мемуаров для понимания эпохи Александра III: «перед читателем <...> раскрывается целая галерея людей и людишек мрачной александровской эпохи, цепляются одна за другую картины чиновничьего произвола и самодурства, обывательской растерянности и пошлости, бессилия и безыдейности интеллигенции» [7 с. 5–6, 10]. Тот же подход к оценке мемуарных источников проводится и в предисловии к воспоминаниям Н.Г. Кулябко-Корецкого (1846–1931): его «глубоко неверная и крайне субъективная оценка Лаврова» как гениального мыслителя названа важной для понимания того, «чем был Лавров для его современников» [8 с. 7]. Ф.Я. Кон в предисловии к биографическому очерку Л.Я. Штернберга (1861–1927) о П.К. Домбровском пишет о неверном бесклассовом взгляде автора на Польшу как на «страдалицу», но тут же говорит, что этот ошибочный, но характерный для революционеров той эпохи взгляд и придает ценность книге [9 с. 5–7]. Этот же акцент на особенностях восприятия действительности различными поколениями революционеров можно найти и в предисловии Кона к воспоминаниям Н.А. Чарушина (1852–1937): «Это была та первоначальная стадия революционного движения, когда людей сплачивало не единство взглядов на будущее, а недовольство существующим, когда враг этого существующего, независимо от того, к чему он стремился в будущем, становился другом и соратником в борьбе», – так Кон пытался объяснить, в частности, положительную характеристику, данную Чарушиным начальнику карийской каторги В.О. Кононовичу [10 с. 5–7].

Как видно из приведенных примеров, предисловия носили довольно мягкий характер, а их главной целью было разъяснить читателю ценность публикуемого материала для изучения прошлого. Неверное понимание автором воспоминаний тех или иных процессов отмечалось, но преподносилось как нечто естественное, вытекающее из социального происхождения автора, особенностей его среды и эпохи. Этот авторский «субъективизм» представлялся как достоинство публикуемого исторического источника. Необходимо добавить, что в глазах самих мемуаристов эта присущая редакционным предисловиям интонация могла выглядеть как снисхождение и вызвать скорее отторжение. По крайней мере, известно о такой отрицательной реакции Н.А. Чарушина на предисловие Ф.Я. Кона [11 с. 379].

«Под редакцией И.А. Теодоровича»

Возникновение второго типа редакционного присутствия связано с именем старого большевика И.А. Теодоровича. В конце 1920-х – начале 1930-х годов Теодорович стал главным действующим лицом и объектом критики в ходе дискуссии о «Народной воле», одновременно с этим его имя неоднократно упоминалось в рамках кампании против «кондратьевщины». Со страниц центральных газет на него посыпались обвинения в «правом оппортунизме» и «неонародничестве». В итоге Теодорович был снят с работы в Наркомземе, но сохранил и даже укрепил свои позиции в ОПК, занимая пост главного редактора издательства и журнала «Каторга и ссылка».

Нововведение Теодоровича предполагало сопровождение публикаций не только предисловием, но и объемными многочисленными примечаниями. Первым опытом редакции в этом направлении было издание в 1929 г. воспоминаний Н.С. Русанова «В эмиграции», после которого Теодорович, автор предисловия и примечаний к ним, получил звонок от сына Русанова со словами: «Вы испортили книжку моего отца» [12 с. 7]. Далее под редакцией Теодоровича вышло еще несколько книг: продолжение воспоминаний Н.С. Русанова «На родине» (1931), собрание сочинений М.Ф. Фроленко (1932), мемуары М.Р. Попова «Записки землевольца» (1933), «Повести моей жизни» Н.А. Морозова (1933).

Также попытку поработать в этом жанре сделал Насимович-Чужак. В 1931 г. под его редакцией вышел третий том воспоминаний адвоката М.Л. Мандельштама «1905 год в политических процессах». В предисловии автор был аттестован как «типичный представитель той мелкобуржуазной части бывшей цензовой интеллигенции, которая по самой природе своей была обречена на метание между революцией и так называемым “обществом”», а его воспоминания – содержащими «несносно-раздражающие либералистские рецидивы» [12 с. 10]. Постраничные примечания, написанные Чужаком, носили не просто критический, а скорее ироничный, язвительный и совсем не академический характер, а их целью было создание и высмеивание образа автора как типичного либерала-обывателя.

Однако Теодорович использовал подобный формат в совершенно других целях, а именно – развития и обоснования собственной концепции народничества. В споре о «Народной воле» он продолжал настаивать на своей правоте, заявляя, что по вопросу о народничестве его поддерживает ЦК, а его основные оппоненты (Г.С. Фридлянд, Э.Я. Газганов, П.О. Горин, И.Л. Татаров) были исключены из партии за троцкизм. Столь же упорно он защищал

издательство ОПК и журнал «Каторга и ссылка», последовательно опровергая адресованные им претензии и обвинения [2 л. 39, 6 л. 50–68, 160–172, 13 л. 127–140, 14 л. 60–61].

Основной темой последующих публикаций Теодоровича о народничестве становится выделение в нем различных течений и линий эволюции. Так, в народничестве он выделял лавризм, бакунизм, ткачевизм и правое крыло, а помимо этого – ассоциаторский, индивидуалистический и кооперативно-индивидуалистический социализм; в народовольчестве – бабувизм, политический радикализм и предсоциалдемократизм. При этом все эти течения находились в непростых отношениях друг с другом: они то синтезировались, образуя новые, то дифференцировались, то перетекали одно в другое. Эти метаморфозы Теодорович объяснял как через развитие революционной мысли, так и через социально-экономические процессы. Например, перерастание бакунизма в бабувизм описывалось им как результат движения народнической мысли, которая постоянно разбивалась о реальность и требовала каждый раз поиска новых решений. А дифференциация трех течений в народовольчестве была связана с различными историческими судьбами разоряемого капитализмом мелкого производителя.

Свою концепцию народничества Теодорович развивал не только на страницах журнала «Каторга и ссылка» [15, 16], но и в предисловиях и комментариях к выходящим под его редакцией мемуарам народовольцев. Объем текста Теодоровича с каждым разом становился все больше и больше, превратившись в издании Морозова практически в самостоятельное произведение, расположившееся более чем на 150 страницах. Каждый мемуарный источник Теодорович преподносил как подтверждение той или иной части своей концепции. Так, например, воспоминания Морозова служили иллюстрацией к «политическому радикализму», развивавшемуся внутри народовольчества, а «Записки землевольца» М.Р. Попова – к эволюции бакунизма в бабувизм. Таким образом, в редакции Теодоровича мемуары народовольцев превращались в материал, который читателю предлагалось осмыслить с точки зрения его концепции.

Заключение

Анализируя последствия письма Сталина в журнал «Пролетарская революция» 1931 г. для ОПК, М. Юнге писал: «Если на вопрос, воспринималось ли письмо Сталина как поворот, можно ответить однозначным “да”, то ответом на вопрос, означало ли письмо

Сталина и действительно поворот, будет столь же однозначное «нет»» [4 с. 412]. Для практики сопровождения редакционными предисловиями и изданий Общества политкаторжан 1931 год тоже можно было бы назвать рубежным, так как именно с этого момента произошла смена типов редакционного присутствия. Однако эти изменения были связаны не столько с ростом идеологического контроля, сколько, в первую очередь, с деятельностью главного редактора И.А. Теодоровича, который откликнулся на неоднократно звучавший призыв усилить роль редакторов в издательской деятельности ОПК, однако отнюдь не в целях повышения «большевистской бдительности», а для подкрепления и развития собственной концепции истории народничества.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 5. Д. 25.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 5. Д. 192.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 4. Д. 19.
4. *Юнге М.* Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.
5. *Васильева Н.Ф.* Влияние Коммунистической партии на издательскую деятельность Общества политкаторжан // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 146–160.
6. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 58.
7. *Белоконский И.П.* В годы бесправия / предисл. и ред. М.М. Константинова. М.: Изд-во ВОПСЦ, 1930. 160 с.
8. *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Из дальних лет / ред. Б.П. Козьмина и М.М. Константинова. М.: Изд-во ВОПСЦ, 1931. 310 с.
9. *Штернберг Л.Я.* Петр Карлович Домбровский / предисл. Ф. Кона. М.: Изд-во ВОПСЦ, 1928. 43 с.
10. *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом / предисл. Ф. Кона. М.: Изд-во ВОПСЦ, 1929. 112 с.
11. *Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 444 с.
12. *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах: записки защитника / с предисл. и примеч. Н.Ф. Чужака. М.: Изд-во ВОПСЦ, 1931. 392 с.
13. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193.
14. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198.
15. *Теодорович И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.
16. *Теодорович И.* Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 7–61.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 89. Opis' 5. Delo 25.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 533. Opis' 5. Delo 192.
3. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. Fond 1184. Opis' 4. Delo 19.
4. *Junge M.* Retired Revolutionaries: The Society of Pre-revolutionary Political Convicts and Exiles: 1921–1935. Moscow: AIRO-XXI Publ.; 2015. 636 p. (In Russ.)
5. *Vasil'eva NF.* The Influence of the Communist Party on the Publishing Activity of the Society of Pre-revolutionary Political Convicts and Exiles. V: *Siberian Exile*. Irkutsk: Ottisk the Society of Publ.; 2013. P. 146-60. (In Russ.)
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 89. Opis' 5. Delo 58.
7. *Belokonskii IP.* In *Lawless Times*. Pref. and ed. by M.M. Konstantinov. Moscow: VOSP Publ.; 1930. 160 p. (In Russ.)
8. *Kulyabko-Koretskii NG.* From a Distant Past. Ed. by B.P. Koz'min and M.M. Konstantinov. Moscow: VOPSP Publ.; 1931. 310 p. (In Russ.)
9. *Shternberg LYa. Petr Karlovich Dambrovskii.* Pref. by F. Kon. Moscow: VOPSP Publ.; 1928. 43 p. (In Russ.)
10. *Charushin NA.* About the Distant Past. Pref. by F. Kon. Moscow: VOPSP Publ.; 1929. 112 p. (In Russ.)
11. *Saburova T., Eklof B.* Saburova T., Eklof B. Friendship, Family, Revolution. Nikolai Charushin and the Generation of Populists of the 1870s. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 444 p. (In Russ.)
12. *Mandelshtam ML.* The year 1905 in Political Trials. A Memoir of a Lawyer. Moscow: VOPSP Publ.; 1931. 392 p. (In Russ.)
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond. 533. Opis'. 5. Delo. 193.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond. 533. Opis'. 5. Delo. 198.
15. *Teodorovich I.* About the Discussion between V. Figner and E. Kolosov. *The Penal Servitude and Exile*. 1932;1:5-104. (In Russ.)
16. *Teodorovich I.* The Role of N.A. Morozov in the Revolutionary past. *The Penal Servitude and Exile*. 1932;7:7-61. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга В. Шемякина, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 9; shemiakina@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Shemyakina, Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia; bld. 9, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia; shemiakina@yandex.ru

«Культурная революция»:
становление системы парков культуры и отдыха
в СССР 1928–1941 гг.

Артем Ю. Голбин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, golbinartem@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления системы парков культуры и отдыха (1928–1941 гг.) в рамках мероприятий Культурной революции в СССР по материалам федеральных и московских архивов, а также опубликованных источников и документов, сохранившихся в самих парках. Исследуются причины широкого распространения и популярности парков культуры у населения и у советского руководства. Рассматриваются методы пропаганды и идеологического воздействия и их проявление в деятельности парков культуры, приведены основные примеры спортивной активности и развлечений. В статье предпринята попытка анализа парков культуры не только как учреждений культуры «нового» типа, но и как активного механизма продвижения «культурной революции» в массы и ответной реакции населения на государственную политику в сфере досуга. Автор пытается продемонстрировать противоречия между политикой властей относительно парков культуры и пожеланиями посетителей парков. Данная конфронтация влияет на формирование культурно-досуговой программы парков, которая в конечном счете является компромиссом.

Ключевые слова: СССР, Культурная революция, парки культуры и отдыха, идеология, пропаганда, досуг, массовая культура, сталинизм

Для цитирования: Голбин А.Ю. «Культурная революция»: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928–1941 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5(38). С. 27–36. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-27-36

“The Cultural Revolution”.
The make of a system for Parks
of Culture and Leisure in the USSR 1928–1941

Artem Yu. Golbin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, golbinartem@gmail.com*

Abstract. The article considers the make of a system for Parks of Culture and Leisure in the process of “Cultural revolution” in the Soviet Union in 1928–1942. It is based on the material from Federal and Moscow archives as well as on the published sources and documents preserved at the parks themselves. There is a study of their wide spread and popularity with the citizens and Soviet government. Methods of propaganda and ideological affecting and their manifestation in the activity of the Parks of Culture are considered, some main examples of sports activities and entertainment are given. The article attempts to analyze the Parks of Culture not only as cultural institutions of a “new” type, but also as an active mechanism for promoting the “cultural revolution” in the masses and the public’s response to State policy in the sphere of leisure. The author also tries to show contradictions between the government policy in Parks of Culture and Leisure and wishes of parks visitors. Such confrontation influences the formation of a cultural and entertainment program of Parks, which in the final analysis is a compromise.

Key words: USSR Cultural Revolution, Parks of Culture and Leisure, ideology, propaganda, leisure, Mass culture, Stalinism

For citation: Golbin AYu. The Cultural Revolution. The make of system for Parks of Culture and Leisure in the USSR 1928–1941. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;5(38):27-36. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-27-36

Введение

В период конца 1920-х – начала 1930-х годов происходят серьезные изменения в управлении государством, организации производства и сельского хозяйства, научной сфере, системе образования, социальной структуре и сфере быта населения. Построение социалистического государства требовало кардинальных изменений не

только в промышленности или сельском хозяйстве, но в первую очередь в культурной и социальной сферах – в образе жизни, идеологии, мировоззрении и мировосприятии, даже в сознании граждан.

Попыткой провести подобные преобразования стала так называемая Культурная революция, введенная в советский политический язык В.И. Лениным [1] в 1923 г. Комплекс мероприятий, называемый «Культурной революцией», решал ряд насущных проблем советского государства, таких как ликвидация безграмотности, подготовка квалифицированных кадров, но главное – необходимость «выковать новых людей» – пропаганда социалистических идей среди населения, в первую очередь молодежи, «прививание» нужных взглядов народным массам и создание прослойки лояльных режиму граждан.

Государство старается максимально охватить и подчинить себе культурную жизнь общества, для чего создает жестко централизованную систему контроля за органами культуры и задействует все многообразие существовавших ранее методов массовой работы, наглядной агитации и пропаганды. При этом каждый из существовавших методов видоизменяли, добавляли туда что-то новое. Возникали и учреждения нового типа, где политико-просветительская работа сочетается с культурным отдыхом [2 с. 23]. К таким учреждениям можно отнести городки однодневного отдыха, кружки самодеятельности, дома культуры, санатории и дома отдыха, общественные фонды, но особенный интерес представляют парки культуры и отдыха (ПКО).

Вопросы становления ПКО и их роли в Культурной революции рассматривались с середины 1930-х годов в монографиях отечественных исследователей Л.Б. Лунца [3] и В.Н. Воскобойникова [4], изучавших процессы создания и особенности устройства ПКО, и зарубежных ученых, Д. Хоффмана [5] и Карла Шлегеля [6], рассматривавших ПКО как социокультурное явление.

Тем не менее ни одно из приведенных исследований не содержит в себе анализа процесса формирования системы ПКО в 1930-е годы и реальной роли этих учреждений в Культурной революции.

Возникновение парков культуры и отдыха

12 августа 1928 г., за два месяца до принятия первого пятилетнего плана, в Москве на Крымском валу был открыт первый подобный парк, впоследствии – Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького (Парк Горького). Два года спустя в 1930 г. на восточной окраине Москвы создается ПКиО Измайлово (с 1932 – ПКиО

им. Сталина). Через год, 16 мая 1931 г., постановлением Моссовета историческое место гуляний москвичей – парк Сокольники – получил статус ПКО. 12 августа 1932 г. на Елагином острове открывается первый ЦПКиО в Ленинграде (с 1934 г. – им. С.М. Кирова). Чаще всего ПКО создавались не на пустом месте, но на базе уже существовавших общедоступных парков (например, в Москве это Парк Сокольники, открытый для публики в 1876 г.), либо на месте национализированных дворянских усадеб (так возник ПКО в Измайлово), либо путем слияния этих двух типов территорий (так возникает ЦПКиО им. М. Горького, в состав которого вошли располагавшиеся у Крымского вала Орловские луга и территории Нескучного сада – бывшей императорской усадьбы) [7]. Количество парков культуры и отдыха стремительно росло – к началу 1940-х годов их число в СССР перевалило за тысячу [2 с. 12].

Архивное наследие парков

Несмотря на большую популярность первых московских ПКО у населения и их значительную роль в культурной жизни столицы, сведения об их деятельности в фондах федеральных и московских архивов весьма ограничены. Так, документы парторганизации администрации Парка Горького за период 1930-х годов, по утверждению сотрудников архива ЦПКиО, были уничтожены в 1942 г., когда здание администрации парка было разрушено попаданием немецкой авиабомбы. Проверить данную информацию сегодня не представляется возможным – вероятно документы были оценены как не подлежащие эвакуации или не представляющие ценности для дальнейшего хранения. Аналогичная ситуация сложилась и в других московских парках.

На данный момент все ПКО Москвы, созданные в 1920–1930-е годы, обладают собственными «архивами», содержащими достаточно отрывочную информацию о деятельности парков в период их становления. Архивами в научном смысле эти собрания назвать сложно, скорее это некие документальные коллекции, объединенные по различным признакам, составленные сотрудниками парков и далеко не всегда соответствующие правилам комплектования, учета и использования архивных документов. Наиболее структурированными из них являются архив ЦПКиО им. М. Горького, где присутствует деление материалов по фондам и коллекциям и разработаны элементы научно-справочного аппарата, а также систематизированная коллекция фотоматериалов парка «Сокольники».

Сведения о первых этапах работы ПКО обнаруживаются главным образом в фондах организаций, деятельность которых была тесно связана с парками культуры. Это прежде всего документы официального характера. Так, в Центральном государственном архиве Московской области сохранились протоколы заседаний Моссовета [8] – Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, под руководством которого находились все московские ПКО. Данные материалы содержат информацию о дискуссиях, имевших решающее значение в вопросах становления, концепции и работы парков. Наряду с решениями о создании вышеперечисленных парков встречаются и весьма курьезные моменты. Например, при обсуждении вопроса о названии учреждений нового типа велись дискуссии о том, как назвать парки – «культуры и отдыха» или «отдыха и культуры» [9]. В итоге было принято решение остановиться на первом варианте, что явно свидетельствует о распределении приоритетов в деятельности ПКО – культура и образование ставились выше отдыха.

В Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ) сохранились материалы парткома ЦПКиО за период с 1941 г. [10]. Лишь малая часть этих материалов охватывает исследуемый период, однако и они позволяют судить о разнообразии партийной и идеологической работы в ЦПКиО – по сохранившимся материалам и отчетам до 50% всех массовых мероприятий, проведенных за январь–июнь 1941 г., так или иначе были связаны с пропагандой советского образа жизни.

Фонды Наркомпроса [11] и Всесоюзного центрального совета профсоюзов [12] в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) содержат значительный объем информации, посвященной концепции развития и направлениям деятельности ПКО.

Отдельного внимания заслуживает личный фонд первого директора Парка Горького – Б.Н. Глан [13]. В противовес обилию официальных документов и материалов, которые не позволяют в полной мере оценить все тонкости становления системы ПКО, фонд Бетти Глан содержит большое количество документов и воспоминаний личного характера.

«Комбинаты культуры и отдыха»

Ключевое отличие ПКО от других учреждений культуры, порожденных Культурной революцией, заключалось в исключительном разнообразии их деятельности и беспрецедентной широте охвата практически всех сфер культуры досуга граждан. Пространство этих «комбинатов культуры» изначально создавалось для

пропагандистских целей, поэтому любой ПКО априори обладал большими ресурсами и культурно-идеологическим потенциалом, нежели другие учреждения СССР. К тому же парки изначально создавались в расчете на массовость – ежедневно их посещали десятки, а иногда и сотни тысяч людей различного культурного уровня, что привело к упрощению в подаче материала и донесению информации до посетителей в ненавязчивой досугово-развлекательной форме.

Не случайно в 1930-е годы Парк Горького называли «городом в городе» [14 с. 108] – на его территории размещались лектории и кинотеатры, спортивные и театральные площадки, художественные и фотомастерские, военный городок и городки однодневного отдыха, собственная типография (где издавалась еженедельная газета), радиоузел, пожарные и отделение милиции. Большинство ПКО было обустроено по аналогичной схеме, что производило на посетителей сильное впечатление – жизнь за забором парков культуры поразительно отличалась от повседневной жизни своей пестротой и праздничностью. Красивая праздничная жизнь ПКО преподносилась и воспринималась людьми как успехи и заслуги советской власти.

Широта деятельности парков культуры поражает – они удовлетворяли запросы фактически всех групп населения, независимо от их культурного и образовательного уровня. В середине 1930-х годов в парках культуры можно было посмотреть спектакль с участием артистов Большого театра или постирать белье, посетить лекцию по физике или научиться читать и писать, разучить классический танец или пройти медицинское обследование и сделать прививки.

Разительно отличаются от материалов федеральных и московских архивов документы, сохранившиеся в собраниях самих парков. ПКО «Сокольники» располагает собственной коллекцией фотографий и афиш, систематизированной по тематическому признаку. Эти документы дают представление о жизни парка и разнообразных массовых мероприятиях и праздниках в период 1932–1941 гг. Однако здесь есть и свои недостатки – обилие визуального материала сопровождается фактически полным отсутствием других источников.

Значительный объем информации содержит архив ЦПКиО им. М. Горького. Ядро архива составляют коллекции фотодокументов – 6214 ед. хр., афиш – 398 ед. хр., пригласительных билетов – 132 ед. хр., грамот и дипломов – 93 ед. хр. Помимо этого архив содержит четыре фонда, три из них – личные фонды руководителей и сотрудников Парка и один посвящен непосредственно документации Парка. В состав этого фонда входят сценарии и планы мас-

совых программ, планы и отчеты по основной деятельности, внутреннюю документацию и переписку дирекции Парка за период 1932–1989 гг. [13].

В материалах содержатся сведения об экспериментальных проектах, проводившихся в первых ПКО. Сюда можно отнести так называемые городки однодневного отдыха, организованные по образцу домов отдыха и санаториев. Наполняемость городков группами рабочих и крестьян была постоянной за счет непрерывного цикла производства и шестидневной рабочей недели. Программа городка, рассчитанная на весь день (без ночевки), была четко распланирована, ей должны были следовать все посетители. В тот же период в ПКО возникают «военные городки» со своими спортивными занятиями, сдачей норм на значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок», курсами для детей и взрослых по пользованию противогазом, установке палаток, метанию гранат, демонстрацией образцов оружия, снаряжения и военной техники.

Рупоры пятилетки

При всем разнообразии массовой работы и проводимых мероприятий пропаганда идей и взглядов, нужных советскому режиму, всегда оставалась на первом месте в деятельности всех ПКО. В ПКО устанавливались консультационные пункты, где сидели агитаторы, вооруженные картами и фотографиями и готовые ответить на политические, технические и религиозные вопросы посетителей. Только на территории ЦПКиО в 1940 г. было 26 таких пунктов [2 с. 86]. Также в парках действовали агитационные бригады, наиболее известными из которых стали «Синие блузы». В праздничные дни их призывы раздавались с каждой аллеи и площади, в крупных ПКО одновременно действовали десятки подобных бригад.

Идеологизации подверглись даже нейтральные, спортивные и развлекательные мероприятия вплоть до аттракционов – например, прыжок с парашютной вышки или «петля Нестерова» (мертвая петля) в развлекательной форме давали представление об обороне страны и действиях в боевых условиях.

Сильна была и пропагандистская составляющая массовых мероприятий – фестивалей, шествий и карнавалов, где идеализированный образ рабочих и крестьян противопоставлялся гротескно-вычурным представителям «буржуазных классов». Регулярно проводились тематические дни – День железнодорожника, День ВМФ, День ударников труда, День РККА и др.

Раскрытию темы исследования в значительной мере способствуют опубликованные источники, в первую очередь мемуары Б.Н. Глан – «Праздник всегда с нами» [14]. Хотя эта книга создавалась Бетти Николаевной в преклонном возрасте в 1980-е годы, она проливает свет на становление системы ПКО, демонстрирует данный процесс в контексте личных контактов и взаимодействий, показывает его не с официальной позиции, но с точки зрения автора.

Следует выделить собственную газету «Парк культуры и отдыха», выходившую в ЦПКиО в период 1930–1936 гг. один раз в декаду. Подшивки некоторых номеров газеты сохранились в фондах Российской государственной библиотеки. Данная газета, по сути, являлась своеобразным «спутником» парка, ее главной задачей было информирование читателей о структуре и внутренних взаимоотношениях парка. Материал газеты был чрезвычайно обширен – от статей и заявлений руководства и официальных объявлений до хвалебных заметок в адрес сотрудников-ударников и выговоров за пьянство и прогулы.

Видоизменения архитектурного облика ПКО в 1930-е годы практически в полном объеме позволяют проследить публикации в журналах «Архитектура СССР» и «Строительство Москвы». За жизнью парка и проводимыми в нем мероприятиями следили на страницах журналов «Клуб» и газеты «Вечерняя Москва». Если газета ЦПКиО демонстрирует работу парков «изнутри», то вышеперечисленные издания позволяют взглянуть на нее «извне». Сопоставление материалов данных газет позволяет рассмотреть процесс становления и деятельности ПКО с разных ракурсов.

Заключение

ПКО становятся своеобразными «аккумуляторами культуры», они объединяют в себе деятельность различных образовательных и культурных, а также научных, военных, социальных и развлекательных учреждений. Разнообразие деятельности обеспечивает постоянный и весьма значительный приток посетителей, широкий охват народных масс, что делает ПКО крайне перспективными учреждениями в глазах советского руководства.

В то же время парки вносят собственный весомый вклад в Культурную революцию. В них переплетается деятельность различных учреждений, возникают новые культурные формы и методы пропаганды и идеологического воздействия.

1930-е годы становятся «Золотым веком» парков культуры и отдыха. Первые ПКО были своеобразным экспериментом – попыткой создать природно-развлекательный комплекс с широким набором активностей. Эксперимент оказался успешным – благодаря своей мультифункциональности, досуговой направленности, культурному предложению фактически для всех категорий населения и возможности обслуживать огромные массы людей Парки культуры приобретают популярность как у граждан, так и у советского руководства. Именно благодаря успеху первых парков сеть ПКО стремительно расширяется, к началу 1940-х годов она охватывает фактически всю территорию СССР.

Хотя деятельность парков культуры не прекращалась и в годы войны, война и послевоенное восстановление страны серьезно сказались на состоянии сети ПКО. В результате на смену расцвету и росту 1930-х годов приходит стагнация, а с начала 1950-х годов (главным образом после смерти И.В. Сталина) начинает меняться основное направление деятельности парков – от идеологии и пропаганды советского образа жизни к преобладанию культурно-досуговых мероприятий.

Литература

1. *Ленин В.И.* О кооперации: Статьи и речи. М.: Московский рабочий, 1924. 198 с.
2. *Писаревский Д.* Парки культуры и отдыха. М.: Московский рабочий, 1940. 212 с.
3. *Луниц Л.Б.* Парки культуры и отдыха. М.: Госстройиздат, 1934. 518 с.
4. *Воскобойников В.Н.* Становление и развитие советских парков культуры и отдыха в годы довоенных пятилеток, 1928–1940 гг. М., 1977. 238 с.
5. *Hoffman D.L.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. London, 1994. 282 p.
6. *Schlögel K.* Ein Garten für den Neuen Menschen. Die Chronik einer monstrosen idylle. München, 1997. 182 p.
7. *Глан Б.Н.* Ударно работать – культурно отдыхать. М.: Моспартиздат, 1933. 78 с.
8. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 66. Оп. 2. Д. 71.
9. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 327. Ч. 4.
10. Центральный архив общественных движений Москвы. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А–2306.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–5451.
13. Архив ЦПККиО им. М. Горького. Ф. 1. Оп 1–5; Ф. 2. Ф. 3. Ф. 4.
14. *Глан Б.Н.* Праздник всегда с нами. М., 1988. 192 с.

References

1. *Lenin VI*. On Cooperation. Articles and speeches. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.; 1924. 198 p. (In Russ.)
2. *Pisarevsky D*. Parks of Culture and Leisure. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.; 1940. 212 p. (In Russ.)
3. *Lunz LB*. Parks of Culture and Leisure. Moscow: Gosstroizdat Publ.; 1934. 518 p. (In Russ.)
4. *Voskoboynikov VN*. Emergence and development of Soviet Parks of Culture and Leisure in the times of the pre-war five year plans 1928–1940. Moscow, 1977. 238 p. (In Russ.)
5. *Hoffman DL*. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. London, 1994. 282 p.
6. *Schlögel K*. A garden for the new person. The chronicle of a monstrous idyll. Munchen, 1997. 182 p.
7. *Glan BN*. Shock work-cultured leisure. Moscow: Mospartizdat Publ.; 1933. 78 p. (In Russ.)
8. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskovskoi oblasti. Fond 66. Opis' 2. Delo 71.
9. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskovskoi oblasti. Fond 2157. Opis' 1. Delo 327.
10. Tsentral'nyi arkhiv obshchestvennykh dvizhenii Moskvy. Fond 977. Opis' 1. Delo 43.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A–2306.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P–5451.
13. Arkhiv TsPKiO im. M. Gor'kogo. Fond 1 Opis' 1-5; Fond 2, Fond 3, Fond 4.
14. *Glan BN*. A holiday is always with us. Moscow, 1988. 192 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Артем Ю. Голбин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; golbinartem@gmail.com

Information about the author

Artem Yu. Golbin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; golbinartem@gmail.com

Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев: несостоявшиеся преемники В.И. Ленина

Иван А. Анфертьев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vestarchive@gmail.com*

Аннотация. В статье на основе архивных документов анализируются обстоятельства отстранения от власти ближайших соратников В.И. Ленина – Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Целью статьи является выяснение основных причин победы И.В. Сталина в острой конкурентной политической борьбе за власть после смерти В.И. Ленина. Автор, используя историко-сравнительный, историко-генетический и историко-психологический методы, полагает, что наиболее сильной политической фигурой с учетом опыта революционной борьбы, партийного стажа, авторитета в партии в первом и втором эшелонах партийного руководства был Каменев. Именно ему было поручено вести заседания Политбюро ЦК в первые месяцы 1924 г. На втором месте был Троцкий, обладавший опытом и авторитетом второго человека в партии после Ленина, но считавшийся, и не без оснований, меньшевиком, имевшим всего несколько лет партийного стажа. Шансы на успех у Зиновьева, в сравнении с двумя другими претендентами на лидера партии, изначально были минимальными, однако именно ему со второй половины 1924 г. поручается вести заседания Политбюро ЦК и именно он получает в партийных кругах формальный статус вероятного наследника Ленина. Такой расклад выгоден в первую очередь Сталину, который объединяет с Каменевым и Зиновьевым свои усилия в борьбе с Троцким. В статье сделан вывод о том, что И.В. Сталина следует рассматривать в качестве верного ученика В.И. Ленина, его последователя и продолжателя формирования партийной номенклатуры. Они оба, каждый по своему, учили ее послушанию, пестовали, фильтровали, опирались на ее значительные политические и административные возможности, но одновременно и опасались ее сплоченности, не исключая того, что однажды ее представители воспользуются в собственных целях предоставленными им нормами внутрипартийной демократии и сделают ставку на более подходящую кандидатуру из своей среды. Новизна сделанных автором выводов состоит в том, что после

смерти Ленина, в 1924–1925 гг., партийная номенклатура сделала ставку на Зиновьева как на наиболее приемлемую для нее политическую фигуру. Сталин, со своей стороны, сделал ставку на партийную номенклатуру, не объявляя ей о своем решении. Окружение вождей, как бы тщательно оно ни отсеивалось, как бы ни демонстрировало внешнее послушание и верность лидеру, являлось многоликим, труднораспознаваемым, серьезным противником. Именно партийную номенклатуру Сталин рассматривал как основного противника, а не сподвижников Ленина, которых он без труда уничтожил с ее помощью.

Ключевые слова: РКП(б)–ВКП(б), правящая партия, политический ресурс лидера партии, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, партийная номенклатура, внутрипартийная борьба

Для цитирования: Анфертьев И.А. Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев: несостоявшиеся преемники В.И. Ленина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 37–48. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-37-48

L.D. Trotsky, G.E. Zinoviev, and L.B. Kamenev: the Failed Successors to V.I. Lenin

Ivan A. Anfertiev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vestarchive@gmail.com*

Abstract. On the basis of archival documents the article analyzes circumstances of the removal from power of Lenin's closest associates – L.D. Trotsky, G.E. Zinoviev and L.B. Kamenev. The purpose of the article is to elucidate the main reasons for Stalin's victory in an acute competitive political struggle for power after the death of Lenin. The author, using historical-comparative, historical-genetic and historical-psychological methods, believes that it was Kamenev who in the first and second echelons of the party leadership looked the most powerful political figure, taking into account the experience of the revolutionary struggle, party membership experience, authority in the party. The meetings of the Political Bureau of the Central Committee were entrusted exactly to him in the first months of 1924. Trotsky, who had the experience and authority of the second man in the party after Lenin, was second in the list, but was considered, and not without reason, a Menshevik who had only a few years of party experi-

ence. The chances of success for Zinoviev, in comparison with the other two contenders for the party leader, were initially minimal, but it was he who from the second half of 1924 was instructed to conduct meetings of the Political Bureau of the Central Committee, and it was he who received formal status in the party circles as a probable heir to Lenin. Such a balance is primarily advantageous to Stalin, who with Kamenev and Zinoviev unites his efforts in the struggle against Trotsky. The article concludes that V.I. Lenin and J.V. Stalin should be regarded as a teacher and his faithful disciple, a follower and faithful continuer of the formation of the party nomenclature. Both of them, each in his own way, taught it obedience, nurtured, filtered, relied on its significant political and administrative capabilities, but at the same time feared its unity, not excluding that one day its representatives would use for their own purposes the norms of inner-party democracy provided by them, they would make a bid for a more suitable candidate from their own melieu. The novelty of the author's conclusions is that after Lenin's death, in 1924–1925, the party nomenclature relied on Zinoviev as a more acceptable for them political figure. Stalin, on his part, relied on the party nomenclature, without announcing his decision. The surroundings of the leaders, no matter how carefully it was being weeded out, no matter how the external obedience and loyalty to the leader was demonstrated, appeared as a multifaceted, hardly recognizable, serious opponent. It was the party nomenclature that Stalin regarded as the main enemy, and not the associates of Lenin, whom he easily destroyed with its help.

Keywords: RCP(b)–VKP(b), the ruling party, the political resource of the party leader, V.I. Lenin, I.V. Stalin, L.D. Trotsky, G.E. Zinoviev, L.B. Kamenev, the party nomenclature, inner-party struggle

For citation: Anfertiev IA. L.D. Trotsky, G.E. Zinoviev, and L.B. Kamenev: the Failed Successors of V.I. Lenin. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;5(38):37-48. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-37-48

Введение

Известное противопоставление двух вождей – Ленина и Сталина, характерное для историографической ситуации второй половины 1980-х годов [1–3, 24, 25], в настоящее время не выдерживает критики, так как Ленин и Сталин рассматриваются сегодня как учитель и его верный ученик – продолжатель общего дела [4–8]. И Ленин, и Сталин не исключали того, что представители ближнего номенклатурного круга однажды воспользуются в собственных целях предоставленными им нормами внутрипартийной демократии и сделают ставку на более подходящую кандидатуру из своей

среды [9–11]. Окружение вождей, как бы тщательно оно ни отсеивалось, являлось многоликим, труднораспознаваемым их противником, когда в стране отсутствовал законодательно закрепленный механизм избрания руководителя государства.

Такой расклад после смерти Ленина выгоден Сталину, который объединяет с Каменевым и Зиновьевым свои усилия в борьбе с Троцким. Правящая в Политбюро ЦК РКП(б) «тройка» к 1925 г. побеждает Троцкого, во главе Политбюро ЦК формально становится Зиновьев, который не теряет времени для того, чтобы укрепить собственные политические позиции. До некоторой степени ему это удастся при поддержке политического тяжеловеса в лице Каменева.

Политические лики Л.Д. Троцкого

Менее года после смерти Ленина понадобилось Сталину, чтобы низвергнуть своего наиболее серьезного соперника в борьбе за так называемое наследство Ленина. 17 января 1925 г. пленумы ЦК и ЦКК вынесли Троцкому «самое категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует действительного, а не словесного только подчинения партдисциплине и полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма» [12 л. 68]. Накануне партийных пленумов состоялись, с одной стороны, конференция политработников, с другой – заседание фракции РКП(б) в РВС СССР, где было принято решение о снятии Троцкого с поста председателя Реввоенсовета. Мотивировалось это решение тем, что за два дня до этого, 15 января 1925 г., и сам Троцкий в заявлении ЦК признал, что интересы дела требуют скорейшего его освобождения от военной работы. В апреле 1925 г. данное решение было одобрено пленумом исполкома Коминтерна. В числе тех, кто проявлял в этом активность, был Зиновьев. По иронии судьбы в десятую годовщину Октябрьской революции они оба, Троцкий и Зиновьев, были в один день, 23 октября 1927 г., исключены объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), считайте – Сталиным, из состава ЦК ВКП(б).

В кампании по дискредитации Троцкого [13 с. 189–193] ему вменялась в вину организация четырех всероссийских партийных дискуссий: о Брестском мире (1918); о профсоюзах, отношении к крестьянству, подымавшемуся против военного коммунизма, отношении к беспартийной массе рабочих (1921); о «партаппарате», о «плане», о мнимом «крестьянском уклоне» ЦК, о «борьбе поколений», о двух противостоящих друг другу во всем основном системах политики и тактики (1924).

*Особенности «извилистой» политической судьбы
Г.Е. Зиновьева*

Г.Е. Зиновьева, оставившего в российской истории заметный след, по меткому выражению Салтыкова-Щедрина можно отнести к людям «извилистой судьбы». Как, впрочем, и его ближайшего друга и соратника Л.Б. Каменева, как многих, включая Л.Д. Троцкого, из числа руководящего звена правящей в 1920–1930-е годы РКП(б)–ВКП(б). В молодости он с легкостью менял имена, отчества, фамилии, словно играя с судьбой в прятки, побывал революционером, эмигрантом, пламенным оратором, бунтовавшим против Ленина и Троцкого, а после смерти первого в попытках вернуться во власть подружившегося со вторым против Сталина. Его считали диктатором Петрограда, политическим и государственным деятелем, организатором и руководителем мировой коммунистической революции, кандидатом на ленинскую роль вождя мирового пролетариата и почти классиком марксизма-ленинизма. А также грубым и неотесанным честолюбцем, легкомысленным женолюбцем, подхалимом в отношениях с начальством.

Сталин искал и нашел его слабые в человеческом отношении и уязвимые в политическом смысле позиции, чтобы интригами, сбором компромата, мелочными придирками для начала ослабить его политическое влияние в партийном аппарате, а затем с помощью во многом внешне справедливой с позиций объективности критики его многочисленных высказываний и выступлений в печати сформировать образ постоянно колеблющегося и недалекого политического деятеля. В вину Зиновьеву ставились его еврейское происхождение, властолюбие, стремление к роскоши, использование служебного положения. Вместе с тем его именем называли города, учебные заведения, улицы.

А.И. Балабанова, которая стояла вместе с Зиновьевым у истоков создания Коминтерна и была первым из секретарей этой международной организации, называла его презренным человеком и трусом [14 с. 382] и писала о том, что «Зиновьев всем своим видом и манерами изображал царя» [14 с. 355]. Б.Г. Бажанов считал Зиновьева «ловким интриганом», «порядочным трусом», который «остро стремится к власти» [15 с. 173–176]. У него был шанс стать руководителем нашей страны на многие десятилетия, и кто знает, каким бы он был вождем и какой бы стала наша страна под его началом. Нельзя исключать, что правящая партия под его руководством имела бы внутри ряд враждующих фракций – левую коммунистическую, умеренную социал-демо-

кратическую, рабочую по составу, крестьянскую с уклоном в левоэсеровскую – или распалась бы на ряд карликовых партий по указанным признакам.

Из партии, в которой он состоял с 1901 г. и занимал высшие посты, его исключали трижды – в 1927, 1932 и 1934 гг. Занявший место Ленина вождь дважды милостиво прощал его, но только затем, чтобы с особым цинизмом предать потом публичному поруганию и казни.

*Первый глава Советской России Л.Б. Каменев:
осторожный прагматик*

Л.Б. Каменев, в отличие от Зиновьева, собственное имя не менял, ограничился сменой фамилии. Не обладал авантюристическими наклонностями, имел относительно твердые убеждения и немалые организаторские способности. В правящей РКП(б)–ВКП(б) он был скорее левым социал-демократом, чем большевиком, так сказать, «своим среди чужих». Его отличало как политическое чутье, так и в еще большей степени политическая же осторожность. Если он и выступал против Ленина или линии партии, то обязательно предусматривал все возможные пути к отступлению от собственного мнения и безусловному возврату в группу единомышленников Ленина. Именно это качество обеспечило ему возможность в октябре–ноябре 1917 г. находиться на избранной должности председателя ВЦИК. Исходя из современных реалий и оценок не Ленина, а Каменева следует считать первым главой Советского государства. На короткий период ему могло показаться, что и он имеет шансы заменить довольно часто болевшего Ленина, занять место вождя. Произошло это в 1922 г., когда ему довелось в течение нескольких месяцев председательствовать на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). Помимо набора качеств, необходимых политическому вождю, он обладал личной скромностью, не стремился к популяризации в печати собственных взглядов, проявляя разумную осторожность. Для Сталина он не представлял угрозы, поскольку, как и Зиновьев, происходил из еврейской семьи. К тому же выступал против преследования интеллигенции, жестокости по отношению к представителям социалистических партий, за что его недолюбливали Ленин и Сталин, для которых запугивание людей, не разделявших их идеологических установок, угрозами физического истребления считалось делом обыденным.

Несостоявшиеся претенденты на абсолютную партийно-государственную власть

Оба они, Зиновьев и Каменев, претендуя на власть в правящей партии и государстве, не состоялись в качестве преемников Ленина, как и Троцкий. Именно это обстоятельство во многом и определило их последующую судьбу. Сталину для укрепления собственных позиций во власти необходимо было устранить соперников. Политическая интрига, в результате которой они потеряли и власть, и собственные жизни, по понятным причинам не изучалась в советской историографии [16–18].

В зарубежных и постсоветских исследованиях Зиновьев и Каменев представлены видными оппозиционерами и соперниками Сталина [19–21], однако их политические воззрения, как и механизм низвержения, изучены далеко не в полной мере. И все же сохранились документы, которые позволяют прояснить отсечение их от власти. Одним из них является стенограмма внеочередного заседания Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. «о разборе» дела М.Н. Рютина – лидера конспиративного в ВКП(б) «Союза марксистов-ленинцев» [22 л. 291–383]. 2 сентября 1932 г. участникам объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о раскрытии «Союза» докладывали секретарь ЦК П.П. Постышев, секретарь ЦКК Е.М. Ярославский и заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. И на пленуме, и на президиуме о группе Рютина было сказано, что «ряд членов партии, по преимуществу участники различных оппозиционных и фракционных группировок, разгромленных партийей, в течение довольно длительного времени вели подпольную работу и в течение этого лета организовали контрреволюционную группу» [22 л. 383].

О том, что мера партийного взыскания, а именно исключение из ВКП(б), им обоим была определена заранее Сталиным, свидетельствует записка председателя ЦКК¹: «Сегодня в Президиуме ЦКК будем разбирать дело о Рютинской группе. Как лучше, решение принимать в присутствии Зиновьева, Каменева и компании, или дать им высказаться, и решение принять без них. Я. РУДЗУТАК» [23 л. 108–109]. Резолюция Сталина: «Лучше без них, а решение потом объявить» [23 л. 108–109].

В принятом президиумом ЦКК ВКП(б) постановлении от 9 октября 1932 г. Каменев и Зиновьев названы «бывшими организаторами антипартийного и антисоветского блока оппозиционных

¹ Записка Я.Э. Рудзутака И.В. Сталину по поводу принятия решения по делу о Рютинской группе с резолюцией И.В. Сталина. 9 октября 1932 г. Публикуется впервые.

групп» [24]. О том, что последует уголовное наказание, они вряд ли могли предполагать. 16 октября 1932 г. Политбюро ЦК, одобряя решение президиума ЦКК ВКП(б) об исключении участников группы Рютина как «разложившихся, ставших врагами коммунизма и Советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманном флагом “марксизма-ленинизма” буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества», согласилось и с другим предложением президиума ЦКК ВКП(б) – «коллегии ОГПУ по отношению ко всем организаторам и участникам деятельности контрреволюционной группы Рютина–Галкина–Иванова и других принять соответствующие меры судебно-административного характера², отнесясь к ним со всей строгостью революционного закона» [25 л. 9, 38–40].

Политические «изгои»

В связи с этим судьба соперников Сталина – Троцкого, Каменева, Зиновьева, потерпевших в идеологических дискуссиях поражение, была предрешена – на тройку «записных интеллигентов» по прямому указанию Сталина собирали компромат [15 с. 70–75], их клеймили на партийных форумах, изгнали из Политбюро ЦК, затем из ЦК, спустя некоторое время начали исключать из партии, отправлять в ссылку, в финале их земного существования по приказу Сталина казнили с позорным клеймом врагов народа. Утверждать при этом, что Сталин был от природы жесток, нельзя, так как все его поступки в отношении политических противников и соперников, определялись одним – желанием сохранить власть. Окажись в роли победителя другой из ближайшего окружения Ленина, конец Сталина был бы предрешен – его ждала бы судьба оклеветанных им и казненных по его приказу соратников Ленина. Впрочем, все те, кто погиб в годы сталинского террора, и те, кому удалось выжить, были повязаны кровью соотечественников, несмываемой кровью тех, кто задолго до их массовой гибели пытался в той или другой форме противостоять новой власти. Противниками Сталина были не соратники Ленина, которых к концу 1920-х годов он сместил со всех постов; его затаившимся врагом было собственное окружение, ближний круг соратников, которых ему предстояло подозревать, карать и миловать. И только на втором месте стояла задача, с которой он справился блестяще, – расправы с соперниками Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым.

² Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 октября 1932 г.

Заключение

Вряд ли Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, всего десять лет назад входившие в высший эшелон власти, возглавляя первый партийно-номенклатурный круг, сформировавшийся к 1920-м годам, могли предполагать, что окажутся в положении партийных изгоев. Они, члены Политбюро ЦК правящей РКП(б)–ВКП(б), не могли знать, что однажды один из них, И.В. Сталин, прочно займет положение лидера в партии и в стране, получит наибольшие по сравнению с другими властные полномочия. Таким политическим и административным ресурсом не обладал и Ленин, его лидерское положение поддерживалось в немалой степени завидной энергией и работоспособностью, умением оперативно принимать решения и добиваться их исполнения в тяжелейших условиях революционного хаоса и Гражданской войны. Ленинский преемник Сталин, по целому ряду порой даже не зависящих от него обстоятельств, еще при жизни вождя стал обладателем другого, не менее мощного политического и административного ресурса – партийного аппарата, что позволило ему в конечном итоге выиграть ожесточенную схватку внутри Политбюро ЦК за место лидера. Можно даже сказать, что свою победу в борьбе за лидерство он одержал еще при жизни Ленина, однако до поры до времени об этом помалкивал, для основной массы членов партии держался в тени. Некоторые из его окружения приписывали это врожденной скромности простого человека, выходца из народа, претендующего на роль будущего вождя и наследника Ленина.

Литература

1. *Васецкий Н.А.* Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М.: Московский рабочий, 1989. 204 с.
2. *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства, 1917–1918. М.: Наука, 1987. 355 с.
3. *Самсонов А.М.* Знать и помнить: Диалог историка с читателем. М.: Политиздат, 1988. 368 с.
4. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии, 1921: сб. документов / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 740 с.
5. *Зима В.Ф.* Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий. М.: Собрание, 2010. 238 с.

6. *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма: в 2 кн. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1996. Кн. 1. 256 с.; кн. 2. 274 с.
7. *Литвин А.Л.* Без права на мысль: Историки в эпоху большого террора. Казань: Таткнигоиздат, 1994. 448 с.
8. *Мартюшев Ф.И.* Жертвы и палачи. Екатеринбург: СВ-96, 1997. 188 с.
9. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М.: РОССПЭН, 2013. 671 с.
10. История сталинизма: репрессированная провинция: Дебаты / под ред. Е.В. Козина. М.: РОССПЭН, 2011. 599 с.
11. *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 5312.
13. *Коваленко Н.В.* Переписка троцкистской оппозиции и ее значение как исторического источника по внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Кубанские исторические чтения: Материалы V Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарское отделение Российского общества интеллектуальной истории, 2014. С. 189–193.
14. *Балабанова А.* Моя жизнь – борьба: Мемуары русской социалистки 1897–1938 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 434 с.
15. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Инфодизайн, 1990. 320 с.
16. *Зеленов М.В.* Источниковедческие проблемы истории текста «Краткого курса истории ВКП(б)» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 1. С. 24–33.
17. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б). М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1938. 215 с.
18. *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М.: Эксмо, 2004. 448 с.
19. *Авторханов А.Г.* Происхождение партократии. Мюнхен: Посев, 1981. 600 с.
20. *Тагер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь Мир, 1996. 878 с.
21. *Фельштинский Ю.* Вожди в законе. М.: Терра–Книжный клуб, 2008. 384 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 3. Д. 9355 (Т. 2).
23. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 800.
24. Правда. 1932. 10 окт.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 903.

References

1. *Vasetsky NA.* Elimination. Stalin, Trotsky, Zinoviev. Fragments of Political Destinies. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.; 1989. 204 p. (In Russ.)
2. *Gorodetsky EN.* The Birth of the Soviet State of 1917–1918. Moscow: Nauka Publ.; 1987. 355 p. (In Russ.)

3. *Samsonov AM.* Know and Remember: Dialogue of the Historian with a Reader. Moscow: Politizdat Publ.; 1988. 368 p. (In Russ.)
4. *Shishkin VI., comp.* For Soviets without Communists. Peasant uprising in the Tyumen governorate, 1921: Coll. of documents. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ.; 2000. 740 p. (In Russ.)
5. *Zima VF.* Man and Power in the USSR in 1920–1930-ies. The Policy of Repression. Moscow: Sobranie Publ.; 2010. 238 . (In Russ.)
6. *Bakunin AV.* The History of Soviet Totalitarianism. In 2 vols. Vol. 1. Ekaterinburg: Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk Publ.; 1996. 256 p.; Vol. 2. Ekaterinburg: Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk Publ.; 1996. 274 p. (In Russ.)
7. *Litvin AL.* Without the Right to Thought: Historians in the Era of Great Terror. Kazan': Tatknigoizdat Publ.; 1994. 448 p. (In Russ.)
8. *Martyushev FI.* Victims and Executioners. Ekaterinburg: SV-96 Publ.; 1997. 188 p. (In Russ.)
9. *Bezborodov AB, Eliseeva NV., editors.* History of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2013. 671 p. (In Russ.)
10. *Kodina EV.* History of Stalinism: Repressed Province. Debate. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2011. 599 p. (In Russ.)
11. *Khlevnyuk OV.* Master. Stalin and the Consolidation of Stalin's Dictatorship. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2010. 479 p. (In Russ.)
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. (RGASPI) Fond. 558. Opis' 1. Delo 5312.
13. *Kovalenko NV.* Correspondence of the Trotskyite Opposition and its Importance as a Historical Source for the Inner-Party Struggle of the 1920s V: *Kuban Historical Conference: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference.* Krasnodar: Krasnodarskoe otdelenie Rossiiskogo obshchestva intellektual'noi istorii Publ.; 2014. p. 189–93. (In Russ.)
14. *Balabanova A.* My life is a struggle. Memoirs of the Russian socialist in 1897–1938. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2007. 434 p. (In Russ.)
15. *Bazhanov B.* Memoirs of Stalin's Former Secretary. Moscow: Infodizain Publ.; 1990. 320 p.
16. *Zelenov MV.* Source-Study Issues in the History of the Text of the “Short Course of the History of the CPSU (b)”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 2013;4(1):24–33. (In Russ.)
17. History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short Course. (Ed. by the commission of the Central Committee of the All RCP(b), approved by the Central Committee of the All RCP(b), Moscow: OGIZ; Gospolizdat Publ.; 1938. (In Russ.)
18. *Litvin AL.* Red and White Terror in Russia 1918-1922. Moscow: Eksmo Publ.; 2004. 448 p. (In Russ.)
19. *Authorhanov AG.* The Origin of Partocracy. Munich: Posev Publ.; 1981. 600 p. (In Russ.)
20. *Tucker R.* Stalin. History and Personality. Moscow: Ves' Mir Publ.; 1996. 878 p. (In Russ.)

21. *Felshinsky Yu.* Code-Bound Leaders. Moscow: Terra-Knizhnyi klub Publ.; 2008. 384 p. (In Russ.)
22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. (RGASPI). Fond. 589. Opis' 3. Delo 9355 (T. 2).
23. RGASPI. Fond. 558. Opis' 11. Delo 800.
24. Pravda. Moscow. 1932. Oct. 10. (In Russ.)
25. RGASPI. Fond. 17. Opis' 3. Delo 903.

Информация об авторе

Иван А. Анфертьев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; vestarchive@gmail.com

Information about the author

Ivan A. Anfertiev, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; vestarchive@gmail.com

«Берите фирму за жабры
и допытывайтесь с пристрастием»:
фирма «Виккерс Армстронг»
и «танкизация» Красной армии в 1930-е годы

Алексей А. Киличенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kilichenkov@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать взаимодействие военно-политического руководства СССР и командования Красной армии с английской фирмой «Виккерс Армстронг» в 1930-е годы. На основании документов из российских архивов, опубликованных материалов и работ отечественных и зарубежных исследователей автор проводит комплексное исследование указанного процесса. Ставятся задачи определить причины попыток советской стороны приобрести образцы новейших танковых вооружений, производимых английской фирмой, выявить динамику этого процесса, его характер и результаты. Закупки образцов танковых вооружений фирм «Виккерс Армстронг» анализируются в широком контексте модернизации советских вооруженных сил, начавшейся в конце 1920-х годов. Автор обращает внимание на то, что толчком к так называемой танкизации Красной армии стала в 1927 г. угроза войны с Англией, у которой затем были закуплены многочисленные образцы новейшего оружия. Объяснением этого парадокса, по мнению автора, были лидирующие позиции английских фирм в производстве танковых вооружений, ситуация экономического кризиса, заставившая английское правительство сократить военные расходы, а частные компании – выйти на мировой рынок оружия. В статье делается акцент на изменение динамики и характера закупок английских вооружений Красной армией по мере ее модернизации. Вскоре после первых закупок образцов приоритет отдается приобретению технологий и заимствованию конструкторских решений.

Ключевые слова: Англия, СССР, фирма «Виккерс Армстронг», модернизация Красной армии, танковые вооружения

Для цитирования: Киличенков А.А. «Берите фирму за жабры и допытывайтесь с пристрастием»: фирма «Виккерс Армстронг» и «танкизация» Красной армии в 1930-е годы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 49–63. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-49-63

“Put the Screws to the Firm and Inquire persistently”.
Vickers Armstrong Ltd. and the Red Army’s conversion
to tank warfare in the 1930s

Aleksei A. Kilichenkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kilichenkov@yandex.ru*

Abstract. The article is an attempt to analyze an interaction of the military and political leadership of the USSR and the Red Army command with the British company Vickers Armstrong in the 1930s. Based on documents from Russian archives, published materials and the works of Russian and foreign researchers, the author tries to focus on a comprehensive study of that process. The tasks are to determine reasons for the Soviets attempts to acquire samples of the latest tank armaments produced by a British firm, and to reveal the dynamics of that process, its nature and results. The tank armament purchase from Vickers Armstrong is analyzed in the broad context of the Soviet armed forces modernization, which began in the late 1920s. The author draws attention to the fact that the impetus for the Red Army’s conversion to tank warfare was the threat of war with England in 1927, from which later numerous samples of the newest weapons were acquired. The explanation of this paradox, according to the author, is in the leading position of British firms in the production of tank weapons as well as in the situation of the economic crisis that forced the British government to reduce military expenditures, and private companies to enter the world arms market. The article focuses on the change in the dynamics and nature of purchases of British weapons by the Red Army in process of its modernization. Soon after the first tanks were bought, the priority was given to the acquisition of technology and the borrowing of design practice.

Keywords: England, USSR, Vickers Armstrong, modernization of the Red Army, tank weapons

For citation: Kilichenkov AA. “Put the Screws to the Firm and Inquire persistently”. Vickers Armstrong Ltd. and the Red Army’s conversion to tank warfare in the 1930s. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;5(38):49-63. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-49-63

Введение

Легендарный советский танк Т-34 давно превратился в незабываемый символ Победы советского народа в Великой Отечественной войне. И эта символичность совсем не случайна. Т-34 – одно из самых ярких проявлений ментальности советского общества, воплотившейся в специфике сформированной в 1930-е годы советской конструкторской школы [1]. Тем удивительнее факт того, что в начале 1930-х годов, когда только начинался путь к «тридцатьчетверке», будущее советского танка оказалось связано с английской школой танкостроения, главным образом с фирмой «Виккерс Армстронг».

В данной статье исследуются процесс заимствования Красной армией опыта английского танкостроения и его влияние на развитие советских танковых вооружений в 1930-е годы. Несмотря на то, что в постсоветский период история советского ВПК стала объектом самостоятельного изучения, проблема заимствования зарубежного опыта до сих пор остается практически маргинальным сюжетом, в том числе в серьезных и обстоятельных работах [2–4]. Отчасти этот пробел компенсирован в ряде статей российских исследователей [5–7]. Однако тема данной статьи остается практически неизученной. Источниковую основу исследования составили документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

В рамках статьи поставлена цель анализа взаимодействия военно-политического руководства СССР и командования Красной армии с английской фирмой «Виккерс Армстронг» в 1930-е годы.

«Военная тревога» 1927 г. и «танкизация» РККА

В конце 1920-х годов под влиянием напряженных отношений с Великобританией советское руководство обратило свое внимание на состояние обороны страны. 26 декабря 1926 г. Штаб РККА подготовил для руководства страны доклад «Оборона СССР», представляя который начальник Штаба М.Н. Тухачевский признал: «Ни Красная армия, ни страна к войне не готовы...» [8 с. 21]. Разразившаяся вскоре «военная тревога» 1927 г. заставила советское руководство срочно заняться военными вопросами. В декабре 1927 г. тот же М.Н. Тухачевский направил наркому К.Е. Ворошилову докладную записку «О радикальном перевооружении РККА»,

в которой главный акцент был сделан на необходимости радикального технического переоснащения армии как залога успешной обороны государства [8 с. 23]. Впоследствии эта мысль обрела четкую формулу: «по численности мобилизованной армии не уступать нашим вероятным противникам... а по технике быть сильнее» [8 с. 37].

Идеи механизации Красной армии были заложены в основу первого пятилетнего плана, который предусматривал рост производства стрелкового оружия в 2,5–3 раза, автомобилей – в 4–5 раз, танков – в 15 (!) раз [4 с. 86]. Подобные темпы роста танковых вооружений и стали основой так называемой танкизации Красной армии.

Согласно первоначальному плану РККА должна была иметь к концу 1933 г. в своем составе 3385 танков и танкеток отечественного производства [9 л. 192]. Но развернувшееся к тому времени в стране движение по пересмотру в сторону увеличения планов первой пятилетки в полной мере затронуло и военных. 13 октября 1929 г. Распорядительное заседание Совета труда и обороны (РЗ СТО) предложило «принять все меры к максимальному расширению танкостроения в 1930/31 году с тем, чтобы полученное на пятилетие задание выполнить, по возможности, в большей его части в течение первой половины этого пятилетия» [9 л. 7]. В ноябре 1929 г. президиум Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) поставил перед промышленностью задачу произвести к концу 1934 г. 5611 танков и танкеток [10 л. 13].

Но сделав лишь самый первый шаг, амбициозная затея «танкизации» наткнулась на непреодолимые препятствия. 12 декабря 1928 г. начальник Управления снабжения РККА И.С. Уншлихт доложил наркому К.Е. Ворошилову, что вместо запланированных 25 танков типа МС-1 на тот момент были приняты от промышленности лишь семь машин. Учитывая, что к концу 1933 г. РККА должна была получить 1535 танков типа МС-1, перспективы «танкизации» становились более чем утопичными [9 л. 191–192]. Проблема решалась на самом высоком уровне. 20 апреля 1929 г. специальное совещание в Реввоенсовете СССР постановило «выявить всех виновных в невыполнении заказа на танки и дело передать Прокурору Республики для привлечения виновных к ответственности» [11 л. 19 об].

Но «силовые ведомства» того времени «танкизацию» не спасли. В конце ноября 1929 г. только что созданное Управление по механизации и моторизации (УММ) РККА было вынуждено признать: «нет никакой уверенности в выполнении программы...» [10 л. 11–12].

В Англию – за танками

Меры, предпринятые для выхода из «танкового кризиса», вполне соответствовали своему времени. Специально созданная решением Совета труда и обороны (СТО) комиссия по танко-тракторостроению предложила «немедленно изыскать способы закупки за границей последних образцов танков... Привлечь, во что бы то ни стало, в конструкторские бюро иностранных специалистов по танкостроению» [10 л. 47].

Решение задач по «выбору и закупке типов и образцов танков... выяснению возможностей получения технической помощи и конструкторов» было возложено на комиссию во главе с начальником УММ И.А. Халепским [12 л. 3]. Комиссия, составляя список желанных закупок, наибольшее внимание уделила фирме «Виккерс» как «наиболее богатой по числу образцов танков, конструкция которых представляет интерес». И список этот оказался весьма впечатляющим, охватывая почти все известные типы танков и танкеток того времени [13 л. 16–17].

В июне 1930 г. по возвращению из командировки председатель комиссии И.А. Халепский составил отчет, посчитав план закупок выполненным. Но в действительности из 23 объектов удалось приобрести лишь 11, и только три из них обеспечивались технической помощью [14 л. 35–49]. Единственной страной, где план действительно был почти выполнен, оказалась именно Англия. С «Виккерсом» удалось договориться о закупке целого полка танков – 20 танкеток Карден-Ллойд, 15 танков «Виккерс 6 тонн» и 15 танков «Виккерс 12 тонн». Явно уверовав в «счастливую звезду “Виккерса”», И.А. Халепский уже 30 июня 1930 г., сразу по возвращении, сообщил замнаркома по военным и морским делам И.П. Уборевичу о намерении приобрести у «Виккерса» танки, самоходные установки, получить помощь фирмы в создании колесно-гусеничных танкеток и танков, среднего гусеничного танка и среднего плавучего танка, тяжелого танка [12 л. 108]. Не будет большим преувеличением предположить, что И.А. Халепский вознамерился построить всю систему производства танковых вооружений с помощью фирмы «Виккерс».

И поначалу эти планы казались вполне реальными. Испытания английских танков прошли успешно. Отметив некоторые недостатки, испытательная группа УММ выделила мягкость подвески, хорошие маневренность и проходимость танкетки Карден-Ллойда; плавность хода, скорость, проходимость, удобство ведения огня, удачную конфигурацию корпуса танка «Виккерс 6 тонн». Пожалуй,

самые лестные отзывы получил средний танк «Виккерс 12 тонн», включая большую проходимость, значительную скорость, удачную конструкцию мотора, трансмиссии и ходовой части, прочность и выносливость [15 л. 294–296].

По английским лекалам

Успешные испытания английских образцов позволили разработать на их основе собственные модели, вскоре запущенные в производство. В феврале 1931 г. Реввоенсовет СССР принял решение о принятии на вооружение танкетки Т-27, созданной на базе танкетки Карден-Ллойда. В 1931–1934 гг. Красная армия получила 3110 единиц Т-27 [16 с. 144, 17 с. 17].

Самое большое будущее ожидало малый танк «Виккерс 6 тонн». Но решающую роль в этом сыграли не столько его выдающиеся качества, сколько полный провал в создании советского прототипа малого танка. В феврале 1931 г. замнаркома по военным и морским делам И.П. Уборевич доложил И.В. Сталину, что комиссия Политбюро ВКП (б) по танкостроению считает, что «принятие на производство малого танка Вилерса даст нам боевую машину, превосходящую значительно существующий у нас тип завода “Большевик” (Т-18, Т-19, Т-20) в боевых и технических качествах и более простую в производстве» [18 л. 50].

«Виккерс 6 тонн» был запущен в производство уже в 1931 г. под индексом Т-26, и к 1941 г. общее количество танков этого типа составило более 12,6 тыс. единиц [17 с. 70–76].

Следующим логичным шагом «английской версии» танкизации Красной армии должна была стать большая серия средних танков на базе «Виккерс 12 тонн».

Многое свидетельствовало в пользу этого решения. Но все-таки «Виккерс 12 тонн» в серию не пошел. Причин тому было две. Одной из них стал танк Дж. Кристи, способный двигаться и на колесах, и на гусеницах, что было чрезвычайно актуальным по причине недолговечности гусениц советских танков того периода. Использование колесного движителя позволяло экономить ресурс гусениц. Но все же главный «козырь» американца состоял в его универсальности. Руководство РККА не устояло перед соблазном решить все проблемы сразу: «этот тип может быть применен не только как танк, но и как транспортная повозка для пехоты, пулеметов, снарядов, артиллерии и т. п., а также как броневедомоцикл для моторизации конницы... может быть использована и

приспособлена под противовоздушную артиллерию и пулеметы, и прожектора. Полевая артиллерия может также быть поставлена на шасси Кристи, что вполне разрешает задачу моторизации артиллерии... Техвойска, связь, химвойска также могут использовать машину Кристи...» [19 л. 5–7].

Необходимо отдать должное и прагматизму советских военных – танк Кристи благодаря своей универсальности мог бы облегчить «подготовку в мирное время кадров шоферов и механиков-мотористов для армии военного времени» [19 л. 7].

Фантом «Виккерс 16 тонн»

Окончательно судьбу «двенадцатитонника» решила фирма «Виккерс Армстронг», сама того не подозревая. В начале декабря 1930 г. находившийся в Лондоне начальник испытательной группы УММ инженер С.А. Гинзбург передал в Москву полученные частным порядком секретные сведения об испытаниях нового английского танка: «эта машина... представляет максимальный интерес для Красной Армии как лучший современный тип маневренного среднего танка» [20 л. 1–1об]. К сообщению прилагалась общая схема английского танка, выполненная С.А. Гинзбургом со слов своих собеседников, участвовавших в испытаниях. Неудачные попытки получить более подробные сведения об этом танке только подогрели интерес командования Красной армией, продиктованный к тому же провалом запуска в серию собственного среднего танка Т-24. В апреле 1931 г. УММ подготовило доклад, в котором прямо предлагалось «идти по линии копирования лучших английских образцов, каковыми являются новые образцы 16-тонных танков Виккерса, каковые и следует приобрести за границей» [15 л. 349]. В том же апреле 1931 г. сотрудники советской фирмы «Аркос», созданной в Лондоне еще в 1920-е годы специально для закупочных операций, получили сообщение, свидетельствующее об окончательной потере интереса командования РККА к танку «Виккерс 12 тонн»: «общее мнение о 12-тонной машине не такое, как о 6-тонной машине, и заимствовать эту конструкцию мы не собираемся» [21 л. 90 об].

К тому времени начальник УММ И.А. Халепский уже ухватился обеими руками за идею покупки образца 16-тонного танка. В конце мая 1931 г. он отправил в «Аркос» весьма эмоциональную инструкцию: «Берите фирму за жабры и допытывайтесь с пристрастием по поводу 16-тонной машины. Не может быть, что они ничего не знают, я уверен, это нахальная неправда. Заявите им, что мы

можем покупать именно тот образец... Есть разрешение купить от одной штуки до четырех штук таких машин...» [21 л. 50].

Судя по всему, «Аркос» взял-таки английскую фирму «за жабры», и 1 июля 1931 г. «Виккерс» сообщил условия продажи заветного танка. При этом англичане явно спекулировали на внезапно вспыхнувшем интересе советских военных. «Виккерс» потребовал 20 тыс. фунтов (189,2 тыс. рублей по курсу 1931 г. – А. К.) «за ознакомление с конструкцией» и 16 тыс. фунтов (151,3 тыс. рублей по курсу 1931 г. – А. К.) за танк без вооружения при условии заказа не менее 10 единиц [21 л. 38]. В отечественной литературе бытует мнение, что эта цена показалась советскому руководству заоблачной и сделка не состоялась [16 с. 224], но история с «Виккерсом 16 тонн» оказалась сложнее.

5 июля 1931 г., всего через четыре дня после получения условий английской фирмы, И.А. Халепский направил наркому К.Е. Ворошилову письмо с просьбой утвердить принципиальную схему собственного 16-тонного танка и разрешить создание опытного образца из опасения, что «фирма Виккерс откажется продать нам свой 16-тонный танк». Через два дня нарком распорядился «немедленно приступить к детальному проектированию среднего танка...» [20 л. 3].

Чрезвычайно примечательно, что К.Е. Ворошилов не связывал судьбу этого заказа с созданием советского среднего танка Т-24, все еще проходившего испытания. В письме М.Н. Тухачевскому 12 июля 1931 г. нарком прямо указал на это: «Т-24 прошел 60 км без аварий, это хорошо... Но это не должно помешать договориться с Виккерсом о 16 т. танке... (подчеркнуто мной. – А. К.)» [22 л. 39].

В конце июля был готов второй проект 16-тонного танка. Как отмечал в пояснительной записке тот же С.А. Гинзбург «в основу общего расположения агрегатов, вооружения, и объемов» проекта была положена конструктивная схема «16-тонного танка Виккерса» [20 л. 21]. «Английское происхождение» общей схемы Т-28 особенно и не скрывалось руководством УММ РККА, на что прямо указал в служебной переписке И.А. Халепский, открыв заодно и источник информации: «по карандашному наброску английского среднего танка “Виккерс”, сделанному английским инженером Одди (инженер, производивший испытания танков “Виккерс”, закупленных нами в Англии), удалось спроектировать и сделать находящийся сейчас на вооружении танк Т-28» [23 л. 73]. К маю 1932 г. первый образец Т-28 был готов к испытаниям [24 с. 15].

Но поистине молниеносное создание советского аналога английского «шестнадцатитонника» отнюдь не означало отказа от

попыток заполучить оригинал. Титанические усилия «Аркуса» все же дали свои плоды, и 20 июля 1931 г. представители «Виккерса» сообщили о готовности фирмы построить его для СССР, но при условии одновременного заказа танков или танкеток, уже производимых фирмой [21 л. 30–31]. Однако к тому времени ситуация изменилась, и теперь уже «Аркус» тянул время, неспешно согласовывая свои позиции с Москвой.

А в Москве интерес к танку «Виккерса» отныне диктовался потребностями создания своего собственного образца, о чем откровенно писал И.А. Халепский: «16-тонный танк Виккерса... представляет из себя одну из самых современных танковых конструкций. Точные сведения об этой машине для нас необходимы в ближайший срок, так как с ними мы связываем наши планы по созданию [собственных] образцов среднего танка» [20 л. 9].

«Виккерс» продолжал упорствовать, настаивая на продаже 16-тонного танка только «в наборе», который начальник УММ в переписке метко называл «принудительным ассортиментом». В сентябре 1931 г., когда проект Т-28 был уже почти готов, И.А. Халепский направил главе советского правительства В.М. Молотову письмо с предложением отказаться от покупки английского танка на условиях «Виккерса», мотивируя тем, что «наша промышленность в состоянии выполнить самостоятельно, на основе уже полученного опыта, машину, подобную 16-тонн танку Виккерса» [20 л. 16].

Тяжелый танк прорыва и амфибия «Виккерса»

Одновременно с попытками купить «Виккерс 16 тонн» УММ РККА вело сложнейшие переговоры о заказе английской фирме тяжелого танка прорыва. Для советской промышленности этот проект оказался слишком сложным. Согласно требованиям танк при весе 43 т, длине 11 м, защищенный броней 40–60 мм, вооружался двумя 76 мм орудиями и четырьмя пулеметами. Несмотря на гигантские размеры, танк прорыва должен был «проходить брод до 2 м глубиной... с сохранением возможности стрельбы в движении». При глубине до 5 м танк должен был иметь возможность движения по дну со скоростью до 15 км/ч, используя гусеницы и реверсивные гребные винты. Движение под водой обеспечивалось наблюдательными и осветительными приборами. Кроме того, дополнительно высказывалось пожелание обеспечить возможность «движения самоходом по рельсам, как 1524 мм колеи СССР, так и 1435 мм международной».

Переходы с железнодорожной колеи на гусеницы и обратно должны были совершаться изнутри танка за пять минут [25 л. 20–21]. Не менее строгие требования предъявлялись к бесшумности этой громадины. На дистанции 250 м «в тихую погоду невооруженным ухом нельзя было определить присутствие двигающегося по шоссе танка» [25 л. 20–21]. Для сравнения – «дистанция бесшумности» малого танка составляла соответственно 300 м [14 л. 9].

Самое поразительное, что «Виккерс» взялся реализовать столь фантастические требования за исключением некоторых совсем уж экзотических. Но в итоге переговоры, продолжавшиеся с мая 1930 г. по июль 1931 г., завершились ничем [26 л. 12–39].

И все это время продолжались попытки купить злополучный «шестнадцатитонник». Последним стало предложение приобрести его вместе с предметом нового интереса советской стороны – танком-амфибией Карден-Ллойда. На этот раз с предложением о продаже к «Аркосу» обратилась сама фирма «Виккерс». Военное министерство Великобритании отказалось от покупки ее танка-амфибии, и фирме ничего другого не оставалось, как предложить его за рубеж. И опять советское военное руководство практически сразу ухватилось за новый образец. Причем на этот раз импульс шел с самого верха. 19 ноября 1931 г. И.В. Сталин позвонил И.А. Халепскому в госпиталь (!), где тот оказался с приступом язвы, и потребовал объяснить отказ от покупки танка Кристи «с механизмом для плавания»¹. Встревоженный начальник УММ на следующий же день отправил генеральному секретарю ВКП(б) подробнейшее письмо и копию договора с Дж. Кристи о покупке танков, заверяя того, что такой модели не существовало вовсе [27 л. 5–6].

Интерес И.В. Сталина к танку-амфибии явно ускорил дело, и уже 22 ноября 1931 г. И.А. Халепский информировал замнаркома М.Н. Тухачевского, что «Виккерс» готов продать партию из 20–25 танков-амфибий по цене 31 тыс. рублей за штуку...» Тухачевский ответил в тот же день: «Немедленно ознакомиться с танком-амфибией на месте. Начать переговоры о покупке пяти танков-амфибий. Немедленно по фотографиям начать самим конструировать эту амфибию...» [27 л. 4].

Работы по танку-амфибии были начаты без проволочек. Осенью 1931 г. на основании всего лишь газетной информации и немногих фотографий в Опытно-конструкторском машиностроительном

¹ Эта история подробно описана И.А. Халепским в докладной записке замнаркому по военным делам Я.Б. Гамарнику от 20.11.1931 г. [27 л. 1].

отделе (ОКМО) Ленинградского завода № 174 приступили к проектированию плавающих танков. В апреле 1932 г. танк-амфибия Т-33 вышел на испытания. К тому времени «Виккерс» согласился продать восемь танков-амфибий Карден-Ллойда, и в июне 1932 г. первые два из них прибыли в СССР [16 с. 151–153].

27 июня 1932 г. в Москве специально для высшего руководства страны была устроена демонстрация танков-амфибий Т-33 и Т-41, включавшая форсирование водной преграды шириной 450 м и «атаку» укреплений «противника» на противоположном берегу [28 л. 84–85]. Амфибия буквально очаровала советское руководство, включая его высших представителей. Нарком К.Е. Ворошилов, явно под впечатлением демонстрации возможностей «водоплавающих» танков, отправил Сталину выразительную записку: «Коба! Я думаю, что на [19]33 г. нужно заказать не меньше 400 шт. Т-28 (18 тонн) и (100) 200 шт. Т-35 (35 тонн) дополнительно к нашей танковой программе. (Плюс 2 тыс. 3-тон. амфибии.)» [29 л. 75]. Советскому вождю танк-амфибия тоже явно пришелся по душе. Выступая 1 мая 1934 г. перед участниками военного парада в Москве, он поделился взглядами на будущее: «Желал бы, чтобы [танковые войска] имели побольше амфибий. Их надо нам несравненно больше, чем мы имеем...» [30 л. 23].

Покупка танков-амфибий Карден-Ллойда стала последним значимым приобретением зарубежной танковой продукции. Инженеры В. Вольский и А. Воробьев, направленные в апреле 1932 г. в Лондон для осмотра амфибии Карден-Ллойда, точно определили и характер, и цель покупки танковых вооружений «Виккерса»: «закупленные образцы дадут возможность поставить на производство подобный тип машины...» [31 л. 4].

На протяжении 1930-х годов все сводилось к чисто утилитарной проблеме заимствования технологий, в развитии которых советская промышленность только-только набиралась опыта. И все это время Англия рассматривалась как безусловный мировой лидер в танкостроении. Так, 5 июня 1934 г. начальник УММ РККА И.А. Халепский обратился к наркомвоенмору К.Е. Ворошилову с предложением направить в очередную командировку в Англию группу работников УММ: «считаю крайне необходимым командирование указанных товарищей, так как я опасуюсь, что мы, не опираясь на иностранный опыт, можем отстать в области развития новых танковых конструкций... Использование иностранного опыта в период организации танкового производства в Советском Союзе в 1931 г. дало возможность быстро поставить на ноги наше танкостроение...» [23 л. 131–132об].

Заключение

Обращение к опыту зарубежного, в данном случае английского танкостроения, безусловно, стало вынужденным шагом советского военного руководства с целью компенсации изначального отставания науки и промышленности СССР в производстве вооружений. Аналогичные процессы происходили и в сфере создания других видов вооружений армии и флота. Характер заимствований изначально представлял собой копирование полученных образцов, но с самого начала советские инженеры предприняли радикальные меры по модернизации получаемой техники, максимальному ее приспособлению к уровню и возможностям отечественной промышленности, а затем и для производства собственных оригинальных конструкций. Необходимо подчеркнуть, что по мере развития промышленной и научно-технической базы советского танкостроения потребность в заимствовании зарубежного опыта снижалась. Но вплоть до начала Великой Отечественной войны продолжались попытки получить образцы танков или, как минимум, информацию о новейших технологиях их производства.

Литература

1. *Киличенков А.А.* Т-34 против панцерваффе: из истории ментального противоборства на советско-германском фронте, 1941–1945 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 110–125.
2. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 336 с.
3. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: [ИРИ РАН], 2006. 704 с.
4. *Соколов А.К.* От Военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
5. *Мухин М.Ю.* Амторг. Американские танки для РККА // Отечественная история. 2001. № 3. С. 51–61.
6. *Богданов И.О.* Влияние зарубежных конструкций и идей на советское танкостроение в предвоенный период // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Вып. 1–3. Т. 13. С. 133–136.
7. *Верещак М.И.* Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935) // Экономиче-

- ская история. Ежегодник. 2013. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 226–250.
8. *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. 472 с.
 9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 1. Д. 622.
 10. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 1.
 11. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 656.
 12. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 38.
 13. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 58.
 14. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 3.
 15. РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 192.
 16. *Свириш М.Н.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 384 с.
 17. Отечественные бронированные машины. XX век: в 4 т. Т. 1 / А.Г. Солянкин и др. М.: Издательский центр «Экспринт», 2002. 344 с.
 18. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 140.
 19. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 107.
 20. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 26.
 21. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 18.
 22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 94.
 23. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 399.
 24. *Коломиец М.В.* Средний танк Т-28. Трехглавый монстр Сталина. М.: Яуза: «Стратегия КМ»: Эксмо, 2007. 138 с.
 25. РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 7.
 26. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 11.
 27. РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55.
 28. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106.
 29. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37.
 30. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160.
 31. РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 80.

References

1. *Kilichenkov AA.* T-34 versus Panzerwaffe. From the History of Mental Confrontation on the Soviet-Nazi Front, 1941–1945. *Novyi istoricheskii vestnik.* 2005;12: 110–25. (In Russ.)
2. *Simonov NS.* The Military-industrial Complex of the USSR in the 1920s – 1950s: Pace of Economic growth, Structure, Production Organization and Management. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 1996. 336 p. (In Russ.)
3. *Bystrova IS.* Soviet Military-industrial Complex. Issues of formation and development (1930–1980s). Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi Akademii nauk Publ.; 2006. 704 p. (In Russ.)

4. *Sokolov AK*. From the Military Industry to the Military-industrial Complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941. Moscow: Novyi khronograf Publ.; 2012. 527 p. (In Russ.)
5. *Mukhin MJu*. Amtorg. US Tanks for the Red Army. *Otechestvennaya istoriya*. 2001;3: 51–61. (In Russ.)
6. *Bogdanov IO*. The Foreign Constructions and Ideas Influence on Soviet Tank Production in the Pre-War Period. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk*. 2011;1–3(13): 133–136. (In Russ.)
7. *Vereshhak MI*. The Role of Foreign technical assistance in the Creation and Development of the Soviet Tank Industry (1925–1935) V: *Economic History. Yearbook. 2013*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2014. p. 226–50. (In Russ.)
8. *Ken ON*. Mobilization Planning and Political Decisions (late 1920 – mid-1930s). Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ.; 2002. 472 p. (In Russ.)
9. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 33988. Opis' 1. Delo 622.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 1.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 33988. Opis' 1. Delo 656.
12. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 38.
13. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 58.
14. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 3.
15. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 33988. Opis'; 3a. Delo 192.
16. *Svirin MN*. Armor Is Strong. History of the Soviet tank. 1919-1937. Moscow: Yauza; Eksmo Publ.; 2005. 384 p. (In Russ.)
17. *Solyankin AG., Pavlov MV., Pavlov IV., Zheltov IG*. Armored vehicles of Russia and the USSR. 20th cent. 4 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Eksprint" Publ.; 2002. 344 p. (In Russ.)
18. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 140.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 107.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 3. Delo 26.
21. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 2. Delo 18.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 74. Opis' 2. Delo 94.
23. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 2. Delo 399.
24. *Kolomiets MV*. The Medium tank T-28. Three-headed Monster of Stalin. Moscow: Yauza; "Strategiya KM"; Eksmo, Publ.; 2007. 138 p. (In Russ.)
25. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 1. Delo 7.
26. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 2. Delo 11.
27. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 2. Delo 55.
28. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 74. Opis' 2. Delo 106.
29. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 74. Opis' 2. Delo 37.
30. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond 74. Opis' 1. Delo 160.
31. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv. Fond 31811. Opis' 3. Delo 80.

Информация об авторе

Алексей А. Киличенков, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kilichenkov@yandex.ru

Information about the author

Aleksei A. Kilichenkov, Doctor in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kilichenkov@yandex.ru

Социальная адаптация выпускников детских домов для испанских детей (1940–1947)

Анна П. Фернандес-Эрес

*Российский государственный архив фонодокументов,
Москва, Россия, annafernandes@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальной адаптации выпускников испанских детских домов. На основании документальных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, делается попытка рассмотреть политику Наркомпроса в отношении испанской молодежи и особенности социальной адаптации испанской молодежи в трудовых коллективах и учебных заведениях, проанализировать, как стремление к сохранению национальной идентичности влияло на социализацию выпускников испанских детских домов в советском обществе. Автор стремится проследить основные этапы и организацию процессов адаптации испанцев со стороны советских руководящих органов. В рамках данного исследования предпринята попытка реконструировать повседневную жизнь испанских юношей и девушек в указанный период, их бытовые и жилищные условия. Отдельное внимание уделяется вопросу материальной помощи испанским выпускникам. Делается вывод, что для испанской молодежи процесс адаптации к самостоятельной жизни был крайне трудным, а оказываемая властями помощь была явно недостаточной.

Ключевые слова: социальная адаптация, Дом испанской молодежи, Наркомпрос, образование, детские дома для испанских детей

Для цитирования: Фернандес-Эрес А.П. Социальная адаптация выпускников детских домов для испанских детей (1940–1947) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 64–73. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-64-73

Social Adaptation of Graduates from Orphanages for Spanish Children (1940–1947)

Anna P. Fernandes-Eres

*Russian State Archive of Fonoduments
Moscow, Russia, annafernandes@yandex.ru*

Abstract: The article examines the issue of social adaptation of the orphanages for Spanish kids graduates. Based on the documentary materials, an attempt is made to review the policy of the People's Commissariat for Education (Narkompros) regarding the Spanish youth, to consider the features of social adaptation among the Spanish youth in labor collectives and educational institutions and also to analyze how the pursuit of preserving their national identity influenced the socialization of the graduates of Spanish orphanages in Soviet society. The author seeks to trace the main stages and organization of the processes of adaptation of the Spaniards by the Soviet authorities. In the framework of this study he tries to reconstruct the everyday life of Spanish boys and girls in this period, their household and housing conditions. Special attention is paid to the issue of material assistance to Spanish graduates. It is concluded that the process of adaptation to individual life was extremely difficult for the Spanish youth, and the assistance provided by the authorities was clearly inadequate.

Keywords: social adaptation, the House of Spanish Youth, the People's Commissariat for Education, education, orphanages for Spanish children

For citation: Fernandes-Eres AP. Social adaptation of graduates from orphanages for Spanish children (1940–1947). *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):64-73. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-64-73

Введение

Исследование исторического опыта СССР по социальной адаптации выпускников детских домов для испанских детей, так называемых детей войны, позволяет рассмотреть в ретроспективе основные проблемы социализации носителей иных культур к новой социальной среде и дает возможность более глубоко понять сущность

и основные трудности адаптационных процессов при устойчивом стремлении сохранить национальную идентичность. Реконструировать жизнь испанской молодежи позволяют использованные в данной работе воспоминания, архивные документы (докладные записки с описанием бытовых условий жизни молодых испанцев в СССР, списки учащихся вузов и техникумов), записанные в ходе данного исследования исторические интервью.

Представляется важным рассмотреть политику Наркомпроса, проследить краткую историю домов испанской молодежи, особенности социальной адаптации испанцев на заводах, в вузах и техникумах, проанализировать аспекты их повседневной жизни.

Политика Наркомпроса в отношении испанской молодежи

В первые годы после эвакуации испанских детей из охваченной гражданской войной Испании «дети войны» жили в специально предназначенных для них домах-интернатах, созданных в РСФСР и УССР, а образовательный процесс был организован с учетом национальной принадлежности учащихся. В каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, уроки проводились на родном для ребят языке. Подростки, достигшие 16 лет, не отрывались от коллектива, а продолжали проживать в детских домах, учась в техникумах, ремесленных училищах или работая на предприятиях.

Постепенно советские власти пришли к выводу, что испанские юноши и девушки должны покинуть детдома, чтобы лучше понимать реалии советской действительности. Сам процесс вывода испанской молодежи из детских домов проходил непоследовательно. Так, еще в июне 1940 г. секретариат ВЦСПС с согласия испанской секции Коминтерна, ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса принял постановление, касающееся так называемых переростков. Речь шла об исключении из детдомов юношей и девушек старше 16 лет, уже к этому времени окончивших седьмые классы средней школы и поступивших в техникумы и другие учебные заведения. Одновременно в ВЦСПС было решено санкционировать переезд из детских домов в общежития предприятий «отстающих» учеников старше шестнадцати лет, не окончивших семилетку, а продолжающих учебу с четвертого по шестой класс.

Однако почти сразу же, уже в июле-августе 1940 г., предпринимаются шаги для сохранения «единства испанской молодежи».

Наркомпрос организует новые учреждения интернатного типа – Дома испанской молодежи. Всего было открыто два таких дома – один в Москве, а другой в Ленинграде, с тем чтобы «избежать распыленности» молодых испанцев по разным общежитиям и обеспечить «наилучшее руководство» политико-воспитательной работой. Воспитанники получали в Домах молодежи стипендию, обеспечивались бесплатной одеждой и обувью. Предполагалось, что жить в стенах этих учреждений испанские юноши и девушки могут вплоть до 21 года. Впрочем, довольно скоро проект с Домами испанской молодежи признали неудачным, что привело к их закрытию и расселению испанских юношей и девушек по общежитиям. В письме от 11 января 1942 г. в ЦК ВКП(б) народный комиссар просвещения РСФСР В.П. Потемкин подвел итог работы и дал негативную оценку Домам испанской молодежи:

Двухлетняя практика работы показала, что молодежь, находящаяся в этих домах, оказалась оторванной от советской действительности. Испанские подростки слабо вовлекались в общественную работу на предприятиях и в учебных заведениях. Полное же обеспечение воспитанников питанием, одеждой, обувью создавало у молодежи иждивенческие настроения, ослабляло стимул к ударной работе на предприятиях и успешной учебе [1 л. 1].

Таким образом, по мнению советского руководства, воспитанники Домов испанской молодежи были слабо социализированы, не были вовлечены в жизнь советского общества и не жили коммунистическими идеалами, не имели достаточно высокой мотивации к труду. Кроме того, наблюдалась определенная изолированность испанской молодежи от их советских сверстников, а также слабое знание русского языка.

Молодые испанские рабочие

Заработная плата в зависимости от норм выработки колебалась у молодых испанских рабочих от 100 до 300 р. У работавших «по-стахановски» заработок был выше:

Рамон Гарсия, электросварщик завода «Электросила», заработал в мае м-це 354 руб., Хулиан Де Ла Фуепле, электросварщик того же завода, 556 руб., Исидро Пеняльбо, слесарь-модельщик, 567 руб. [2 л. 238].

Далеко не всегда молодые испанские рабочие выбирали себе судьбу, часто их отправляли в ремесленные училища не спрашивая о том, хотят ли они дальше продолжать образование¹.

В годы Великой Отечественной войны детские дома для испанских детей оказались в эвакуации в разных регионах страны. Сложности адаптации выпускников усугубляли тяжелые условия жизни в тылу. Мануэль Арсе вспоминал, как он в 14 лет работал на заводе «Комбайн» в Саратове:

Завод работал бесперебойно, днем и ночью, в три смены. Мы работали на заводе по две смены подряд, т. е. по 16 часов и больше, и иногда оставались спать прямо там же, на заводе, где-нибудь в углу, потому что ехать в общежитие было не на чем, да и на заводе было теплее [4 с. 48].

Мануэль Арсе вспоминал, что вместе с ним на заводе «Комбайн» в Саратове работали еще 40 испанских ребят, и пишет о взаимной выручке испанцев. Когда в результате несчастного случая он попал в больницу, он выжил благодаря солидарности товарищей:

У нас был неписанный, но железный закон: если кто-то из нас попадал в больницу, все остальные должны были приносить ежедневно по 5 рублей каждый на продукты на больного. Когда я попал в больницу, было решено собирать для меня по 10 рублей с каждого. За те долгие месяцы, которые я пролежал в больнице, не было ни одного дня, чтобы кто-нибудь из наших ребят не пришел меня навестить, принести продукты или просто поддержать [4 с. 49].

В московских вузах и техникумах

Уже в 1944 г. испанские юноши и девушки, обучавшиеся и работавшие в провинции, были переведены на работу и учебу в Москву и Московскую область. Историк А.В. Елпатьевский пишет о том, что трудно однозначно утверждать, кто явился инициатором концентрации испанцев с 1944 г. в Москве и Московской области – КПИ или советские организации. В любом случае это было выгод-

¹ В конце 1950-х в компартии Испании сожалели о том, что в годы ВОВ «дети войны» массово шли в ремесленные училища и не получили в итоге специальностей более высокой квалификации, что позволило бы им в будущем принести пользу народному хозяйству своей родины. См. [3 р. 112].

но и тем, и другим, это способствовало улучшению как материального положения эмигрантов, так и их консолидации [5 с. 98].

В техникумы молодых испанцев устраивали на базе 7–8 классов средней школы. Как писала историк Иммулада Коломина Лимонера, представители коммунистической партии Испании настаивали на том, чтобы молодые испанцы получали практические специальности, с техническим уклоном, что позволило бы по возвращении на Родину быть полезными для народного хозяйства страны [3 р. 124]. Получить творческую профессию было гораздо сложнее.

Виртудес Компань Мартинес вспоминала, что по возвращении из эвакуации ее сразу зачислили на второй курс Московского текстильного техникума, где была сформирована испанская группа. По вечерам им в столовой выдавали на всех большую кастрюлю картофельного пюре, которую они везли в общежитие на трамвае, а потом с наслаждением ели свой ужин, запивая кипятком. Поскольку испанцы любили собираться вместе и петь народные песни разных регионов страны – баскские, астурийские, галисийские – их однажды заметили и пригласили создать самостоятельный испанский хор. Хор выступал не только в техникуме, но и участвовал в городских конкурсах творческих коллективов [6 р. 78].

Вернувшись в столицу, испанская молодежь получила больше возможностей для получения высшего образования. Так, уже в 1944–1945 учебном году около 135 человек были студентами институтов.

Среди высших учебных заведений, куда поступали испанцы, наибольшей популярностью пользовались Первый Московский ордена Ленина медицинский институт, Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, Московский ордена Ленина энергетический институт им. В.М. Молотова. Испанцев также устраивали на учебу в техникумы: железнодорожный техникум им. Октябрьской революции, дорожно-механический техникум, Орехово-Зуевский химико-механический техникум, Московский текстильный техникум, Московский авиационный техникум, фельдшерскую школу.

По воспоминаниям Вирхилио де лос Льянос Маса, специально для испанцев в Московском энергетическом институте на гидроэнергетическом факультете был создана отдельная группа:

Совместное проживание и учеба позволили нам сохранить родной язык и привычки, которые прежде с такой любовью и бережностью поддерживали воспитатели испанских детдомов [7 с. 59].

По мнению Вирхилио де лос Льянос Маса, создание испанской группы облегчило институтскому руководству контроль над учебой и позволило наладить индивидуальную помощь, в которой выпускники испанских детских домов нуждались в повседневной жизни.

Трудности социальной адаптации

Отправляясь во взрослую жизнь, испанские выпускники стремились не разрывать связь друг с другом. Для них было важно продолжать общаться в рамках своей социальной группы, своего «коллектива».

Слово «коллектив» по отношению к испанцам активно использовалось в советской терминологии. Испанские политэмигранты, работавшие на заводах и фабриках, также представляли собой отдельные «коллективы взрослых», «детские коллективы» создавались в домах-интернатах, «коллективы испанской молодежи» образовывались в учебных заведениях и предприятиях. Испанские «коллективы» создавались иногда целенаправленно, но также и спонтанно благодаря инстинктивной потребности держаться вместе. Как отмечает испанский историк Иммакулада Коломина Лимонеро, в СССР испанцев связывали общий язык и национальная идентичность [3 р. 173].

Годы спустя вспоминал Франсиско Мансилья Карамес:

Русский мы знали очень плохо, потому что почти не общались с русскими. Наши учителя были испанцы. Я, например, выучил русский, когда вышел из детского дома и попал в народ [8]

Все испанские выпускники получали при выходе из детдома одежду и обувь. Так, в послевоенные годы каждой выпускнице полагался список вещей, в том числе зимнее пальто, зимний костюм, летнее платье, рейтузы, ботинки, полотенца и т. д. Юноши получали от государства зимнее пальто, костюм, кальсоны, ботинки, носки, шапки, полотенца. Однако, как докладывал на имя секретаря ВЦСПС Кузнецова заместитель министра просвещения РСФСР В. Снегов, в списке обмундирования отсутствовали демисезонное пальто, валенки, галоши. Уже в 1947 г. заместитель министра просил ВЦСПС решить вопрос о повышении выходного пособия на выпускника с 250 до 400 р. и увеличить суммы на выдачу одежды и обуви [9 л. 6].

Секретариат ВЦСПС выплачивал дотацию молодым испанским рабочим в течение шести первых месяцев их работы, а испанцы-студенты получали не только государственную стипендию, но и дополнительную ежемесячную субсидию от ВЦСПС в размере 250 р.

Далеко не всегда испанские выпускники детских домов встречали внимательное отношение к себе, получали необходимую поддержку. В этой связи представляет интерес докладная записка председателю ЦК МОПР Н.И. Шаронову, составленная инструктором орготдела Зайцевой, об обследовании ряда коллективов испанской молодежи.

В записке отмечаются слабое социальное взаимодействие воспитанников, проблемы на работе и с учебой, плохие бытовые условия, неприспособленность молодежи к самостоятельной жизни. Так, испанские студенты, обучавшиеся в Московском фармацевтическом институте, первое время пропускали лекции и практические занятия, отказывались заниматься иностранным языком, считая, что для них иностранным является русский язык.

На текстильно-трикотажной фабрике № 2 молодые работницы-испанки, согласно записке, попали под влияние «групп хулиганствующей молодежи с соседнего завода»; почти все они имели судимость за опоздание, прогул или кражи [10 л. 62об.].

Автор записки указывает на то, что на заводе девушки оказались предоставлены сами себе, их не приглашали на беседы и собрания, обвиняли в том, что они не выполняют рабочий план, а на их просьбу организовать кружок кройки, вышивания и танцев был получен отказ.

Проверка условий жизни показала, что испанская молодежь испытывает острые материальные трудности. Все вчерашние выпускники жили в общежитиях в стесненных условиях, донашивали вещи, выданные им еще детским домом. Не хватало и денежных средств. Работницы текстильно-трикотажной фабрики жаловались, что всегда голодны, и этим объясняли свои кражи и прогулы, испанцы с авиазавода № 456 в один голос заявляли, что им не хватает заработка на оплату трехразового питания.

Как сообщал в записке на имя секретаря ВЦСПС Кузнецова заместитель министра просвещения РСФСР В. Снегов, в 1947 г. из испанских детдомов подлежали выводу 76 человек. Большинство из них – 49 – планировалось отправить в высшие учебные заведения, в техникумы – 20 человек, еще семь планово уезжали за границу к родственникам [9 л. 5].

А.В. Елпатьевский приводит данные, что всего к 1947 г. на предприятиях Москвы, Московской области, Ленинграда, Тбилиси,

Ташкента работал 751 человек из числа бывших воспитанников детских домов для испанских детей, учились в вузах и техникумах – 638, в РУ и ФЗО – 364, находились в рядах Советской армии – 30 человек. По вызовам родителей выехали за границу 40 молодых испанцев [5 с. 113].

Заключение

Решение проблемы социальной адаптации выпускников детских домов для испанских детей в значительной степени определило их дальнейшую судьбу в советском обществе.

С самого начала мы можем проследить две основные тенденции. С одной стороны, советская образовательная система не стремилась сохранить «единство испанской молодежи», санкционируя переезд старших воспитанников из детских домов и Домов испанской молодежи в общежития, что фактически можно трактовать как угрозу утраты подрастающим поколением личностных установок на сохранение языка, т. е. денационализацию. С другой стороны, предпринимались меры по сохранению их национальной идентичности. Вторая тенденция проявилась в создании Домов испанской молодежи, а чуть позже – испанских групп в вузах и техникумах страны.

При выходе из детского дома у многих испанских выпускников ухудшалось материальное положение, трудности в учебе и на работе возникали в связи с плохим знанием русского языка. Материальная помощь, которую они получали, была явно недостаточной, при этом за их жизнью продолжал осуществляться контроль.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 349.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 106а.
3. *Limonero I.C.* Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. 279 p.
4. *Арсе М.* Воспоминания о России. Мадрид, 2011. 172 с.
5. *Елматьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. 290 с.
6. *Martinez V.* La española rusa. Moscú, 2016. 127 p.
7. *Де лос Льянос Мас В.* Ты помнишь, tovarish...? Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М.: ЛКИ, 2008. С. 272.

8. Российский государственный архив фонодокументов. Ф. 20. Оп. 60. DVD/В. Ед. уч. 2
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5984.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 569.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond A-307. Opis' 1. Delo 349.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 5451. Opis' 43. Delo 106a.
3. *Limonero IC*. Dos patrias, tres mil destinos. Madrid, 2010. 279 p.
4. *Arse M*. The memories of Russia. Madrid, 2011. 172 p. (In Russ.)
5. *Elpatievsky AV*. Spanish emigration to the USSR. Historiography and sources, an attempt at interpretation. Tver', 2002. 290 p. (In Russ.)
6. *Martinez V*. La española rusa. Moscu, 2016. 127 p.
7. *Де лос Льянос Мас В*. Do you remember, tovarish...? From the archive of one of the children, brought to the USSR during the civil war in Spain. Moscow: LKI Publ.; 2008. 272 p. (In Russ.)
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv fonodokumentov. Fond 20. Opis' 60 DVD/В. Edinitsa ucheniya 2.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 2306. Opis' 70. Delo 5984.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 8265. Opis' 1. Delo 569.

Информация об авторе

Анна П. Фернандес-Эрес, Российский государственный архив фонодокументов, Москва, Россия; Россия, Москва, 105005, 2-я Бауманская ул., д. 3; annafernandes@yandex.ru

Information about the author

Anna P. Fernandes-Eres, Russian State Archive of Fonodocuments, Moscow, Russia; bld. 3, 2-nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russia; annafernandes@yandex.ru

Защита военной и государственной тайны в печати во время коренного перелома в Великой Отечественной войне

Геннадий А. Куренков

*Российский государственный архив социально-политической истории,
Москва, Россия, kuren62@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты военной и государственной тайны в 1943 г., году коренного перелома в Великой Отечественной войне, во взаимосвязи с ходом боевых действий и началом освобождения оккупированных ранее территорий. Цель и задачи статьи – выявление и описание мероприятий по защите информации, проводимых в данный период, оценка влияния боевых действий на состав, содержание и характер секретных сведений. Автор описывает проводимые советским государством мероприятия и отмечает взаимодействие высших органов партии, исполнительной власти и Главлита в области защиты военной и государственной тайны в 1943 г. Представлен широкий спектр секретных сведений, защита которых была актуальна в ходе боевых действий. Объем защищенной от разглашения государственной и военной информации позволяет сделать вывод, что проведение мероприятий по защите информации и цензурная работа были необходимым условием победы. Советскому государству удалось не допустить разглашения значительной части секретной информации военного и государственного значения. Тема, рассматриваемая в статье, пока не освещалась в открытой печати, и в этом ее актуальность и новизна. Предлагаемая статья основана исключительно на архивных документах Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: военная и государственная тайна, секретность, Главлит, НКГБ, НКВД

Для цитирования: Куренков Г.А. Защита военной и государственной тайны в печати во время коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 74–87. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-74-87

Protection of Military and State Secrets during Radical Change in the Great Patriotic War

Gennadiy A. Kurenkov

*Russian State Archive of Socio-Political History,
Moscow, Russia, kuren62@mail.ru*

Abstract. The article analyzes an issue of military and state secrets protection in 1943, year of radical change in the Great Patriotic War, in its interrelation with the course of fighting and the beginning of liberation of the occupied territories. The purpose and tasks of the article are identification and description of the measures taken for information security during that period, as well as of how the fighting impacted upon structure, contents and character of the classified information. The author mentions facts and describes measures taken by the Soviet state and refers to interaction of the supreme bodies of party, executive power and Glavlit on protection of military and state secrets in 1943. Also he presented a wide range of the classified information which protection became relevant in the course of fighting. Amount of the state and military information kept from disclosure leads to a conclusion that the arrangements in information security and existence of censorship were a necessary condition for a victory in the war. The Soviet state managed to prevent disclosure of a considerable part of the classified information of military and state value. The relevance and novelty of subject of the article are clear from the fact that it has not yet got the open press coverage. The article is entirely based on documents from the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: military and state secrets, privacy, Glavlit, NKGB, NKVD

For citation: Kurenkov GA. Protection of Military and State Secrets during Radical Change in the Great Patriotic War. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):74-87. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-74-87

Введение

Деятельность государства по защите военной и государственной тайны, как и любая деятельность в условиях войны, зависит от положения как на фронтах, так и в тылу. Следует отметить, что первостепенное и непосредственное влияние на охраняемые объекты и субъекты защиты, а также на сведения, подлежащие защите, оказывает ход военных действий. Отметим также, что основной состав сведений, составляющих тайну в военное время, остается не только без изменений (всегда актуальными являются все сведения, определенные ранее как секретные), но и может изменяться в сторону дополнения. Кроме того, в военное время определенные сведения из числа секретных в зависимости от характера боевых действий (оборона, подготовка к наступлению, наступление и т. д.) становятся приоритетными. Следует сказать, что от положения на фронтах зависит не только состав сведений, составляющих военную и государственную тайну, но и состав политической информации, требующей защиты. В целом же обладание сведениями (секретные – это, как правило, наиболее объективные и важные) наряду с наличием уже имеющейся открытой информации дает противоборствующим сторонам основание для анализа ситуации и событий и в конечном итоге ведет к конкретным решениям и военным действиям. Изменения в составе секретной информации и ее динамика, а также мероприятия по защите военной и государственной тайны особенно наглядно прослеживаются при переходе от обороны на фронтах в 1941–1942 гг. к стратегическим наступательным операциям в период коренного перелома в Великой Отечественной войне в 1943 г., а затем в 1944–1945 гг., освобождения захваченной врагом советской территории и окончательного разгрома фашизма в Европе и непосредственно в Германии. В данной статье мы рассмотрим одно из направлений деятельности по защите информации – цензурирование (ограничение распространения) секретной информации: что осталось без изменений, а что претерпело изменения в деятельности по защите информации и в составе сведений, составляющих военную и государственную тайну в 1943 г. Цель и задачи статьи – выявление и описание мероприятий по защите информации, проводимых в данный период, определение влияния хода боевых действий на состав, содержание и характер секретных сведений.

Открытая историография по данной теме практически отсутствует, так как в советский период, да и в настоящее время, что и понятно, многие документы по данной теме носили и носят тот или

иной гриф секретности, были или остаются, малоизученными как в количественном, так и в качественном отношении. Практически только намечается ее серьезное научное осмысление с нескольких точек зрения – исторической, правовой, философской и с позиций теории и практики защиты информации. Автор статьи фактически единственный, кто пытается заниматься этим вопросом комплексно, применяя междисциплинарный подход к изучению темы в ее ретроспективной составляющей. Изучение этого вопроса только начинается, его историография только складывается, и в этом ее новизна и актуальность. В архивах имеются некоторые комплексы документов, которые в настоящее время можно использовать, но они или немногочисленны, или все еще имеют гриф секретности. Это одна из причин, по которым проблематика защиты информации в целом и защиты военной и государственной тайны в частности, особенно в военный период, до сих пор остается неразработанной открытым порядком. Представленная статья, возможно, даст толчок дальнейшему изучению данного вопроса.

Организационные оперативные мероприятия по защите государственной и военной тайны

В 1943 г., году коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, продолжалась работа по защите информации в целом. В частности, шла проверка общего состояния системы обеспечения секретности в государстве. Так, в 1943 году проводились начатые в 1942 г., проверки состояния обеспечения сохранности военной и государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и ведомствах СССР. В начальный период войны работа по защите государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и ведомствах, особенно тех, которые находились на территориях, затем оккупированных противником, осложнялась в связи с тяжелейшими условиями их эвакуации в тыл страны. Несомненно, в первую очередь необходимо было перевезти и организовать производство на новом месте, обустроить людей и в короткие сроки начать работу, т. е. выполнить главную задачу – наладить скорейшее производство военной продукции для фронта, а непроизводственным учреждениям – продолжать работу в условиях военного времени. Все остальное, в том числе решение задач по защите информации, делалось уже в процессе организации и налаживания основной работы. В связи с этим в том числе и в центральных органах исполнительной власти,

также готовящихся к эвакуации или частично эвакуированных в 1941 г. из Москвы, ослабла работа по защите информации. В то же время уполномоченные государством органы (НКВД, НКГБ и др.), контролирующие и осуществляющие в целом обеспечение государственной безопасности, в данной ситуации не могли и не имели право оставаться в стороне. Уже в 1942 г. НКГБ СССР разослал ведомствам, организациям и предприятиям письма с вопросами и утверждением организационных документов по обеспечению секретности.

В то же время осуществлялись и оперативные мероприятия. Так, в ночь на 1 мая 1943 г. Пятым управлением НКГБ СССР была произведена проверка состояния охраны государственной тайны в наркоматах СССР. В ходе проверки выяснилось неудовлетворительное состояние положения дел в ряде наркоматов: Наркомате электропромышленности СССР, Наркомате электростанций, Наркомате боеприпасов, Главсевморпути при СНК СССР, Наркомате связи СССР, Наркомате промышленности и строительных материалов СССР, Наркомате путей сообщения СССР, о чем народный комиссар безопасности СССР В.Н. Меркулов проинформировал ЦК ВКП(б) [1 л. 24–33]. В результате уже через несколько дней, 10 мая 1943 г., выходит распоряжение Совнаркома СССР № 9382-рс, в котором указывалось: 1. Записку НКГБ СССР тов. Меркулова В.Н. о неудовлетворительном состоянии охраны государственной тайны в ряде наркоматов разослать всем наркоматам. 2. Обязать наркомов навести порядок в аппаратах наркоматов, обеспечить охрану государственных тайн и о принятых мерах доложить в СНК СССР к 25 мая 1943 г. 3. Контроль исполнения настоящего распоряжения возложить на Управляющего делами СНК СССР тов. Чадаева Я.Е. [1 л. 23].

Далее наркоматы приняли данное распоряжение к исполнению и обязаны были доложить о принятых мерах по исправлению недостатков. В то же время по линии Главлита в 1942–1943 гг. также проводились постоянные проверки библиотек, в том числе и на наличие в открытых фондах секретных документов.

Контроль за опубликованием правительственных решений и документов

Важным направлением по ограничению распространения секретной информации, которому придавалось большое значение, был контроль за опубликованием наиболее важных государственных документов – постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Перед выпуском в свет предназначенных для открытого распространения постановлений проводился их анализ на предмет случайного нахождения секретных сведений. Так, приказом Уполномоченного СНК СССР по защите военной и государственной тайн в печати и начальника Главлита РСФСР Н. Садчикова от 12 июня 1943 г. № 39/836с отмечалось: «Впредь опубликование постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР... в открытых изданиях может быть разрешено только с моей санкции, цензор не дает разрешения опубликования... если не будет указано руководителем наркомата или центрального учреждения Союза ССР, что это постановление санкционировано к опубликованию в открытой печати Управлением делами ЦК ВКП(б) и соответственно Управлением делами СНК СССР. Не требуется моей санкции на опубликование в сборниках и справочниках и т. д. постановлений ЦК ВКП(б) в том случае, если это постановление опубликовано в центральной печати (“Правда”, “Известия”))» [2 л. 75 об.]. Как видно, основная ответственность в данном случае за распространение информации ложилась не на Главлит, а непосредственно на партийные или государственные органы – авторов постановлений. В принципе уже в это время намечалась данная тенденция, которая в дальнейшем получит свое развитие.

Разработка и составление нормативных документов

Следующим направлением деятельности по защите информации была разработка и введение в действие нормативных и организационных документов общегосударственного и ведомственного значения. Как известно, на случай войны в действие вводились специально подготовленные для этого или же дополнялись уже имеющиеся в работе документы. Так, например, пограничные службы НКВД СССР к сентябрю 1943 г. при осуществлении контроля на контрольно-пропускных пунктах на границе пользовались таким документами, как «Положение о функциях уполномоченного отдела иностранной цензуры и начальников КПП погранвойск НКВД СССР в области политического контроля над материалами, следующими через границу при пассажирах, их багаже и в грузах», «Инструкция о порядке осуществления уполномоченным отделом иностранной цензуры контроля материалов, следующих через границу при пассажирах и в грузах», «Список грампластинок, запрещенных к ввозу в СССР», «Перечень иностранной литературы, запрещенной к ввозу в СССР». Практика работы в условиях

военного времени и меняющаяся обстановка требовали внесения изменений в документы и приведения их в соответствие с новыми требованиями и условиями, так как некоторые сведения и положения в них или теряли свою актуальность или их не было вообще. В данном случае в сентябре 1943 г. вышеперечисленные документы были направлены в Главлит для их пересмотра и внесения изменений [3 л. 28].

В июле 1943 г. на внесение замечаний и согласование в отдел «В» НКГБ был направлен «Перечень важнейших сведений, не подлежащих передаче по радиотелефону, радиотелеграфу» [3 л. 9–12об.], а в декабре 1943 г. Уполномоченному по защите военной и государственной тайн в печати (далее – Уполномоченный СНК СССР) Н. Садчикову был направлен на внесение замечаний проект «Правил по сохранению военных тайн в печати Красной Армии (на военное время)», подготовленный к изданию Отделом военной цензуры Генштаба Красной Армии [4 л. 25]. Как видно, и в 1943 г. шел процесс довольно активной доработки или составления новых нормативных документов по защите информации заинтересованными структурами.

Дополнения в перечни сведений, запрещенных к опубликованию в военное время

В данный период соответственно продолжалась и постоянная работа по контролю за распространением в печати и радио секретных сведений, уже имеющихся ранее в перечнях, запрещенных к опубликованию в военное время, а также шел процесс внесения изменений и дополнений. Так, в январе 1943 г. было запрещено опубликование статей и материалов по вопросам боевых действий, написанных генералами, без особой санкции в каждом отдельном случае ЦК ВКП(б) и опубликование в печати карт-схем районов боевых действий, кроме карт-схем, прилагаемых к официальным материалам Свинформбюро [5 л. 4]. Также было запрещено опубликование званий и должностей командиров частей и соединений от полка и выше в стрелковых и кавалерийских дивизиях, эскадрильях в авиации, миноносцев и подводных лодок в ВМФ, батальона и роты в других родах войск без санкции Военного совета или начальника штаба армии, фронта, военного округа, флота, флотилии [2 л. 8об.]. В газетах было запрещено указывать населенные пункты, где идет бой, а также сообщать о начале и исходе военной операции [2 л. 9]. В феврале 1943 г. запретили печатать в открытой печати и

передавать по радио сведения о конструкции и использовании частями Красной Армии стального нагрудника СН-12 и винтовочной агитационной гранаты ВАГ-42, независимо от того, были ли ранее эти сведения опубликованы или нет, а также о применении нашими частями на фронте огнеметов, об использовании трофейной техники (танки, самолеты) с немецкими опознавательными знаками и о новой организации в Красной армии гвардейских минометных бригад и дивизий [5 л. 7]. Секретным циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР от 2 февраля 1943 г. № 3/111 с цензурным органам разрешалось публиковать сообщения о смерти генералов Красной армии только на основании правительственных сообщений. Об участии медперсонала в боевых действиях Красной армии разрешалось печатать только как о защите и самозащите в случаях нападения противника на госпитали, медпункты или на медработников, а слово «катюша» разрешалось упоминать в статьях, стихах и песнях только в тех случаях, когда оно не связывается с изобретением тов. Костикова [5 л. 7].

В течение войны постоянно вносились изменения в Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, особенно по военной технике и вооружениям, в сторону как дополнения, так и рассекречивания. Появляющиеся на фронтах новая техника и вооружения, как отечественные, так и союзников, подлежали полному или частичному засекречиванию. Но в тоже время некоторые сведения рассекречивались частично или становились открытыми. Это, как правило, были сведения по уже известным противнику или устаревшим образцам военной техники. Так, 3 февраля 1943 г. были частично запрещены к опубликованию в печати и фото вооружений. Например, были засекречены сведения по американским танкам: легкие и средние М-3, английские танки «Черчилль», «Тетрарх» (Мк. VII) [5 л. 16–17об.], причем называть и показывать их на фото можно было открыто, а тактико-технические данные имели гриф «дсп». Летом 1943 г. были запрещены к опубликованию сроки лечения и выздоровления по отдельным видам ранений в полевых условиях.

Но в общем можно отметить, что всегда оставались актуальными и должны были строгайше сохраняться в тайне от противника, например, сведения по фронтовым и прифронтовым районам: о размещении армии и флота вдоль линии фронта, масштабах и родах войск на отдельных участках, передислокации, переформировании войск и т. д.; о создании и расположении линии оборонительных укреплений, возведении фортификаци-

онных сооружений, восстановлении и новом военно-дорожном строительстве; о транспортировке военных грузов, а также данные о конкретных разрушениях на военных, железнодорожных, промышленных объектах, причиненных в результате вражеских бомбардировок или артиллерийских обстрелов, и сведения об их восстановлении [5 л. 50]. По-прежнему категорически запрещалось давать в открытой печати все сведения о перевозке любых грузов по Севморпути и Каспийскому морю и военных действиях Каспийской и Волжской флотилий [5 л. 53]. Все же отдельные материалы могли быть опубликованы только с санкции Главлита.

Рассмотрим, какие же новые сведения появились и подлежали засекречиванию в 1943 г.

Во-первых, 1943 г. ознаменовался переходом наших войск к стратегическим наступательным действиям и освобождением части нашей территории. В связи с этим появляются и новые сведения, составляющие военную и государственную тайну и подлежащие засекречиванию и охране. Так, с апреля 1943 г. категорически запрещалось в освобожденных от оккупации немцев районах опубликование каких бы то ни было материалов о восстановлении заводов, портов, железнодорожных станций и других объектов, имеющих оборонное значение. Допускалось лишь упоминать о восстановлении в этих районах предприятий и учреждений, связанных с обслуживанием населения: коммунальных электростанций, бань, школ, больниц, пекарен, трамваев [5 л. 42]. Например, военный цензор 3-го Украинского фронта майор Кудря в письме начальнику Отдела военной цензуры Генштаба Красной Армии 24 ноября 1943 г. отметил: «За последнее время в центральной печати, в газете “Правда”, “Красная Звезда”, “Комсомольская правда” и др. печатается о восстановлении предприятий в освобожденных городах Запорожье, Днепрпетровск, Днепродзержинск, Сталино и др. При описании сообщается, какие предприятия немецкие оккупанты не успели взорвать, восстановление разрушенных предприятий, особенно металлургических, которые, ясно каждому, работают, главным образом, на армию. Не знаю, может быть, это совпадение, но буквально через несколько дней после публикации этих сведений в газетах города, заводы подвергаются ожесточенным бомбардировкам... О чем считаю своим долгом Вам донести» [6 л. 2]. Мне кажется, комментарии здесь излишни. В связи с этим были внесены дополнения к параграфу 49 Перечня сведений (на военное время) [7 л. 11]. Также в дополнение к этому параграфу было внесено запрещение опубликовывать в печати и передавать по радио все

сведения по строительству новых предприятий, железных дорог и реконструкции старых заводов и фабрик, а также упоминать о закрытии тех или иных заводов и предприятий народного хозяйства или эвакуации их из одного пункта в другой [5 л. 54]. В мае 1943 г. было запрещено опубликовывать сведения о перевозках всяких грузов по каналу Москва–Волга [5 л. 55], а также указывать количество выработанных сверхплановых заданий с указанием количества (танков, самолетов). Разрешалось употреблять только общие выражения: «таких-то заводов», план «на столько-то процентов» [5 л. 56].

В исключительных случаях сведения можно было печатать только с разрешения Главлита. В декабре 1943 г. информационным письмом Уполномоченного СНК СССР № 8 в связи с освобождением территорий, где находились угольные шахты, промышленные предприятия и железнодорожные объекты, было запрещено опубликовывать данные по производственным планам шахт и трестов, количеству добываемого угля в абсолютных цифрах, мощности восстановленных шахт и количеству рабочих, а также по мощности заводов, характеру военной продукции [7 л. 41–42]. Не разрешалось опубликовывать сведения о восстановлении мостов, железнодорожных узлов, депо, о путевом хозяйстве и другие сведения в 200-километровой зоне, прилегающей к фронту [7 л. 44].

Как известно, 1943 год был годом Курской битвы, «битвы моторов». В 1943 г. было запрещено давать сведения о формировании танковых корпусов, и в частности Уральского танкового корпуса. В период развернувшейся Курской битвы циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР от 24 июля 1943 г. № 17/1016с запрещалось опубликовывать в открытой печати о боевых операциях Красной Армии с указанием действий крупных соединений от корпуса и выше. В связи с продолжающимися в 1943 г. поступлениями техники от союзников по ленд-лизу также на определенное время засекречивалось их конкретное содержание. Так, к примеру, приказом Уполномоченного СНК СССР и начальника Главлита от 6 ноября 1943 г. № 57/1126с по видам вооружения запрещалось опубликовывать сведения о наличии американских самолетов, состоящих на вооружении в ВВС РККА, таких как истребители «Мустанг», бомбардировщики «В-25 Норд-Америкен» с мотором «Райт-Циклон», бомбардировщики «Бостон-3» с мотором «Райт-Циклон», корректировщики огня «Кертис 52р» с мотором «Прайт-Уитней» [5 л. 80]. В 1943 г. также запрещается опубликование данных по военно-учебным заведениям действующих фрон-

тов [7 л. 26]. Интересно, что разрешалось опубликование данных о военных училищах (без указания количества обучающихся) в Закавказском, Забайкальском, Дальневосточном округах. Это наводит на мысль, что это делалось для показа соблюдения условий нейтралитета по отношению к туркам и японцам.

Не обходилось и без проблем. Так, в октябре–ноябре 1943 г. в Главлите не хватало цензоров и контролеров на китайском, польском, румынском, чешском, урду, латышском языках. Были и другие проблемы, но главную задачу удавалось решить.

Количественные показатели и итоги работы

Если говорить об объеме выполненной Главлитом работы в целом, то с середины 1941 по 1943 г. было произведено 67 096 изъятий информации, из них по документам Красной армии – 10 381, ВМФ – 2850. За тот же период было произведено 34 352 вычерка. Из них по организации и численности Красной армии и ВМФ – 1981; по дислокации частей – 7518; по боевой подготовке и боевым операциям – 809; по боевой технике – 237; по пограничным и внутренним войскам НКВД – 64 и т. д. Также были вычерки по мобилизационным и оперативным планам, транспорту, санитарному делу, военно-инженерному делу, мореходным приборам, геодезии и картографии, аэроснимкам, геологии, метрологии, гидрологии, военной промышленности, путям сообщения, связи, противовоздушной обороне, воздушному флоту, подъему затонувших судов, Севморпути, общественным оборонным организациям, экономической тайне. Значительное меньшинство составляли вычерки по политическим искажениям, искажениям цитат, опечаткам политического характера. Больше всего изъятий Главлита было по военной тайне – 23494, по экономической тайне – 2974, по политическим мотивам – 7884 [8 л. 3–80]. Наблюдалась и положительная тенденция: так, в письме помощника начальника Главного морского штаба ВМФ вице-адмирала Пантелеева начальникам штабов флотов (флотилий) от 15 марта 1944 г. № 325653 отмечалось, что в 1942 г. по линии цензуры Военно-морского флота была предотвращена тысяча нарушений, а в 1943 г. – 1156, при этом снизилось разглашение военной тайны – с 50 в 1942 г. до 24 в 1943 г. [9 л. 16].

Заключение

Таким образом, в 1943, очередном военном году, в стране продолжалась работа по защите информации в целом, проводились мероприятия по проверке обеспечения секретности, состояния охраны военной и государственной тайны. В общегосударственном и ведомственных масштабах разрабатывались нормативные документы, осуществлялся контроль за соблюдением военной и государственной тайны в правительственных и других государственных учреждениях, ведомствах, на предприятиях, в изданиях и издательствах. Так как одним из потенциальных каналов, через который может происходить утечка секретных сведений, являются средства массовой информации (печать, радиовещание, др.), государством осуществлялась работа по ее контролю и ограничению (цензурированию).

Эта работа, наряду с другими направлениями деятельности по защите информации в целом, проходила в рамках действующей единой централизованной системы защиты информации (секретности), т. е. мероприятия и действия носили не одновременный или случайный, а целенаправленный и системный характер в масштабах всего государства, так как именно системность дает наиболее эффективный результат по защите информации. В военное время существенно расширяется и круг сведений, составляющих военную и государственную тайну.

Ход военных действий влиял и на состав секретных сведений. В 1943 г. появляются и новые оперативные сведения, составляющие на тот момент военную и государственную тайну. Государственная тайна является неотъемлемой составляющей суверенитета и системы управления (особенно в военное время) любой страны. Дело в ее обоснованности и своевременности. Только путем оценки целесообразности засекречивания конкретных сведений, анализа вероятных военных, экономических и иных последствий разглашения секретных сведений можно в какой-то мере определить обоснованность отнесения сведений к государственной тайне и их засекречивание. На наш взгляд, засекречивание перечисленных в данной статье сведений и проведение мероприятий по обеспечению секретности отвечает этим требованиям.

Существенной составляющей, кроме обоснованности, является также и своевременность отнесения сведений к государственной тайне тех или иных сведений. Она заключается в установлении ограничений на распространение этих сведений с момента их по-

лучения (разработки) или заблаговременно, до рассекречивания. В предлагаемой статье видно, что условия войны в 1943 г. диктовали свои требования к защите тех или иных конкретных сведений и информации в целом. Приведенные выше цифры изъятий и вычерков показывают, какое большое количество сведений, составляющих военную тайну, потенциально могло быть известно противнику, не будь специально созданного органа контроля в виде аппарата Уполномоченного СНК СССР по защите военной и государственной тайны в печати и Главлита, и какой военный и экономический ущерб был бы нанесен Родине. Как показала практика, такой орган, особенно в военное время, был необходим. Его действия были направлены на превентивные меры пресечения утечки секретной информации.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 116.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 119.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 195.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 196.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 37.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 291.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 120.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 24.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 292.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 116.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 119.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 195.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 196.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 37.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 291.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 120.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 24.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 292.

Информация об авторе

Геннадий А. Куренков, кандидат исторических наук, Российский государственный архив социально-политической истории, Москва, Россия; Россия, Москва, 125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15; kuren62@mail.ru

Information about the author

Gennadiy A. Kurenkov, PhD in History, Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia; bld. 15, Bolshaya Dmitrovka st., Moscow, 125009, Russia; kuren62@mail.ru

Организация водолазного дела на Тихоокеанском флоте в 1941–1945 гг.

Алексей В. Усов

*Дальневосточный юридический институт МВД России,
Владивостокский филиал, Владивосток, Россия, 101-mvd@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается состояние водолазного дела на Тихоокеанском флоте в годы Великой Отечественной войны и боевых действий с Японией. Подчеркивается, что работа водолаза требует особой подготовки и всестороннего развития. Главное внимание уделяется численному составу и подготовке водолазов-глубоководников, освоению ими новых специальностей. Раскрывается взаимосвязь между системой подготовки специалистов подводного дела и эффективностью выполнения ими задач при проведении фактических операций. Источниковой базой исследования послужили документы Филиала ЦАМО РФ (архива ВМФ, г. Гатчина), его архивного отдела (на Тихоокеанском флоте, г. Владивосток), а также Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург), которые впервые вводятся в научный оборот. На основе анализа научной литературы, архивных материалов и опубликованных источников обобщается опыт организации водолазного дела на Тихоокеанском флоте в 1941–1945 гг. Автором делается вывод об особой потребности в водолазах в период Великой Отечественной и Второй мировой войн на Тихоокеанском флоте, ведь именно в этот период специалистам в отрасли морского спасания довелось помимо традиционных видов деятельности осуществлять специфические, связанные с боевыми действиями и ликвидацией их последствий.

Ключевые слова: водолазное дело, аварийно-спасательная служба, Тихоокеанский флот, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, водолаз, спасательная операция

Для цитирования: Усов А.В. Организация водолазного дела на Тихоокеанском флоте в 1941–1945 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 88–97.
DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-88-97

Organization of Diving in the Pacific Fleet in 1941–1945

Aleksey V. Usov

*Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Vladivostok branch, Vladivostok, Russia, 101-mvd@mail.ru*

Abstract. The article considers issues of diving development at the Pacific Fleet during the Great Patriotic War and combat actions against Japan. It is emphasized that work of the diver requires special preparation and all-round development. Special attention is paid to the numeral strength and deep-divers training, their new specialties mastering. The author discoses an interrelation between divers' training system and their efficiency when performing in actual operations. He uses the documents from the Branch of the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Navy Archive, Gatchina), its archival department at the Pacific Fleet (Vladivostok) and the Russian State Navy Archive (Saint Petersburg). The majority of the documents is introduced into scientific use for the first time. The organization of diving in the Pacific Fleet in 1941–1945 is summarized with regard to the analysis of scientific literature, archival materials and published sources.

A conclusion is made about special needs of divers during the Great Patriotic War and World War II in the Pacific Fleet, because it was than that specialists in the marine rescue branch in addition to traditional activities had to carry out some specific ones – related to combat operations and the elimination of their consequences.

Keywords: diving, rescue service, Pacific Fleet, Great Patriotic War, World War II, diver, salvage

For citation: Usov AV. Organization of Diving in the Pacific Fleet in 1941–1945. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):88-97. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-88-97

Введение

«Морским судам быть...» – именно это решение, принятое боярской думой в 1696 г. по настоянию Петра I, дало мощный импульс российскому кораблестроению. За солидный отрезок времени, прошедший до наших дней на фоне расширения потенциальных угроз для мореплавателей, произошла заметная эволюция в совершенствовании

специальных технических средств для судоподъема, проведения водолазных работ и оказания терпящим бедствие.

Значительный вклад в процесс изучения аспектов, связанных с работой человека под водой в целом, и водолазного дела в особо трудные для нашего Отечества 1941–1945 гг., в частности, внесли признанные специалисты Р.А. Орбели [1], П.А.Боровиков [2–4], А.Ю. Следков [5, 6], Н.П. Чикер [7], Ф.А. Григоренко [8], А.Б. Королев [9]. В 1996 г. коллективом авторов был издан обобщающий труд, посвященный 300-летию Военно-морского флота, освещающий развитие спасательного, судоподъемного и водолазного дела в России [10]. Тем не менее анализ существующей литературы по теме исследования позволяет сделать вывод о том, что история водолазного дела на Тихоокеанском флоте изучена недостаточно.

Морской транспорт Дальневосточного бассейна внес существенный вклад в подготовку и проведение успешных боевых действий с Японией в августе 1945 г. Корабли и гражданские суда не смогли бы эффективно выполнять поставленные задачи без надлежащего аварийно-спасательного обеспечения. В связи с этим необходимо изучить опыт деятельности Аварийно-спасательного отдела Тихоокеанского флота (далее – АСО ТОФ) в 1941–1945 гг. и подготовленных на его базе водолазов [11 с. 372–386].

Представляется важным обобщение исторического опыта деятельности Аварийно-спасательной службы на Дальнем Востоке России в исследуемый период и извлечение определенных уроков, что может быть полезным при выработке научно обоснованной политики в деле спасания людей, судов и грузов на море.

Кадровый состав водолазных подразделений

В период Великой Отечественной войны в АСО ТОФ и в соединениях флота систематически из года в год шло увеличение общего числа водолазов. Так, в 1942 г. во всей системе АСО ТОФ насчитывалось 84 водолаза. В 1943 г. число их в АСО и на флоте достигло 236 чел., в 1944 г. – 295 чел., и в 1945 г. число водолазов в АСО ТОФ и на флоте возросло до 376 чел. [13 л. 162, 14 л. 4].

Рост числа водолазов идет почти исключительно за счет подразделений АСО ТОФ. Это объясняется тем, что обстановка на Тихоокеанском театре заставила расширить сеть аварийно-спасательных отрядов, создавать в различных портах Дальнего Востока новые отряды и усиливать существующие.

Интенсификация грузоперевозок не только повлияла на увеличение количества аварий, вызвавших необходимость снаряжения водолазных спасательных партий из пунктов, наиболее близко расположенных к месту аварий, но и привела к резкому увеличению потребности в водолажном обслуживании флота.

Все это дало начало формированию аварийно-спасательных отрядов (далее – АСО) и групп (далее – АСГ) в ряде портов на ТОФ, в которых ранее считалось нецелесообразным их создание (182-й АСО Порт-Артур, 84-й АСГ Гензан) [15 л. 17–18]. Во второй половине 1945 г. был организован 173-й аварийно-спасательный отряд [13 л. 162, 14 л. 4, 16 л. 15–16].

Подготовка водолазов-глубоководников

На протяжении всего изучаемого периода в подразделениях АСО Тихоокеанского флота велась систематическая деятельность по отработке действий водолазов-глубоководников. Это было обусловлено наличием больших глубин на Тихоокеанском театре, начинавшихся на незначительных расстояниях от берегов.

Количество водолазов-глубоководников росло из года в год. Так, в 1942 г. их число во всех подразделениях АСО ТОФ составляло 33 чел., в 1943 г. показатель возрос до 48 чел., в 1944 г. до 76 чел. [13 л. 164, 17 л. 51–58, 18 л. 47–49, 19 л. 34].

В 1945 г. только за первое полугодие было подготовлено 75 водолазов-глубоководников. Во второй половине года в связи с предвоенной обстановкой на ТОФ производство глубоководных тренировок было затруднено. Примечательно, что именно в эти периоды (по климатическим и навигационным условиям) глубоководные тренировки велись наиболее интенсивно.

В годы Великой Отечественной войны на ТОФ получила широкое распространение кислородная декомпрессия при выходе водолазов с больших глубин. На плавсредствах Аварийно-спасательного отряда были сделаны специальные установки, обеспечивающие выход водолазов с больших глубин с использованием кислорода. Примечательно, что этот опыт АСО ТОФ был перенят впоследствии аварийно-спасательными отрядами других морских бассейнов.

Обеспечение, руководство и контроль за глубоководными спусками проводился непосредственно водолазными специалистами и врачами-физиологами, которые являлись ответственными за организацию спусков и соблюдение мер предосторожности в соответствии с правилами водолазной службы.

Общее количество спусков и часов работы водолазов под водой по подразделениям АСО ТОФ в соответствии с поставленными задачами, имело тенденцию к повышению. Так, например, если в 1943 г. в составе 72-го АСО было осуществлено 2329 спусков, то в 1945 г. – 3921. Количество проведенных под водой часов также возрастало (7656 и 12 043 соответственно) [13 л. 164, 17 л. 51–58, 18 л. 47–49, 19 л. 34].

В 1944 г. перед водолазами АСО ТОФ была поставлена задача: «Каждый водолаз должен стать мастером подводных работ». Начались усиленные тренировки водолазов на учениях, в электросварочной лаборатории, на практических работах по оказанию помощи аварийным кораблям. Водолазы овладевали специальностями электросварщиков, газорезчиков, электрокислородных резчиков, пневматиков.

Архивные данные свидетельствуют о количественном росте подготовленных водолазов по электросварке. Так, если в 1942 г. обучение прошли четыре человека, то в 1945 г. – 76. Одновременно с навыками электросварки водолазы приобретали знания по газорезке. Например, если в 1942 г. указанный навык освоило четыре человека, то в 1945 г. – 26. Кроме того, в 1945 г. к началу боевых действий с Японией было подготовлено 39 водолазов-электросварщиков и 12 человек электрокислородных резчиков [13 л. 165].

Все обучаемые этим специальным видам водолазных работ перед практической подготовкой проходили при АСО ТОФ специальную теоретическую подготовку.

Аварийно-спасательная подготовка и учения

Практические тренировки водолазов-электросварщиков начинались с выполнения простых задач по сварке образцов в нижнем и вертикальном положениях, сначала над водой, а затем под ней. Дальнейшее обучение проводилось на макетах с выполнением задач по заварке трещин и пробоин самой разнообразной конфигурации и размеров. Для подготовки водолазов-электросварщиков, электрорезчиков и электрокислородных резчиков при АСО ТОФ была создана специализированная мастерская, которая в течение всего периода Великой Отечественной войны являлась центром водолазной подготовки как для АСО ТОФ, так и для всего флота.

Регулярно проводились сборы старшин водолазных станций соединений флота совместно с водолазами подразделений АСО, а также сборы инженеров-механиков и фельдшеров флота. Эти мероприятия проводились с целью изучения новых образцов водолазной техники, обсуждения наиболее актуальных проблем и задач водолазов флота, подведения итогов боевой подготовки [12, 20 л. 1–7].

На сборах изучался опыт работы водолазов действующих флотов, разбирались вопросы медико-санитарного обеспечения водолазных работ, осваивались новые методы и приемы (например, разоружения и уничтожения неконтактных мин). Только в течение 1944 и 1945 гг. было проведено 16 таких мероприятий. В результате личный состав водолазов хорошо знал материальную часть и правила водолажной службы [21 л. 49, 22 л. 6].

Навыки, полученные водолазами подразделений АСО ТОФ во время обучения, закреплялись не только на аварийно-спасательных операциях и на работах, связанных с водолазным обслуживанием кораблей и судов, но и на многочисленных специальных плановых аварийно-спасательных учениях со всеми видами кораблей (надводных и подводных). Такие тренировки систематически проводились из года в год во всех подразделениях АСО ТОФ. В ходе подобных мероприятий водолазы лучше, чем при любых других методах обучения, усваивали расположение аварийно-спасательных устройств, осваивали их практическое использование. Помимо этого на учениях водолазам приходилось выполнять сложные работы в трудных условиях, незначительно отличающихся от действий, которые могли потребоваться на практике. В этом отношении исключительно огромную пользу в деле обучения водолазов сыграли учения по подъему подводных лодок [23 л. 169–183].

За время Великой Отечественной войны были проведены учения с подводными лодками всех типов. Подъемы производились с глубин до 50 м с применением как простейших методов (продувка балластных цистерн, подъем кранами), так и подъемов понтонами в две ступени [24, л. 257–258].

За годы Великой Отечественной войны водолазы всех подразделений АСО полностью освоили съём гребных винтов кораблей с вала при помощи взрыва. Во время боевых действий с Японией 73 АСО проводил в аварийных случаях десятки таких операций. Водолазы 72 АСО при помощи взрыва снимали гребные винты эсминцев весом свыше 5 т [13 л. 167].

Аварийно-спасательные и судоподъемные операции

В изучаемый период водолазами были проведены масштабные аварийно-спасательные и судоподъемные операции [25 л. 11–15об.]. Исключительно высоко была оценена работа водолазов на подъеме затонувшей подводной лодки (далее – ПЛ) «Щ-130», на подъеме затонувшего буксира «Коломиец», на снятии с мели т/х «Клара Цеткин», п/х «Шелонь», п/х «Емельян Пугачев», а также при оказании помощи пароходам «Войков» и «Аргунь». Не менее значимыми стали работы водолазов при подъеме подводной лодки ПЛ «Щ-139» и при оказании помощи э/м «Ретивый». Во время этих операций активно применялась подводная электросварка [24 л. 249–250, 26 л. 45 об., 27 л. 21–22, 28 л. 10–18].

Во время боевых действий против Японии водолазам приходилось работать непосредственно на минных полях, осуществлять подъем боевых мин. Работы велись в непосредственной близости от мест, где производились взрывы глубинных бомб с целью очистки фарватера от акустических мин. Операции по подъему затонувших судов велись в местах с илистым грунтом, видимость в этих случаях не превышала 1–2 м. При обследовании судов водолазам приходилось расчищать себе путь от тел погибших.

В период боевых действий против Японии были случаи вынужденного нарушения правил водолазной службы. Так, при заделке повреждений подорвавшегося на mine танкера № 1 водолазы действовали при взрывах глубинных бомб, детонировавших на расстоянии 700–900 м от места работ специалистов. При этом никаких вредных последствий (кроме легких контузий, благоприятно перенесенных) для здоровья водолазов зафиксировано не было [13 л. 184].

Заключение

За период Великой Отечественной войны и вплоть до окончания Второй мировой войны Тихоокеанский флот испытывал особую потребность в водолазах, ведь именно в этот период специалистам в отрасли морского спасения довелось помимо традиционных видов деятельности осуществлять специфические, связанные с боевыми действиями и ликвидацией их последствий.

Благодаря систематической деятельности Аварийно-спасательного отдела Тихоокеанского флота по подготовке водолазов в изучаемый период Дальневосточный бассейн был укомплектован специалистами, способными эффективно выполнять разно-

образные работы под водой в экстремальных условиях, в том числе электросварку, электрокислородную резку и газорезку. Навыки, полученные водолазами на тренировочных спусках и учениях (особенно по подъему подводных лодок), успешно применялись при выполнении реальных (фактических) операций. Опыт использования кислородной декомпрессии при выходе водолазов с больших глубин, приобретенный водолазами-тихоокеанцами в изучаемый период, был применен на других бассейнах страны.

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность за помощь в сборе материалов руководителям и служащим архивов ЦВМА, Архивного отдела на ТОФ, РГА ВМФ П.Н. Прокопчуку, Э.Н. Щербине, В.Г. Смирнову, Е.В. Воробьеву, А.Г. Корнилову, Л.А. Баркановой, И.Д. Пациор, М.В. Жаркову.

Acknowledgements

The author of article expresses gratitude for the help in collecting materials to heads and employees of the Navy Archive (Gatchina), its archival department at the Pacific Fleet (Vladivostok) and the Russian State Navy Archive (Saint Petersburg) to: P.N. Prokopchuk, E.N. Shcherbina, V.G. Smirnov, E.V. Vorobyov, A.G. Kornilov, L.A. Barkanova, I.D. Patsior, M.V. Zharkov.

Литература

1. *Орбели Р.А.* Исследования и изыскания: Материалы к истории подводного труда с древнейших времен до наших дней. Л.: Речиздат, 1947. 284 с.
2. *Боровиков П.А.* Водолазное дело России. С конца 1930-х годов и до наших дней. М.: Нептун, 2017. 608 с.
3. *Боровиков П.А.* Подводная пехота. Водолазы-диверсанты Второй мировой войны. М.: Нептун, 2015. 304 с.
4. *Боровиков П.А.* Водолазы Великой Отечественной. М.: Нептун, 2013. 192 с.
5. *Следков А.Ю.* Очерки истории водолазного дела: В 6 т. Т. 1. Кн. 3. СПб.: Гангут, 2015. 316 с.
6. *Следков А.Ю.* Там же. Т. 2. Кн. 3. СПб.: Гангут, 2016. 272 с.
7. *Чикер Н.П.* Служба особого назначения. М.: ДОСААФ, 1975. 225 с.
8. *Григоренко Ф.А.* История развития спасательных судов и средств Российского флота. Владивосток: Морской государственный университет, 2007. 322 с.
9. *Королев А.Б.* Водолазание в России от древних времен до наших дней. М.: Моркнига, 2004. 142 с.

10. Спасатели Военно-морского флота / В.Г. Голубев и др. М.: Воениздат, 1996. 264 с.
11. Транспорт в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Исторические хроники. М.: Пан пресс, 2010. 575 с.
12. Усов А.В. К вопросу об организационной структуре и специальной боевой подготовке Аварийно-спасательной службы ВМФ ТОФ (1941–1945 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 63–66. DOI: 10.24158/fik.2017.9.13.
13. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 436. Оп. 21. Д. 73.
14. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 1. Д. 80.
15. Архивный отдел на Тихоокеанском флоте. Дело фонда № 94. Выписка из исторической справки в/ч 95388.
16. Архивный отдел на Тихоокеанском флоте. Дело фонда № 525. Выписка из исторической справки 434 отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы ВМБ ТОФ.
17. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 497.
18. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 198.
19. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 1. Д. 23.
20. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-2243. Оп. 1. Д. 180.
21. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 500.
22. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 54.
23. ЦВМА. Ф. 2628. Оп. 1. Д. 26.
24. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 503.
25. РГА ВМФ. Ф. р-2243. Оп. 1. Д. 37.
26. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 476.
27. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 72.
28. ЦВМА. Ф. 436. Оп. 21. Д. 96.

References

1. *Orbeli RA*. Exploring and pioneering: Materials on the history of underwater labor from ancient times to our days. Leningrad: Rechizdat Publ.; 1947. 284 p. (In Russ.)
2. *Borovikov PA*. Diving of Russia. From the late 1930's to the present day. Moscow: Neptun Publ.; 2017. 608 p. (In Russ.)
3. *Borovikov PA*. Underwater infantry. Divers-saboteurs of World War II. Moscow: Neptun Publ.; 2015. 304 p. (In Russ.)
4. *Borovikov PA*. Divers of the Great Patriotic War. Moscow: Neptun Publ.; 2013. 192 p. (In Russ.)
5. *Sledkov AJu*. Essays on the history of diving. In 6 vols. Vol. 1. Book 3. Sankt-Peterburg: Gangut Publ.; 2015. 316 p. (In Russ.)
6. *Sledkov AJu*. Essays on the history of diving. In 6 vols. Vol. 2. Book 3. Sankt-Peterburg: Gangut Publ.; 2016. 272 p. (In Russ.)
7. *Chiker NP*. Special operations Service. Moscow: Dobrovol'noe obshchestvo sodeistviya armii, aviatsii i flotu Publ.; 1975. 1975 p. (In Russ.)
8. *Grigorenko FA*. The history of the rescue vessels and means development of the Russian Navy. Vladivostok: Morskoi gosudarstvennyi universitet Publ.; 2007. 322 p. (In Russ.)

9. *Korolev AB*. Diving in Russia from ancient times to our days. Moscow: Morkniga Publ.; 2004. 142 p. (In Russ.)
10. *Golubev V., Ilyukhin V., Maksimov VI*. Rescuers of the Navy. Moscow: Voenizdat Publ.; 1996. 264 p. (In Russ.)
11. Transport during the Great Patriotic War. 1941-1945. Historical chronicles. Moscow: Pan press Publ.; 2010. 575 p. (In Russ.)
12. *Usov AV*. Concerning the organizational structure and special combat training of emergency rescue service of the Naval Pacific Fleet (1941-1945) Society: Philosophy, History, Culture. 2017;9:63-66. DOI: 10.24158/fik.2017.9.13. (In Russ.)
13. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 73.
14. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 2628. Opis' 1. Delo 80.
15. Arkhivnyi otdel na Tikhookeanskom flote. Delo fonda 94. Extract from the historical certificate of military unit 95388.
16. Arkhivnyi otdel na Tikhookeanskom flote. Delo fonda 525. Extract from the historical certificate of 434 separate battalion of emergency rescue service of Naval Base of the Pacific Fleet.
17. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 497.
18. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 198.
19. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 2628. Opis' 1. Delo 23.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota. Fond p-2243. Opis' 1. Delo 180.
21. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 500.
22. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 54.
23. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 2628. Opis' 1. Delo 26.
24. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 503.
25. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota. Fond p-2243. Opis' 1. Delo 37.
26. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 476.
27. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 72.
28. Tsentral'nyi Voenno-morskoi arkhiv. Fond 436. Opis' 21. Delo 96.

Информация об авторе

Алексей В. Усов, кандидат исторических наук, Дальневосточный юридический институт МВД России, Владивостокский филиал, Владивосток, Россия; Россия, Владивосток, 690087, ул. Котельникова, д. 21; 101-mvd@mail.ru

Information about the author

Aleksey V. Usov, PhD in History, Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Vladivostok branch, Vladivostok, Russia; bld. 21, Kotel'nikova st., Vladivostok, 690087, Russia; 101-mvd@mail.ru

Красный вождь, большевистский диктатор: образ Сталина в швейцарской прессе периода Второй мировой войны

Лариса А. Мундт

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, laraveselovaa@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрен образ Сталина в прессе Швейцарии от момента заключения пакта Молотова–Риббентропа и до окончания Второй мировой войны в Европе (1939–1945). Исследование проведено на основании ежедневных немецкоязычных газет (“*Neue Zürcher Zeitung*”, “*Tages-Anzeiger*”, “*Vaterland*”), представляющих разные слои швейцарского общества. Автором выявлены три этапа в развитии образа Сталина в указанный период, и события, повлиявшие на изменения этого образа. Основные этапы: от заключения пакта Молотова–Риббентропа до вторжения Германии на территорию СССР, от начала Великой Отечественной войны до отказа СССР в восстановлении дипотношений со Швейцарией, от отказа СССР в восстановлении дипломатических отношений с этой страной до окончания войны в Европе. Установлено, что основными факторами, влиявшими на изменение образа Сталина в Швейцарии, стали победы и поражения Красной армии на фронте, а также внешняя политика СССР. Выявлены основные клише в формировании образа Сталина в швейцарских газетах (красный царь в рабочей форме, большевистский диктатор, шахматист, глава большевистской угрозы). Установлены различия в подаче образа и отношении к Сталину в либеральной, социал-демократической и католически-консервативной прессе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Швейцария, СССР, И.В. Сталин, швейцарская пресса, советско-швейцарские отношения, публицистический образ

Для цитирования: Мундт Л.А. Красный вождь, большевистский диктатор: образ Сталина в швейцарской прессе периода Второй мировой войны // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 98–108. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-98-108

Red Leader, Bolshevistic Dictator. The Image of Stalin in Swiss Press during the World War II

Larisa A. Mundt

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, laraveselovaa@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the image of Stalin in Swiss press from the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact to the end of World War II in Europe. The research is based on daily German written newspapers (“Neue Zürcher Zeitung”, “Tages-Anzeiger”, “Vaterland”) representing different categories of Swiss society. The author discovers three phases of the development of Stalin’s image during this period and events influenced on its changing. The main phases: from signing Molotov-Ribbentrop Pact to the invasion of Germany into the territory of USSR, from the beginning of The Great Patriotic War to the refusal of the USSR to rebuild diplomatic relationship with Switzerland, the refusal of the USSR to rebuild diplomatic relationship with Switzerland to the end of War in Europe. It is also emphasized that main factors that influenced the image change were success and failures of Red Army and the foreign policy of the USSR. Author determined the main clichés about Stalin in Swiss press (red king, Bolshevistic dictator, chess player, head of Bolshevistic threat). The differences were found out in image in liberal, social-democratic and catholic-conservative press.

Keywords: World War II, Switzerland, USSR, J.V. Stalin, Swiss press, Soviet-Swiss relationship, publicistic image

For citation: Mundt LA. Red Leader, Bolshevistic Dictator. The Image of Stalin in Swiss Press during the World War II. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;5(38):98-108. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-98-108

Введение

Данная статья впервые в отечественной историографии рассматривает образ Сталина в немецкоязычной швейцарской прессе в период от заключения пакта Молотова–Риббентропа и до окончания Второй мировой войны в Европе. В задачи статьи входит изучение динамики образа в ходе войны, выявление особенностей

в подаче образа в трех немецкоязычных газетах, ориентированных на разные слои швейцарского общества, выделение основных клише формирования образа Сталина, характерных для изучаемых газет.

Интерес швейцарских исследователей к заявленной теме до сих пор носит фрагментарный характер. Относительно недавно появились первые работы, посвященные образу Советского Союза в 1930-е годы, в период «Холодной войны» (см. [1]). Однако несмотря на то, что в Швейцарии образ СССР прочно связан с образом Сталина, последний лишь отчасти затронут в магистерском исследовании Маркуса Дютчлера (см. [2]).

Для швейцарской прессы периода Второй мировой войны образ большевистского диктатора в СССР был одной из ключевых составляющих образа СССР в целом. Слова «большевистский диктатор» фактически являлись основным синонимом имени вождя в газетах на протяжении всего периода Второй мировой войны.

Статья основана на анализе материалов трех немецкоязычных газет: “Tages-Anzeiger”, “Neue Zürcher Zeitung” и “Vaterland”.

Газетой, представляющей социал-демократические СМИ, выбрана “Tages-Anzeiger”, выходившая в Цюрихе. Формально эта газета оставалась беспартийной, хотя на ее страницах прослеживаются симпатии к идеям социализма. Основными принципами “Tages-Anzeiger” в течение Второй мировой войны были сдержанность в суждениях и формальный отказ от публикации иностранной пропаганды и агитации. Эта газета была основана в 1883 г. Концепция издания оказалась весьма успешной: ставка на вовлечение женской аудитории, публикация развлекательных статей и иллюстраций позволила газете стать одной из самых тиражных в Швейцарии [3 S. 27].

Либеральные СМИ представлены газетой “Neue Zürcher Zeitung”, выпускающейся в Цюрихе трижды в день кроме воскресенья (в воскресенье один раз в день), основанной в 1821 г.. “Neue Zürcher Zeitung” освещала мировую политику, экономику и культуру. Тираж газеты возрос с 47 000 экземпляров в 1930-е годы до 66 300 экземпляров в 1960 г. [4 S. 22].

Католически-консервативная пресса представлена ежедневной газетой “Vaterland”, выходивший в городе Люцерн. Ее тираж неуклонно рос с 6 тыс. в 1891 г. до 58 тыс. экземпляров в 1980 г. В годы Второй мировой войны он составлял 17 тыс. экземпляров в день [2 S. 13].

Образ Сталина в 1939–1941 гг.

Заключение пакта Молотова–Риббентропа 23 сентября 1939 г. стало событием, определившим и изменившим отношение швейцарского общества к СССР. Аннулирование договоренностей с Англией и Францией и заключение мира с Германией стало толчком к формированию нового образа Сталина.

Он мог вести «двойную игру» [5]: играть с Гитлером «в кошки-мышки» [6], быть «сомнительным партнером» [7], нанеся удар Англии и Франции. Политика Сталина в этот период рассматривалась как способ укрепления его власти в СССР, а его «кавказский темперамент», по мнению авторов статей, оказывал огромное влияние на политику Кремля.

Берлин «разыгрывал русскую карту» [8], что заставляло швейцарцев усомниться в логичности и продуманности поступков Сталина. В этот момент в газете «Tages-Anzeiger» публикуется статья, написанная французским политиком Пьером Жулем Котом, в которой говорится о наивности Сталина по отношению к новому партнеру: «Весь мир возмущен поступком Советского Союза. У борцов с фашизмом такое чувство, будто их ударили по голове... То, что сделал Сталин – это не политика, основанная на эмоциях (чувстве справедливости). Нет, это политика холодного расчета... Как только Гитлер разберется с Западом, он пойдет на Восток... Сталин упустил возможность мира в одно мгновение... Скоро он это заметит, раскроет своего нового друга. Но, наверное, уже будет слишком поздно» [9].

Сам пакт Молотова–Риббентропа швейцарцы восприняли как один из предвестников скорой войны между диктатурой и демократией, которую начнет большевизм в «стремлении возвести свой флаг над всей Европой» [7].

Начавшаяся советско-финляндская война резко ухудшила образ советского правителя в швейцарских СМИ.

В вышеупомянутых газетах война чаще всего называется «освободительная война Финляндии», что уже дает понять реакцию на это событие в Швейцарии. Ответственность за начало войны возлагается прессой на большевистского диктатора и его империалистические амбиции: «Красный царь в рабочей форме имеет те же империалистические амбиции, что и коронованный царь» [10].

Одним из факторов, ухудшающих образ Сталина, становится, как ни странно, его день рождения. Празднование шестидесятилетия советского вождя являлось большим событием в СССР, и поэтому информация о нем печаталась в швейцарских СМИ:

получение ордена Ленина, сердечные поздравления от Гитлера [11]. Однако в газетах содержится критика этого праздника и говорится о том, что «мир бы лучше воспринял пышное празднование по поводу шестидесятилетия Сталина, если бы не Финская война» [12]. Баланс десятилетнего единоличного правления Сталина оказался, по мнению автора статьи, неутешительным: нападение на Финляндию которое показало слабость Красной армии, провал плановой экономики, а также неумение вождя выбирать себе правильных политических партнеров.

Окончание Финской войны и унижительный мир, из-за которого «Россия потеряла свой нимб», т. е. образ могущественной державы, заставлял авторов газет задаваться вопросами: «Сталин находится в тупике из-за Финской войны – выйдет ли он из него?» В то же время в газете “Vaterland” утверждается, что наивно полагать, будто этот «жестокий кавказец», «грузинский варвар» ничего не предпримет после потери Финляндии. По мнению автора статьи, слабость Красной Армии, несостоятельность Сталина как правителя государства могут стать причиной продолжения войны.

Во всех трех газетах Сталин 1939–1941 гг. – это воплощение большевистской угрозы всему демократическому миру. Его образ – образ врага, игрока и диктатора, стремящегося к абсолютной власти. Основной интерес для швейцарских СМИ представляет внешнеполитическое правление Сталина. Авторы статей не интересуют взаимоотношения между «большевистским царем» и его народом. Большевизация рассматривается как насильственный и негативный процесс.

Начало Великой Отечественной войны и изменение образа

Нападение Германии на СССР поначалу не привело ни к каким переменам. Молчание Сталина в первые дни Великой Отечественной войны было истолковано швейцарскими СМИ как «политическое фиаско», свидетельство «выбитых из рук карт». Более того, ожидалось, «что перед лицом опасности СССР начнет вести правильную внешнюю политику и что эра Сталина подойдет к концу» [13].

Однако позже, по мере приближения немецких войск к Москве и особенно под влиянием известия о том, что Сталин не оставил столицу, его образ в швейцарских газетах начинает меняться. Как писал в своей работе румынский министр иностранных дел, современник описываемых событий Григорие Гафенку: «Сталин выбрал

правильную политику, ожидая врага в глубине своего королевства... в Москве... Завоевание Москвы стало навязчивой идеей для Гитлера... Он продвигался в Москву, невзирая на советы своих генералов...» [14 S. 239].

Дальнейшими событиями, повлиявшими на изменение образа Сталина в швейцарской прессе, стали, во-первых, успехи Красной армии: поражение германских войск под Москвой (декабрь 1941 г. – апрель 1942 г.), победа советских войск на подступах к Кавказу и в битве за Сталинград (2 февраля 1943 г.). Автор согласен с выводом британского исследователя Джеффри Робертса о том, что Сталин был эффективным и весьма успешным военным лидером [15]. Во-вторых, внешнеполитические достижения: конференция в Тегеране (1 декабря 1943 г.). В-третьих, внутривластные события: изменение советской конституции (имеется ввиду закон от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат»), роспуск Коминтерна (15 мая 1943 г.).

В портрете советского лидера под названием «Изменчивый Сталин», опубликованном в газете “Tages-Anzeiger”, советский лидер предстает мыслителем, который любит играть в шахматы, много читает и часто находится на своей даче под Москвой. Автор говорит, что Сталин 1941 г. отличается от самого себя более ранних годов – «самый могущественный человек в Советском Союзе и один из самых влиятельных в мире» готов принимать ответственность за свои ранее принятые решения, такие как заключение пакта с Германией и Японией [16]. Согласно газете “Tages-Anzeiger”, в сознании русских Сталин выступает одним из тех «простых людей в рабочей одежде», благодаря которым победа Советского Союза над немецкой армией становится неотвратимой [17].

Принятие Сталиным звания маршала СССР не осталось без внимания швейцарских газет [18]. Маршальская униформа, в которую он облачился на конференции в Тегеране, обсуждалась в газетах как один из признаков усиления его власти в Советском Союзе. Раньше «Сталин не посмел бы надеть военную форму», однако «после того как он отодвинул на второй план роль первых советских маршалов» и «вырастил новое поколение военной элиты» он вполне может себе это позволить [19].

Согласно швейцарским СМИ роспуск Коминтерна полностью являлся заслугой Сталина. «Русский правитель» ликвидировал идеологическое препятствие (третий Интернационал), «мешающее бесперебойной совместной работе СССР и демократических

стран» [20]. Это событие демонстрировало новый виток развития СССР, отказ от революционной войны, что стало возможным благодаря «новой надежной элите, сформированной под влиянием правителя». Роспуском Коминтерна Сталин отказался от территориальных притязаний, однако согласно мнению авторов статей, «проявятся ли русские интересы к международной революции в какой-нибудь другой форме, покажет время» [21].

Образ И.В. Сталина в швейцарских СМИ после начала Великой Отечественной войны претерпевает позитивные изменения. Слово-сочетание «большевистский диктатор» заменяется более нейтральными понятиями «лидер», «правитель СССР». Обстановка военного времени внесла коррективы в образ Сталина, усилив его милитаристическую составляющую. Эта составляющая образа советского правителя является общей для образа Сталина как за рубежом, так и в СССР. Одновременно с этим во всех газетах подчеркивается роль новой политической элиты, поддерживающей Сталина, своеобразной аристократии, сформировавшейся вокруг нового «царя». В газете “Tages-Anzeiger” отношение к большевистскому лидеру в этот период более позитивно, чем в газетах “Vaterland” и “Neue Zürcher Zeitung”. Причина этого заключается, видимо, в симпатии к социалистическим идеям, характерной для этой газеты.

Однако образ Сталина снова ухудшается к концу Второй мировой войны в связи с отказом СССР от восстановления дипломатических отношений со Швейцарией в ноябре 1944 г. В отражении газет “Vaterland” и “Neue Zürcher Zeitung” Советский Союз – агрессор, беспричинно и непоследовательно меняющий свою политику, а Сталин снова оказался «большевистским диктатором» [22]. Упоминания о советском лидере в газете “Tages-Anzeiger” становятся реже.

С окончанием войны в Европе образ Сталина не улучшается. Он по-прежнему остается главой враждебного государства, которое представляет чуждую Швейцарии идеологию. Сталин не становится в Швейцарии врагом номер один, в отличие от его образа в остальном мире, в первую очередь в Америке [23 р. 25], однако отношение к нему остается настроенным.

Заключение

Советский Союз в своей внешней политике позиционировал себя как сильную державу, выступающую за справедливость и правосудие во всем мире [24 р. 209]. Логично предположить, что Сталин рассматривался как гарант этой справедливости.

В действительности мнение Запада, в частности Швейцарии, о русском вожде было совершенно иным.

Газета “Tages-Anzeiger”, в статьях которой проявлялась максимальная симпатия к большевистскому лидеру, пыталась описывать происходящие события, не награждая русского вождя разнообразными эпитетами, более того, конкретно для этой газеты свойственно преуменьшение роли Сталина в политике, переключение внимания на другие значительные фигуры: Молотова как министра иностранных дел, Тимошенко как военного лидера, Александру Коллонтай как регулятора конфликта со Швецией.

Для газеты “Vaterland” характерны отсылки к царизму, империализму, дьявольским страхам, для авторов газеты Сталин – «глава большевистской угрозы», «воинствующий безбожник», и даже изменение отношения к церкви и возвращение патриархата в СССР не меняет этого образа.

На наш взгляд, в газете “Neue Zürcher Zeitung” представлен наиболее четко структурированный образ И.В. Сталина, в соответствии с которым имя Сталина синонимично правительству СССР. В этой газете образ Сталина, как правило, – образ врага, что обусловлено политической ориентацией газеты.

Проанализировав газеты за указанный период, можно условно выделить три основных этапа в развитии образа Сталина в швейцарских газетах. Первый этап – от заключения пакта Молотова–Риббентропа до вторжения немецкой армии на территорию СССР. Образ Сталина имеет резко негативные черты и является образом врага. Второй – от начала Великой Отечественной войны до ноября 1944 г.; образ претерпевает положительные изменения, преимущественно в связи с успехами Красной армии. Третий – от ноября 1944 г. (когда правительство СССР отказало Швейцарии в восстановлении дипломатических отношений) до окончания войны в Европе; отношение к СССР и Сталину снова становится негативным и настороженным.

Анализ указанных газет позволил выделить несколько клише в формировании образа Сталина, которые присутствовали в швейцарской периодике в годы войны. Ссылки на кавказскую национальность Сталина и вытекающую из этого жестокость были одним из таких клише до начала Великой Отечественной войны и во время Зимней войны. Обращение к национальности – нетипичный литературный прием в подаче материала в швейцарских газетах. Подобным образом была подчеркнута чуждость большевистского диктатора западному миру.

Другим клише в формировании образа советского вождя стало акцентирование его могущества. С течением войны в прессе возрастает количество упоминаний о Сталине как о единоличном правителе СССР. «Красный царь», имеющий больше власти, чем любой политик в любой стране мира, переодевается из рабочей униформы, которая до конференции в Тегеране была отличительной чертой вождя, в маршалскую форму, утверждая свою власть в качестве уже военного лидера.

Советская Россия, согласно швейцарским газетам, это наследница императорской России с ее амбициями и «царем», восседающим в Кремле и окружившим себя избранной элитой. СССР в швейцарских газетах зачастую называли сфинксом – не поддающимся логическому описанию опасным существом, а Сталин, в свою очередь, являл собой голову этого сфинкса. Его политика непредсказуема, она непредсказуема и не поддается анализу. Однако, по мнению швейцарских журналистов, логика большевистского диктатора остается его сильной стороной. «Холодный калькулятор», «шахматист» – любое действие Сталина четко продумано и взвешено.

В течение войны большевистский лидер, «глава большевистской угрозы», никогда не становился объектом полностью позитивного восприятия, если и не являясь врагом, то оставаясь чужим для населения Швейцарии.

Литература

1. *Albert C.* Der «Stalinismus» in der zeitgenössischen Perspektive. Das Bild der Sowjetunion in der Schweiz 1933–1936 anhand von ausgewählten überparteilichen, deutschschweizerischen Wochenzeitungen: Historisches Institut der Universität Bern, 2004. 125 s.
2. *Dütschler M.* «Braver Muschik» – «Roter Zar». Das Bild der Sowjetunion in der katholisch-konservativen Luzerner Tageszeitung Vaterland (1938 bis 1946). Wochenzeitungen: Historisches Institut der Universität Bern, 2000. 134 s.
3. *Meier A., Schanne M.* Medien-«Landschaft» Schweiz. Zürich: Pro Helvetia, 1994. 136 s.
4. *Knüsel A.* Framing China: Media Images and Political Debates in Britain, the USA and Switzerland, 1900–1950. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. 316 s.
5. [Editorial]. Das deutsch-russische Zusammenspiel // Tages-Anzeiger. Zürich. 1939. № 197. 23 Aug. S. 1.
6. [Editorial]. Stalins Humor // Vaterland. 1939. № 137. 28 Sept. S. 1.
7. *W.J.* Die Überraschung aus Moskau // Neue Zürcher Zeitung. Zürich. 1939. № 1541. 25 Aug. S. 5.

8. [Editorial]. Deutschland spielt die russische Karte // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1939. № 1541. 25 Aug. S. 5.
9. *Cot P. J.* Dreifacher Fehler von Stalin // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1939. № 214. 12 Sept. S. 2.
10. *A.* Wo endet der Finische Krieg? // *Vaterland*. 1939. № 41. 17 Feb. S. 1.
11. [Editorial]. Stalin sechzig Jahre alt // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1939. № 301. 22 Dec. S. 1.
12. *W. J.* Stalins Bilanz // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1939. № 2177. 22 Dec. S. 2.
13. *W. J.* Stalin Schweigt // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1941. № 995. 28 June. S. 1.
14. *Gafencu G.* Vorspiel zum Krieg im Osten: Vom Moskauer Abkommen (21. August 1939) bis zum Ausbruch der Feindseligkeiten in Russland (22. Juni 1941), and Europas Letzte Tage: Eine Politische Reise im Jahre 1939. Zürich: Amstutz, Herdeg & Co., 1944. 463 s.
15. *Robberts G.* Stalins Wars From world war to cold war (1939–1953). New Haven: Yale University Press, 2006. 496 s.
16. *Zeida D.* Der veränderte Stalin // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1941. № 11. 13 May. S. 3.
17. [Editorial]. Zuversicht der Sowjetunion // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1942. № 121. 29 May. S. 1.
18. [Editorial]. Stalin wird Marschal der Roten Armee // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1943. № 56. 8 Mar. S. 1.
19. *W. J.* Marschal Stalin // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1943. № 1974. 10 Dec. S. 2.
20. *Sr.* Das Ende der Dritten Internationale // *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1943. № 121. 25 May. S. 1.
21. *W. J.* Das Ende der «Komintern» // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1943. № 829. 24 May. S. 5.
22. *W. J.* Das Russische Nein // *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1944. № 1880. 6 Nov. S. 5.
23. *Rieber R.W., Kelly R.J.* Substance and Shadow // *The Psychology of War and Peace* / *Rieber R.W.* (ed.). Boston, MA: Springer, 1991. S. 3–39.
24. *Johnston T.* Being Soviet Identity, Rumor and everyday life under Stalin 1939–1953. NY: Oxford University Press, 2011. 485 s.

References

1. *Albert C.* Der «Stalinismus» in der zeitgenössischen Perspektive. Das Bild der Sowjetunion in der Schweiz 1933-1936 anhand von ausgewählten überparteilichen, deutschschweizerischen Wochenzeitungen: Historisches Institut der Universität Bern, 2004. 125 s.
2. *Dütschler M.* «Braver Muschik» – «Roter Zar». Das Bild der Sowjetunion in der katholisch-konservativen Luzerner Tageszeitung *Vaterland* (1938 bis 1946). Wochenzeitungen: Historisches Institut der Universität Bern, 2000. 134 s.
3. *Meier A., Schanne M.* Medien-«Landschaft» Schweiz. Zürich: Pro Helvetia, 1994. 136 s.
4. *Knüsel A.* Framing China: Media Images and Political Debates in Britain, the USA and Switzerland. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. 316 s.

5. [Editorial]. Das deutsch-russische Zusammenspiel. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1939. Aug. 23: 1.
6. [Editorial]. Stalins Humor. *Vaterland*. 1939. Sept. 28: 1.
7. W.J. Die Überraschung aus Moskau. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1939. Aug. 25: 5.
8. [Editorial]. Deutschland spielt die russische Karte. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1939. Aug. 25: 5.
9. *Pierre Jules Cot*. Dreifacher Fehler von Stalin. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1939. Sept. 12: 2.
10. A. Wo endet der Finische Krieg? *Vaterland*. 1939. Feb. 17: 1.
11. [Editorial]. Stalin sechzig Jahre alt. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1939. Dec. 22: 1.
12. W.J. Stalins Bilanz. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1939. Dec. 22: 2.
13. W.J. Stalin Schweigt. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1941. June. 28: 1.
14. *Gafencu G*. Vorspiel zum Krieg im Osten: Vom Moskauer Abkommen (21. August 1939) bis zum Ausbruch der Feindseligkeiten in Russland (22. Juni 1941), and Europas Letzte Tage: Eine Politische Reise im Jahre 1939. Zürich: Amstutz, Herdeg & Co., 1944. 463 s.
15. *Robberts G*. Stalins Wars From world war to cold war (1939–1953). New Haven: Yale University Press, 2006. 496 p.
16. *Zeida D*. Der veränderte Stalin. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1941. May 13: 3.
17. [Editorial]. Zuversicht der Sowjetunion. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1942. May 29: 1.
18. [Editorial]. Stalin wird Marschal der Roten Armee. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1943. Mar. 8: 1.
19. W.J. Marschal Stalin. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1943. Dec. 10: 2.
20. Sr. Das Ende der Dritten Internationale. *Tages-Anzeiger*. Zürich. 1943. May 25: 1.
21. W.J. Das Ende der “Komintern”. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1943. May 24: 5.
22. W.J. Das Russische Nein. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. 1944. Nov. 6: 5.
23. *Rieber RW., Kelly RJ*. Substance and Shadow V: *The Psychology of War and Peace*. Boston, MA: Springer, 1991. S. 3–39.
24. *Johnston T*. Being Soviet Identity, Rumor and everyday life under Stalin 1939–1953. New York, NY: Oxford University Press, 2011. 485 p.

Информация об авторе

Лариса А. Мундт, соискатель на степень кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Москва, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; laraveselovaa@gmail.com

Information about the author

Larisa A. Mundt, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; laraveselovaa@gmail.com

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.2+378РГГУ

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-109-122

Научная школа археографии в Историко-архивном институте: история и современность

Александр Б. Безбородов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; ab-bezborodov@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется монография О.А. Шашковой «...Дает язык немым вещественным памятникам»: Очерки истории археографии XV – начала XX в.», опубликованная в 2017 г., в контексте истории научной школы археографии в Историко-архивном институте. В монографии воссозданы уникальные страницы истории исторической науки. Кроме того, в ней представлена эволюция развития археографической мысли и научной практики публикаторской работы отечественных и зарубежных историков. Автор монографии проследила основные вехи истории публикаторской деятельности в Западной Европе (с XV в.) и в России (с XVIII в.). Эволюция археографической практики за рубежом и в России имела сходные тенденции, проявившиеся в постепенном установлении динамичных связей историографии/историографии с публикаторской деятельностью, а также с общим развитием книжного дела. В статье показано, что автор монографии отразила не только «перекликающиеся» исторические проблемы, которые находили отражение в публикациях отечественных и зарубежных историков, но и их связь с общеисторическими событиями, становлением национальной государственности и формированием систем управления наукой, с историографией. Автор монографии не замыкает археографию на методических проблемах, а показывает ее как «барометр состояния» исторического сообщества в целом. В статье раскрывается важное достижение автора монографии – обстоятельное описание формирования научной школы археографии в Историко-архивном институте, которая впитала в себя лучшие традиции отечественной исторической науки.

Ключевые слова: археография, история археографии, методика публикаторской работы, исторический источник, Историко-архивный институт, научно-педагогическая школа

Для цитирования: Безбородов А.Б. Научная школа археографии в Историко-архивном институте: история и современность // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 109–122. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-109-122

The Scientific Research School of Archaeography at the Institute for History and Archives: the History and the Present

Alexander B. Bezborodov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ab-bezborodov@yandex.ru*

Abstract. The treatise by O.A. Shashkova “‘...It Makes the Mute Artefacts Speak’: Essays on the History of Archaeography of the 15th– the Beginning of the 20th Centuries”, published in 2017, is analysed in the context of history of the scientific research school of Archaeography at the Institute for History and Archives. The treatise reconstructs the unique pages of the history studies. Besides, the monographic work presents the evolutionary development of archaeological thought and the scientific praxis of domestic and foreign historians’ publication procedures. The author of the treatise has traced the milestones in the history of the publication activities in Western Europe (since the 15th c.) and in Russia (since the 18th c.). It is found out that the evolution of archaeological praxis abroad and in Russia was characterized by close tendencies, identified by the author in the gradual establishment of dynamic links of history-writing / historiography with publishing, as well as the general development of book publishing business. It is shown in the article that the author of the treatise does not only feature “corresponding” historical issues which were reflected in the publications of Russian and foreign historians, but she also analyses the relationship of those issues to the general historical events, to the buildup of national statehood and to the formation of the science management systems, to historiography. The author of the monographic work does not fix archaeography on methodological issues, but presents it in as a “barometer” indicative of the state of historic community in general. The article reveals an

important achievement of the author of the treatise – a thorough description of the development of the scientific research school of Archaeography at the Institute for History and Archives, the school which has accumulated the best traditions of the national historical science.

Keywords: archaeography, history of archaeography, publication procedures, historical source, Institute for History and Archives, research and education school

For citation: Bezborodov A.B. The Scientific Research School of Archaeography at the Institute for History and Archives: the History and the Present. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):109-22. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-109-122

Введение

«Хлеб» историка – источник, и умение его найти, обнародовать так, чтобы он стал подлинным свидетелем своей эпохи и одновременно отразил археографическую культуру времени публикации, всегда было трудной задачей. Публикация исторических источников и введение их в научный оборот для расширения и трансляции исторического знания является главной целью археографии. В связи с этим археография решает задачи поиска, выявления и отбора исторических источников, их научного исследования и подготовки к публикации, а также развития методики публикации всех видов исторических источников.

В 2017 г. увидела свет монография преподавателя Историко-архивного института О.А. Шашковой «...Дает язык немым вещественным памятникам»: Очерки истории археографии XV – начала XX в.». Ее выход дает серьезный повод обратиться к яркой истории научной школы археографии в Историко-архивном институте.

Преподавание археографии в Историко-архивном институте

Отметим, что преподавание дисциплины «Методика публикации исторических документов» началось с открытием в 1931 г. Института архивоведения (с 1932 г. Историко-архивного института). У истоков формирования дисциплины как учебного курса стоял историк, ответственный секретарь журналов «Красный архив»

и «Архивное дело», первый публикатор материалов Новоромановского архива А.А. Сергеев. Он отмечал, что публикация источников – одна из форм научно-исследовательской работы, которая предшествует историографическому исследованию [1 с. 63].

В учебном плане второго года набора в ИАИ (1932–1933 уч. г.) уже значится дисциплина «Источниковедение и научная публикация документов», учебный фонд которой, включая практические занятия, предусматривал 200 часов. Читал эту дисциплину также А.А. Сергеев. Он же разработал «Проект правил издания документов ЦАУ СССР» [2 с. 60]. Неожиданная смерть А.А. Сергеева в 1935 г. прервала дискуссию, развернувшуюся в Институте по поводу методов публикации исторических источников. Исследование проблем, связанных с методикой публикации исторических источников, продолжил в Историко-архивном институте А.А. Шилов, библиограф, источниковед и историк, бывший, как и А.А. Сергеев, учеником А.С. Лаппо-Данилевского. С 1937 г. Шилов преподавал археографию в ИАИ, где излагал последовательность действий археографа: выбор темы, изучение литературы, поиск документов, выбор и передача текста. Эта учебно-научная деятельность Шилова вполне закономерно и логически переросла в подготовленное им учебное пособие «Руководство по публикации документов XIX и начала XX в.» (1939) О непростом и драматическом обсуждении учебного пособия А.А. Шилова на Ученом совете Института подробно рассказано в монографии Т.И. Хорхординой «Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991)» [3 с. 52–55].

Учебное пособие А.А. Шилова – первое в СССР руководство по методике и правилам публикации документов XIX и начала XX в., которое сохраняет свое значение до наших дней, было издано в 1939 г.

Таким образом, именно в Историко-архивном институте были подготовлены и опубликованы первые учебники по истории публикаторской деятельности, методике публикации источников.

Позже археографию в Историко-архивном институте преподавали известные организаторы архивного дела в СССР П.Г. Софиев, И.Л. Маяковский, историки А.И. Андреев, С.Н. Валк, Л.В. Черепнин.

Так постепенно складывалась научная школа археографии в ИАИ, которая впитала в себя научные традиции отечественной археографической практики.

Напомним историю разработки методов публикации исторических источников. Вопросы, которые волновали западно-евро-

пейских коллег уже к середине XIX в., в России приобрели актуальность ближе к концу века. Способствовали этому значительно расширяющаяся отечественная археографическая практика и процесс формирования сети архивов, что привело к появлению новой науки – архивоведение. На археологических съездах заслушивались доклады о публикаторской деятельности различных организаций и обществ. В Петербургском и Московском археологических институтах функционировало два отделения – археологическое и археографическое.

Московская и петербургская археографические школы

К началу XX в. в российской исторической науке сформировалось две крупнейшие школы – московская и петербургская. В центре научных идей обеих школ стоял Текст, способы работы с ним, осмысление его роли среди других источников. В это же время все настойчивее звучит мысль о разделении деятельности историка-публикатора, работающего в архиве, и историка-исследователя.

В 1904 г. было утверждено «Положение об Императорской Археологической комиссии». В начале XX в. подготовкой методических трудов в области разработки методов публикации источников официального происхождения, прежде всего актовых, занимались академики А.С. Лапшо-Данилевский, А.А. Шахматов, историки Н.П. Лихачев, Н.Н. Ардашев, С.А.Шумаков. Созданные ими «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922) обобщили опыт этого уникального издания и перешагнули узкоспециализированные задачи, поскольку долгое время рекомендации применялись для публикации всех видов исторических источников.

В 1919 г. изданы первые советские «Правила издания документов», подготовленные сотрудниками Петроградского отделения ГУАД – А.А. Шахматовым, С.Ф. Платоновым, В.Г. Дружининым и др., где были представлены наиболее важные принципы воспроизведения документов разных эпох.

Первый номер журнала «Архивное дело» – научно-методического органа Централхива РСФСР – открывался программной статьей историка, архивоведа, литературоведа С.В. Рождественского «Историк – археограф – архивист» [4], в которой впервые предпринималась попытка решить в историко-теоретическом плане проблему диалога между представителями истории археографии и архивоведения как различных отраслей научной деятельности. Статья была воспринята как манифест, провозглашающий само-

стоятельную (самоценную) сущность деятельности историков, архивистов и археографов в рамках целостной системы научного познания.

Напомним, что идея интегральности научного знания была положена А.С. Лаппо-Данилевским в основу его методологии, и именно это определило рождение классического архивоведения. В полном соответствии с таким концептуальным подходом Рождественский отмечает: «Наука только тогда становится наукой, в точном смысле слова, когда из механической совокупности трудов отдельных лиц она становится органически целым, связывающим массу этих трудов единством обобщающей мысли, традициями известных методических направлений, – тем, что называется “школой”» [4 с. 2].

По мнению Рождественского, формально охранительные обязанности архивной службы расширяются до масштабов научно-исследовательской деятельности, и это превращение вызвано тем, что после революции перед архивоведением были поставлены колоссальные задачи по строительству единого государственного архивного фонда.

Согласно концепции Рождественского, задачей отношений первого уровня (архивист – археограф) является формирование базового информационного пространства на основе упорядочивания архивных массивов. При этом археографическое освоение источниковой базы позволяет исследователю выявить механизмы управления историческим знанием, целенаправленного воздействия на характер общественных представлений о прошлом, т. е. определить состояние общественного исторического сознания, уровень общей культуры, характер государственности и т. д.

На втором уровне (археограф – историк) отношения еще более усложняются: на отдельных этапах археография способна принимать на себя интеллектуальную инициативу, целенаправленно формируя историографическое пространство. Это порождает противоречия в отношениях археографа и историка, поскольку, с точки зрения историка, археограф должен ограничиваться только предоставлением ему источника как факта, не вторгаясь в интерпретаторскую работу исследователя.

Из исторически сложившегося соотношения интересов и методов работы историка-исследователя, археографа и архивиста вытекает главная идея Рождественского: в условиях внешнего кризиса, переживаемого исторической наукой, особенно значительно и остро поднимается проблема организации коллективных научных проектов. Необходимым условием этой организованности,

окрывающей каждого работника науки, является самое тесное сближение историка-исследователя, археографа и архивиста, взаимное проникновение их интересов и методов работы [4 с. 3–11, 5 с. 435–439].

Таким образом, отечественные ученые подготовили научную почву, на которой взошли плодородные всходы учебных дисциплин в ИАИ–МГИАИ, связанных с изучением теории и разработкой методики публикации исторических источников.

Создание кафедры археографии в МГИАИ и выпуск учебных пособий по археографии

Это выразилось в создании 1957 г. первой в стране специализированной кафедры археографии, целью которой была подготовка историков – специалистов в области публикации исторических источников. Кафедра сохранила преемственность по отношению к предыдущим изданиям, преимущественно по истории археографии. Преподаватели ИАИ–МГИАИ впитали концепции и традиции отечественной исторической науки и творчески развили их. Кафедру почти 30 лет возглавлял проректор МГИАИ М.С. Селезнев.

Несмотря на явный «методический» уклон и понимание археографии как узкой методической дисциплины, а главное, абсолютизацию классового принципа при отборе документов, преподаватели кафедры подготовили и выпустили в свет качественные учебные пособия по истории и методике археографии. Так, учебное пособие И.И. Корневой, Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн «История археографии в дореволюционной России» (1969) сформировало представление об археографии как исторической дисциплине интегрирующего содержания, которая не может развивать методику без широких междисциплинарных связей, не опираясь на собственную историю и опыт.

В 1959 г. под грифом кафедры археографии вышло учебное пособие А.А. Зимина «Методика издания древнерусских актов», в котором обобщался опыт, связанный с собиранием, изучением и публикацией исторических источников.

С конца 1960-х вплоть до начала 1980-х годов работал научный студенческий археографический кружок под руководством доцентов Т.В. Батаевой и Д.М. Эпштейн. Деятельности кружка способствовали основательные, длившиеся два месяца практические занятия по археографии. С.О. Шмидт, вводя понятия «полевой», «камеральной», «эдиционной» археографии, писал о несостоятельности попыток сокращения практических занятий по археографии [6].

В 1970-е годы в научной среде, в том числе и в МГИАИ, состоялась дискуссия по проблемам археографии, которая выявила терминологическую путаницу в определении ее предмета и объекта. Вместе с тем ряд вопросов – типология документальных изданий, уточнение и развитие правил публикации отдельных видов документов – получили благодаря дискуссии свое развитие.

В эти же годы на кафедре начинают работать преподаватели, читавшие лекции по различным направлениям археографии: Г.И. Королев – по истории и методике зарубежной археографии, Е.М. Добрушкин – по теоретическим проблемам публикаторской деятельности, В.В. Крылов – по истории эмигрантской публикаторской практики и археографии культуры.

Благодаря учебным пособиям Е.М. Добрушкина «История отечественной археографии: Современные проблемы и задачи изучения» (1989), «Основы археографии» (1992), Г.И. Королева «Археография» (1996), «Медиевистическая археография за рубежом. Труды XVI–XVIII веков» (2001), С.М. Каштанова «Актовая археография» (1998) продолжился поиск в области развития понятийного аппарата археографии, ее междисциплинарных связей. В их трудах освещались организация археографической работы в России и за рубежом, публикаторская деятельность русской эмиграции, исследовались связи археографии и научного книгоиздания, важнейшие принципы издания актовых источников на новом этапе исторического знания

В 1999 г. вышла в свет монография В.П. Козлова, посвященная истории отечественной археографии конца XVIII – первой четверти XIX в., в которой впервые проанализированы статус истории и археографии в указанный период, основные тенденции в теории, методике и практике собирания и введения в общественный оборот исторических источников, археографическая деятельность кружка А.И. Мусина-Пушкина, Румянцевского кружка и др. [7].

Кафедра археографии под руководством профессора А.Д. Степанского

Новый этап в становлении кафедры связан с именем профессора А.Д. Степанского (1934–2009), который возглавлял ее десять лет начиная с 1986 г. При нем был возрожден взгляд на археографию как на «универсальную науку», теснейшим образом связанную с источниковедением, историографией, научным книгоизданием, которая способна сблизить науки исторического и источниковед-

ческого цикла с архивными дисциплинами. Это побудило к широкому взгляду не только на отечественную, но и на зарубежную археографию, стимулировало интерес к эмигрантской археографической практике, современным археографическим центрам, хотя, надо признать, ряд тем был закрыт для исследователей вплоть до начала 1990-х годов.

В начале 2000-х годов В.П. Козлов стал инициатором дискуссии, посвященной определению предмета и объекта археографии, ее научному аппарату. Введение новых дефиниций, объединяющих археографические термины с некоторыми понятиями, применяемыми в психологии, безусловно, ставит вопрос о практической пользе и необходимости подобной дискуссии. Эти проблемы получили творческое развитие в монографиях и учебных пособиях В.П. Козлова, опубликованных им в XXI в. [8–11].

Продолжательницей сложившихся в Историко-архивном институте богатых научно-образовательных традиций, заложенных предшественниками, стала ученица А.Д. Степанского доцент О.А. Шашкова.

Еще в 2010 г. О.А. Шашковой были подготовлены учебно-методические комплексы дисциплин «История археографии XVI–XX вв.» и «Основы археографической культуры и научное книгоиздание», которые выросли из чтения ею лекционных курсов по истории публикаторской работы, а также истории археографической мысли в России и за рубежом. Для Историко-архивного института всегда было характерно внимание к истории развития научной мысли. Так, в 2012 г. вышел в свет первый в истории российского высшего образования учебник Т.И. Хорхординой по истории архивоведческой мысли [12]. В конце 2017 г. отечественная вузовская наука пополнилась монографией О.А. Шашковой по истории археографической мысли в России и за рубежом «...Дает язык немым вещественным памятникам». Очерки истории археографии XV – начала XX в.» [13].

В своей научно-образовательной деятельности О.А. Шашкова всегда стремится подготовить специалиста, видящего исторический процесс во всем его многообразии, способного грамотно опубликовать исторический памятник, издать современные документы, вовлекать в научный оборот источники различного вида, на различных носителях. Решение этой важной задачи в рамках РГГУ связано с развитием археографии в сторону обобщения накопленного опыта, сближения с научным книгоизданием, изучением нетипографских форм изданий

История археографии в освещении О.А. Шашковой

История археографии, представленная в монографии О.А. Шашковой, существенно дополняет общую картину формирования национальных научных традиций в области гуманитарного знания. Автор справедливо отмечает, что историческая наука постоянно предъявляет новые требования к археографической практике, правилам издания текстов, способствуя таким образом эволюции историографии и источниковедения.

Ныне, когда навыки публикаторской работы исчезают из «обихода» специалистов, издание будет, думается, востребованным многими.

Сегодня практика публикаторской работы рассредоточена по целому ряду историографических работ, учебников, давно ставших библиографической редкостью, отдельных статей. Именно поэтому предпринятое обращение О.А. Шашковой к подобным сюжетам – не только воссоздание уникальных страниц истории исторической науки, но и приобщение к творческой мысли и научной практике ряда известных историков. Ознакомление с этим опытом не только показывает историю создания правил публикации источников – за рубежом и в России, но и демонстрирует целый ряд проблем развития других сфер исторического знания. Изучение общих связей археографии с вспомогательными историческими дисциплинами, историографией, архивным делом имеет целью дать представление об историческом становлении правил публикации документов, представить своеобразных «европейских лидеров» в создании «канона» археографической публикации. В монографии показаны главные направления и итоги этого процесса, главное содержание которого, по мнению автора, состоит не только в том, чтобы «заговорила эпоха», но и в том, чтобы она «заговорила» так, как это «звучало в действительности».

Интегрирующая роль археографии представлена на многочисленных примерах, и автор не случайно называет археографию «праматерью исторических наук» и одновременно «барометром» их состояния.

Монография включает в себя методический раздел, связанный с практикой подготовки археографической публикации, а также разделы по истории археографической деятельности. О.А. Шашкова поставила важную цель: показать проблемы воспроизведения текстов в их историческом развитии и одновременно – основные вехи истории публикаторской деятельности в Западной Европе и

в России. Ценность любой публикации источника – это реконструкция события. Отсюда и вырастает важность знания методических аспектов, связанных с технологией публикации. Этот раздел монографии О.А. Шашковой содержит главы об истории термина «археография» на протяжении нескольких веков; об истории создания правил публикации средневековых источников в Западной Европе и в России; об «историографии археографии»; классификации публикаций, этапах и методике подготовки археографического издания. Поскольку некоторые методические пособия выходили почти полстолетия назад и с тех пор фактически недоступны для новых поколений историков, археографов, сотрудников публикаторских центров, наличие подобного раздела – большая удача.

В очерке развития публикаторской работы показаны процесс формирования правил издания исторических источников, а также тесная взаимосвязь возникших археографических центров с системой организации исторической науки.

Разграничивая книгоиздание и издание исторических источников (по преимуществу текстовых), автору удалось почти синхронно осветить публикаторскую работу в Западной Европе (с XV в.) и в России (с XVIII в.), что дало возможность сделать ряд важных выводов. Автор отмечает, что общность информационного пространства и ряда традиций в гуманитарной сфере Западной Европы и России была свойственна и публикаторской работе.

Хотя начало археографической практики не совпало во времени за рубежом и в нашей стране, ее эволюция имела близкие тенденции. С середины XV в., когда возникло книгопечатание, и до эпохи Великой революции в России наблюдается постепенное установление динамических связей историописания/историографии с публикаторской деятельностью, а также с общим развитием книжного дела. Хотя последний сюжет более полно освещен за период Нового времени, он, как справедливо отмечается в монографии, стал «чисто технической предпосылкой» распространения практики издания, в том числе и исторических источников.

Весьма интересны и важны наблюдения О.А. Шашковой, связанные с общим значением публикаторской практики в истории ряда европейских стран, в том числе и в России. Автор отразила не только «перекликающиеся» исторические проблемы, которые находили отражение в публикациях отечественных и зарубежных историков, но и их связь с общеисторическими событиями, ста-

новлением национальной государственности и формированием систем управления наукой, с историографией. В разное время инициатором такого содружества выступали либо историки, либо общественность, либо государство. Автор не замыкает археографию на методических проблемах, а показывает ее как «барометр состояния» исторического сообщества в целом.

Когнитивный подход позволил увидеть целый ряд важных закономерностей, совпадений и различий в развитии публикаторской практики и исторической науки в нашей стране и за рубежом. Отсюда логично следует вывод о непосредственной связи самых первых публикаторских центров с формированием системы управления исторической наукой, развитием историописания и впоследствии историографии, а также проблемами идеологического обеспечения власти путем издания документов, которые начинают серьезно заявлять о себе уже с XVIII в.

Автор проследила основные этапы генезиса термина «археография» и осмысления труда публикатора, представила в связи с этим общий очерк развития методических подходов к публикации текстов, охарактеризовала этапы «технологии» подготовки публикации, остановилась на существенных вехах истории развития публикаторской деятельности с момента возникновения и до начала XX века. В монографии рассмотрены дискуссии вокруг термина «археография» – от Франческо Робортелло, Жана Мабильона, Бернара де Монкофона до В.Н. Татищева, А.-Л. Шлецера, П.М. Строева, Л. фон Ранке, И.-Г. Дройзена, Э. Бернгейма и представителей Школы Анналов.

Заключение

Таким образом, исторический опыт археографии подчеркивает уникальность ее положения среди других дисциплин – она продолжает играть интегрирующую роль по отношению к наукам историографического характера и наукам архивоведческого цикла, непосредственно связанным с изучением источника. Издание О.А. Шашковой будет играть важную роль в формировании целостной личности историка, источниковеда, историографа и архивиста-документоведа, который обладает практически всеми навыками публикации как исторических источников, так и современных документов.

Это подразумевает овладение знаниями в области истории публикаторской деятельности и эволюции ее методики, умение

ориентироваться в современном археографическом фонде. Такой комплексный подход способствует формированию специалиста, не узко ориентированного на изучение методов передачи текста, а способного к работе с новыми проблемами в публикаторской сфере, к открытию «археографической целины». И в этом смысле указанные особенности делают книгу О.А. Шашковой чрезвычайно полезным и необходимым изданием как для историков исторической науки, так и для специалистов-практиков, активно занимающихся публикацией исторических текстов.

Литература

1. *Сергеев А.А.* Методология и техника публикации документов // Архивное дело. 1932. Вып. 1–2. С. 30–31.
2. *Сергеев А.А.* К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР // Архивное дело. 1935. Вып. 1 (3).
3. *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 110 с.
4. *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 1–12.
5. *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 535 с.
6. *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы развития советской археографии // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 132–141.
7. *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. 415 с.
8. *Козлов В.П.* Теоретические основы археографии. Новосибирск: Новый хронограф, 2003. 152 с.
9. *Козлов В.П.* Основы теоретической и прикладной археографии. М.: РОССПЭН, 2008. 246 с.
10. *Козлов В.П.* Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М.: Древлехранилище, 2013. 308 с.
11. *Козлов В.П.* Второе археографическое обозрение истории России XX века. М.: Древлехранилище, 2016. 288 с.
12. *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли: Учеб. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. 448 с.
13. *Шашкова О.А.* «...Дает язык немым вещественным памятникам». Очерки истории археографии XV – начала XX в.». М.: РОССПЭН, 2017. 479 с.

References

1. *Sergeev AA.* Methodology and Technique of Document Publishing. *Arkhivnoe delo.* 1932;1-2: 30-31. (In Russ.)
2. *Sergeev AA.* To the Issue of the Developing the Principles of Documents Publication by the USSR Central Archives Administration Documents Publication. *Arkhivnoe delo.* 1935;1(3). (In Russ.)
3. *Khorkhordina TI.* The Roots and the Tree Crown. The Portrait Traits of the Institute for History and Archives (1930–1991). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ.; 1997. 110 p. (In Russ.)
4. *Rozhdestenskiy SV.* A Historian – an Archaeographer – an Archivist. *Arkhivnoe delo.* 1923;1: 1-12. (In Russ.)
5. *Khorkhordina TI.* Russian Science about Archives: the History, the Theory, the People. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ.; 2003. 535 p. (In Russ.)
6. *Shmidt SO.* Some Issues Concerning the Development of Soviet Archaeography. V: Archaeographic Yearbook for 1978. Moscow, 1979. p. 132–141. (In Russ.)
7. *Kozlov VP.* Russian Archaeography of the End of the 18th – the First Quarter of the 19th Centuries. Moscow, 1999. 415 p. (In Russ.)
8. *Kozlov VP.* The Theoretical Basis of Archaeography. Novosibirsk: Novyi khronograf Publ.; 2003. 152 p. (In Russ.)
9. *Kozlov VP.* The Basis of Theoretical and Applied Archaeography. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2008. 246 p. (In Russ.)
10. *Kozlov VP.* Archaeographical Survey of Russia: 1991–2012. Moscow: Drevlekhranilishche Publ.; 2013. 308 p. (In Russ.)
11. *Kozlov VP.* The Second Archaeographical Survey of the Russian History of the 20th Century. Moscow: Drevlekhranilishche Publ.; 2016. 288 p. (In Russ.)
12. *Khorkhordina TI.* The History of Archival Thought. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ.; 2012. 448 p. (In Russ.)
13. *Shashkova OA.* “...It Makes the Mute Artefacts Speak”: Essays on the History of Archaeography of the 15th – the Beginning of the 20th Centuries. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. 479 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; ab-bezborodov@yandex.ru

Information about the author

Alexander B. Bezborodov, Doctor in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; ab-bezborodov@yandex.ru

Формирование проблемы Холокоста в американской историографии в 1945–1960-е годы

Мария В. Гилева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, redz.rey@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается формирование проблемы Холокоста на первом этапе его изучения в американской историографии. Автор с учетом послевоенного общественно-политического контекста США анализирует проблемы, с которыми столкнулось первое поколение исследователей Холокоста, к числу которых относится неполноценное представление о сущности Холокоста в американском общественном сознании в данный период. На основе как аутентичных публикаций, так и современных историографических исследований рассматриваются подходы к изучению и пониманию Холокоста в первых послевоенных научных работах и проектах по сбору документального наследия. Анализируется специфика влияния американского общественного мнения и политического контекста на работу первых историков Холокоста в США, а также основные достигнутые в историографии этого периода научные результаты в осмыслении трагедии европейских евреев. Несмотря на отсутствие государственного запрета в США на изучение «окончательного решения еврейского вопроса», существовали иные обстоятельства, препятствовавшие в тот период полноценному пониманию истинной сущности Холокоста. В то же время благодаря ряду академических исследований и проектов был сделан существенный вклад в изучение и документирование Холокоста.

Ключевые слова: Холокост, Вторая мировая война, США, историография, антисемитизм, массовое сознание, общественное мнение, документальное наследие

Для цитирования: Гилева М.В. Формирование проблемы Холокоста в американской историографии в 1945–1960-е годы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 123–132. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-123-132

Formation of the Holocaust Issue in American Historiography in 1945–1960s

Maria V. Gileva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, redz.rey@gmail.com*

Abstract. The article examines formation of the Holocaust as an issue in American historiography during the first period of its studying. Taking into account social and political context of the USA, the author analyzes problems, which the first generation of the Holocaust researchers faced. It includes inadequate understanding of the Holocaust nature in the American public consciousness in this period. On the basis of both authentic publications and contemporary historiographic studies, approaches to the study and understanding the Holocaust in the first post-war scientific research and documentary heritage collection projects are examined. The author makes a conclusion about the specific influence of the American public opinion and political context on the work of the first Holocaust historians in the United States, as well as the main scientific results obtained in the historiography of this period in understanding of the tragedy of European Jews. Despite the absence of the state prohibition of studying the Final Solution, there were some other circumstances opposed to a full understanding of the nature of the Holocaust then. At the same time due to a number of academic researches and projects a significant contribution to the study and documentation of the Holocaust was made.

Keywords: the Holocaust, World War II, USA, historiography, anti-Semitism, mass conscience, public opinion, documental heritage

For citation: Gileva MV. Formation of the Holocaust issue in American historiography in 1945–1960s. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):123-32. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-123-132

Введение

Тема Холокоста считается одной из самых документированных в новейшей истории [1 с. 26], однако на сегодняшний день актуальность ее изучения продолжает порождать многочисленные ожесточенные споры. Существует мнение, что «в обществе отношение к Холокосту является одним из критериев оценки уровня толерантности и гуманизма» [2 с. 45], и это обуславливает не только интерес к данной проблеме в академической среде, но и за ее пределами.

С конца 1990-х годов звучит идея «американизации памяти о Холокосте» [3–5], что означает постепенную трансформацию проблемы Холокоста как исключительно эпизода «эмигрантской истории» в антипод американских ценностных установок [6]. В США мемориализация Холокоста помогла легитимировать болезненные темы рабства и депопуляции индейцев: создание в центре Вашингтона музея Холокоста повлекло за собой создание Национального музея афроамериканской истории и культуры и Национального музея американских индейцев.

Представляется актуальным проследить, как начинался путь осмысления Холокоста в американской историографии – наиболее плодovitого представителя самой сильной лингвокультурной (англоязычной) области изучения Холокоста [7 с. 398].

Общественно-политический контекст изучения Холокоста в 1945–1960-е годы

В 1948 г. пять художественных книг [8] о Второй мировой войне попали в шорт-лист бестселлеров по версии газеты *The New York Times*. Главными героями во всех книгах были солдаты-евреи, а в тех из них, где основные события происходили в Европе, тема Холокоста по сути была центральной [4 с. 31]. Существовали в конце 1940–1950-х годов и популярные фильмы, затрагивающие проблему антисемитизма – актуальную не только по причине разгрома гитлеровской Германии, но во многом переосмысленную после освобождения войсками союзников нацистских лагерей смерти.

Однако до начала 1960-х годов идея ответственности евреев, по крайней мере частичной, в собственном уничтожении была прочно закреплена в сознании многих американцев [4 с. 24]. Эта идея порождала недоверие обывателей к пережившим Холокост и их историям, что, в свою очередь, заставляло скрывать подобный опыт.

Кроме того, один из трендов, сопровождавших долгое время замалчивание Холокоста в США, заключался в том, что буквально сразу после войны появилось так называемое ревизионизма, наиболее тесно связанное с историками Чарльзом Бирдом, Гарри Барнсом и Уильямом Чемберлином. Один из их постулатов заключался в том, что решение Америки вступить в войну было ошибкой, которая позволила Сталину развернуть ужасающие преступления и неограниченно усилила послевоенное влияние СССР

в Восточной Европе. Эти аргументы были попыткой придать Гитлеру и нацизму «человеческое лицо» и сравнить их преступления с ответными действиями союзников. Неизменно они натыкались на проблему уничтожения евреев, аналога которой не находилось, поэтому удобнее было игнорировать Холокост.

Другим препятствием была общественно-политическая обстановка 1950-х годов, хорошо иллюстрируемая примером издания дневника Анны Франк (1952), постановкой одноименной пьесы на Бродвее (1955) и голливудской экранизацией (1959). Сценарий был адаптирован для американской публики: скрывался факт еврейской принадлежности главных героев и причины их нахождения в тайном убежище. Этот период совпадает с первыми попытками борьбы против расовой дискриминации в США, и основные акценты расставлены вокруг личных переживаний девочки и несправедливости преследования невинных. Кроме того, содержался важный для эпохи маккартизма политический посыл – об опасности «информантов», которые могут предрешисть судьбу, подобному тому, как предатель из убежища Франков обрек практически всю их семью на уничтожение.

Эти акценты способствовали, с одной стороны, огромной популярности постановки и экранизации в США, но с другой – фактическому замалчиванию сущности Холокоста.

Первые двадцать лет после окончания Второй мировой войны в американских университетах и школах еще не изучался Холокост, сравнительно мало велось исследований на эту тему. Показательна в связи с этим судьба Рауля Хилберга (1926–2007), американского политолога и историка, виднейшего историографа Холокоста, создавшего несколько прорывных исследований по этой теме.

В начале 1950-х годов он выбрал в качестве темы своей докторской диссертации «окончательное решение» и получил предупреждение от научного руководителя, профессора Колумбийского университета Франца Ноймана – известного историка, автора одного из первых комплексных исследований о национал-социализме [9]. Нойман предостерег Хилберга, что если тот возьмется за тему уничтожения евреев, то отделит себя от «мейнстрима академических исследований» и вступит в воды, которых старательно избегают как в академических кругах, так и в обществе. Когда же Нойман понял, что Хилберг все-таки принял решение заниматься этой темой, он напутствовал его довольно мрачной, с учетом специфики темы, фразой: «Это Ваши похороны» [4 с. 18].

Первые исследования о Холокосте в США

Первые академические попытки объяснить «окончательное решение еврейского вопроса» во многом сводились к личному антисемитизму Гитлера, его приверженцев в партийном и государственном аппарате, а также многих рядовых членов немецкого общества того времени. Иной подход представил американский исследователь Джозеф Тененбаум [10]. Центральным понятием его концепции стала раса как категория, вокруг которой выстраивалась вся логика нацистов. Это была одна из первых попыток антропологического подхода к изучению Холокоста, во многом перекликающегося с логикой предшествующих объяснений.

Сразу после окончания войны рядом активистов был начат сбор свидетельств у выживших, а также документов, относящихся к Холокосту. Так, созданный в 1925 г., а с 1940 г. базировавшийся в Нью-Йорке научно-исследовательский институт YIVO стал первой в США организацией, начавшей в 1945 г. сбор документов по истории Холокоста. На сегодняшний день YIVO является крупнейшим в Северной Америке репозиторием, содержащим оригинальные документы по этой теме [11].

В 1949 г. организация «Conference on Jewish Relations» провела в Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк) конференцию, посвященную проблемам методик сбора и изучения свидетельств по истории Холокоста [12 с. 119]. В ней приняли участие такие известные специалисты, как профессор Сало Барон (один из основателей организации), Ханна Арендт, Филип Фридман и многие другие. В 1950 г. один из ведущих журналов по еврейской истории и культуре *Jewish Social Studies* полностью посвятил январский выпуск этой конференции – в нем были опубликованы все ключевые доклады.

Отдельного внимания заслуживает деятельность и научное наследие рожденного в г. Львове историка Филипа Фридмана, оставившего большой след в изучении и документировании Холокоста. В статье, посвященной Фридману, известная исследовательница Люси Давидович пишет: «Фридман основал первую Еврейскую историческую комиссию в Люблине, которая в конечном итоге стала Еврейским историческим институтом в Польше. <...> В Германии он побуждал выживших формировать исторические общества, он поручил им собирать и публиковать записи о страшных событиях, которые они пережили» [13]. Список заслуг этого историка велик, к их числу относится тот факт, что он стал одним из первых исследователей (если не первым),

понявшим разницу между оккупационной политикой нацистов и Холокостом.

Фактически Фридмана можно считать основателем «исследовательского поля Холокоста» в США [4 с. 15], предложившим новые методики и подходы к изучению этой темы. В частности, одним из первых он оспорил тезис о пассивности евреев перед натиском нацистской машины уничтожения, призвав к сопоставлению реакций евреев и неевреев на преследования [14].

К 1961 г. на основе своего диссертационного исследования Ральф Хилберг подготовил книгу «Деструкция европейского еврейства» [15]. Это был существенный прорыв в изучении Холокоста: впервые объяснение причин и масштабов нацистской политики уничтожения (в терминологии Хилберга – «деструкции») евреев было представлено организационно-административной формой нацистской бюрократии, а не просто следствием агрессивного антисемитизма офицеров СС и верхушки НСДАП.

Однако в книге присутствовал знакомый пассаж о том, что евреи участвовали в собственном уничтожении, из-за которого израильский мемориальный комплекс и один из ведущих в мире институтов изучения Холокоста «Яд Вашем» отказался публиковать книгу. Книга вышла непосредственно в начале известных судебных процессов над А. Эйхманом в Иерусалиме, и ею заинтересовались многие влиятельные журналисты. Но именно тезис о «несопротивлении», хотя он и занимал в книге совсем небольшое место, был более всего раздут в рецензиях.

Другой особенностью книги были использованные источники. Хилберг опирался на немецкую бюрократическую документацию, что хорошо иллюстрирует отношение к источникам в тот период (интересно, что впоследствии именно Хилберг станет автором монографии, в которой впервые в зарубежной историографии будет дана «развернутая характеристика основных видов источников о Холокосте и приемов их научного исследования» [16 с. 134]). Мемуары и дневники считались «недостаточным» свидетельством, а документы – «объективным доказательством». Однако ход процесса над Эйхманом нанес серьезный урон подобным представлениям.

Если Нюрнбергский процесс представлял собой «триумф письменных доказательств над устными» (на русском языке материалы были опубликованы в 8 томах, на английском – в 49), то процесс над Эйхманом, где дали показания более 100 человек и который широко освещался СМИ, явил собой «триумф» устных личных свидетельств [4 с. 47].

По мнению историка Д. Михмана, 1960-е годы не отмечены значительными обобщающими исследованиями по теме Холокоста, за исключением книги Норы Левин [7 с. 23]. В свою очередь, можно отметить ряд специальных исследований этого периода, которые напрямую не были посвящены теме Холокоста, но косвенно способствовали развитию представлений о нем. Это исследования Александра Даллина, Соломона Шварца, Гельмута Краусника, Мартина Брошата, Ханс-Адольфа Якобсена и других, в фокусе внимания которых оказались национал-социализм как система и нацистский режим на оккупированных территориях. Все эти исследования в той или иной мере способствовали выходу изучения Холокоста на новый уровень.

Заключение

В период 1945–1960-х годов, на первом этапе изучения, тема Холокоста оказалась прочно интегрированной в общий контекст Второй мировой войны. В США отсутствовал государственный запрет на изучение «окончательного решения еврейского вопроса», однако некоторые особенности восприятия обществом и «подачи» этой темы в СМИ, массовой культуре и даже в некоторых исторических исследованиях чаще всего препятствовали полноценному пониманию того, чем был Холокост на самом деле. В некоторых случаях попытки осмыслить Холокост заводили в некие «идеологические тупики», которые оказывалось проще обходить молчанием.

В историографии на сегодняшний день продолжается дискуссия о том, много или мало было сделано в этот период – важный из-за хронологической близости к самому событию – для изучения судьбы европейского еврейства в условиях нацистского режима. Об этом свидетельствует ряд исследований последних лет, в которых вновь поднимаются на поверхность многие аутентичные публикации, привлекается внимание к документальным проектам той эпохи. Безусловно, еще одной отличительной чертой является тот факт, что в роли исследователей в то время чаще всего выступали либо те, кто пережил Холокост лично (Филип Фридман, Рауль Хилберг и другие), либо его современники и свидетели (Джозеф Тененбаум, Сало Барон и др.).

Эту первую волну исследователей в историографии, как правило, принято относить к так называемым интенционалистам – сторонникам идеи наличия у Гитлера изначального плана уничтожения евреев, которому он подчинил основы своей внутренней

и внешней политики. Во многом их объяснение истоков и причин Холокоста состоит в глубоко укорененном антисемитизме как партийной верхушки НСДАП, так и рядовых немцев в тот период.

С появлением исследования Рауля Хилберга принято выделять исследователей-«функционалистов», чьи объяснения Холокоста сводятся к сущности бюрократической системы национал-социализма, при которой реальная инициатива к физическому уничтожению евреев была проявлена низшими элементами системы.

Впоследствии оба эти направления были не раз пересмотрены и подвергнуты справедливой критике, однако немаловажным остается то обстоятельство, что все возрастающий с течением времени интерес к Холокосту во многом связан с плюрализмом предложенных ему объяснений, каждое из которых затрагивает глубокие проблемы и основы функционирования современных обществ. Начало этому плюрализму было, бесспорно, положено первой волной исследователей Холокоста.

Литература

1. *Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост», 2002. 320 с.
2. *Пасман Т.Б.* История Холокоста в образовательных программах и учебниках России // Формирование культурной памяти при изучении событий Второй мировой и Великой Отечественной войн: феномен Холокоста. Материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием. Саратов, 12 февраля 2014 г. / Под ред. И.М. Ильковской. Саратов: Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2014. С. 45–53.
3. *Novick P.* The Holocaust in American Life. New York; Boston: Houghton Mifflin Company, 1999. 373 p.
4. *Lipstadt D.E.* Holocaust. An American Understanding. New Brunswick; New Jersey; London: Rutgers University Press, 2016. 204 p.
5. The Americanization of the Holocaust / Н. Flanzbaum (ed.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999. 261 p.
6. Excerpt from interview with Professor James E. Young, English and Judaic Studies at the University of Massachusetts at Amherst. Jerusalem: Yad Vashem, May 24, 1998. URL: http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203879.pdf (дата обращения: 03.02.2018)
7. *Михман Д.* Историография Катастрофы. Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. Днепропетровск:

Центральный Украинский Фонд истории Холокоста «Ткума»: ООО Независимая издательская организация «Дива», 2005. 446 с.

8. Norman Mailer's *The Naked and the Dead*; Irwin Shaw's *The Young Lions*; Ira Wolfert's *An Act of Love*; Merle Miller's *That Winter*; Stefan Heym's *The Crusaders*.
9. *Neumann F.L.* Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism. London: Victor Gollanz LTD, 1943. 429 p.
10. *Tenenbaum J.* Race and Reich. New York: Twayne Publishers, 1956. 554 p.
11. Holocaust Archive. URL: <https://www.yivo.org/Holocaust-Archive> (дата обращения: 11.02.2018)
12. *Diner H.R.* We Remember with Reverence and Love. American Jews and the Myth of Silence after the Conference. New York; London: New York University Press, 2009. 529 p.
13. *Davidowicz L.* Holocaust Historian // The New York Times. 1981. Jan. 11.
14. *Friedman F.* Their Brothers' Keepers. New York: Crown Publishers, Inc., 1957. 224 p.
15. *Hilberg R.* Destruction of the European Jewry. New York; London: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1961. 390 p.
16. *Альтман И.А.* Фотодокументы как исторический источник о Холокосте на территории СССР (к постановке проблемы) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 4. С. 132–145.

References

1. *Altman IA.* Holocaust and Jewish resistance in the occupied territory of the USSR. Textbook for students of the universities. Moscow: Fond "Kholokost" Publ.; 2002. 320 p. (In Russ.)
2. *Pasman TB.* History of the Holocaust in Russian educational programs and textbooks / IM. Ilkovskaya, ed. V: Formation of cultural memory during studying the World War II and the Great Patriotic War: the phenomenon of the Holocaust. Materials of the interregional scientific and practical seminar with international participation. Saratov, February 12, 2014. Saratov: Saratovskii institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya Publ.; 2014:45-53. (In Russ.)
3. *Novick P.* The Holocaust in American Life. New York; Boston: Houghton Mifflin Company, 1999. 373 p.
4. *Lipstadt DE.* Holocaust. An American Understanding. New Brunswick; New Jersey; London: Rutgers University Press, 2016. 204 p.
5. Flanzbaum H., editor. The Americanization of the Holocaust. Baltimore: John Hopkins University Press, 1999. 261 p.
6. Excerpt from interview with Professor James E. Young, English and Judaic Studies at the University of Massachusetts at Amherst. Jerusalem: Yad Vashem, May 24, 1998. [data obrashcheniya 3 feb. 2018]. URL: http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203879.pdf
7. *Mikhman D.* Historiography of the Catastrophe. The Jewish View: Conceptualization, Terminology, Approaches and Fundamental Questions. Dnipropetrovsk: Tsentral'nyi Ukrainskii Fond istorii Kholokosta "Tkuma", ООО Nezavisimaya izdatel'skaya organizatsiya "Diva" Publ.; 2005. 446 p.

8. Norman Mailer's *The Naked and the Dead*; Irwin Shaw's *The Young Lions*; Ira Wolfert's *An Act of Love*; Merle Miller's *That Winter*; Stefan Heym's *The Crusaders*.
9. *Neumann FL*. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism. London: Victor Gollanz LTD, 1943. 429 p.
10. *Tenenbaum J*. Race and Reich. New York: Twayne Publishers, 1956. 211 p.
11. Holocaust Archive. URL: <https://www.yivo.org/Holocaust-Archive> (data obrashcheniya 11 feb. 2018)
12. *Diner HR*. We Remember with Reverence and Love. American Jews and the Myth of Silence after the Conference. New York; London: New York University Press, 2009. 529 p.
13. *Dawidowicz L*. Holocaust Historian. *The New York Times*. 1981 Jan. 11.
14. *Friedman F*. Their Brothers' Keepers. New York: Crown Publishers, Inc., 1957. 224 p.
15. *Hilberg R*. Destruction of the European Jewry. New York; London: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1961. 390 p.
16. *Altman IA*. Photo documents as a historical source about the Holocaust in the territory of the USSR (toward the formulation of an issue). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 2016;4:132-45.

Информация об авторе

Мария В. Гилева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; redz.rey@gmail.com

Information about the author

Maria V. Gileva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; redz.rey@gmail.com

Генерал М.В. Алексеев
и его стратегия борьбы с большевизмом
в освещении научно-популярной
биографической литературы 1990–2010-х годов

Алексей Ф. Лукшин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kinotan45@yandex.ru*

Аннотация. В статье впервые в российской историографии анализируются научно-популярные биографические работы о генерале М.В. Алексееве, которые были опубликованы в России в 1990–2010-х годах. Рассматривается биографическое изучение участия генерала М.В. Алексеева в формировании Добровольческой армии и создании антибольшевистской государственности на юге России в период с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. Основное внимание уделяется взглядам генерала М.В. Алексеева на стратегию борьбы против большевистской власти. Рассматривается исследование российскими историками экономических, политических и военных аспектов стратегических взглядов и планов генерала М.В. Алексеева. Проводится сравнительный анализ современных подходов к изучению стратегических взглядов генерала М.В. Алексеева на борьбу с большевистской властью. Для сравнительного анализа автор статьи выбрал научно-популярные работы историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова, поскольку в этих работах участие генерала М.В. Алексеева в Белом движении на юге России рассматривается наиболее подробно. Сделан вывод, что С.В. Карпенко первостепенное внимание уделил экономическому аспекту стратегических планов М.В. Алексеева, в то время как В.Ж. Цветков основное внимание уделил анализу политического аспекта стратегии М.В. Алексеева.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, государственное строительство, экономическая политика, М.В. Алексеев, историография, биографика

Для цитирования: Лукшин А.Ф. Генерал М.В. Алексеев и его стратегия борьбы с большевизмом в освещении научно-популярной биографической литературы 1990–2010-х годов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 133–145. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-133-145

General Mikhail V. Alekseev
and his Strategy for the Struggle
Against Bolshevism in the Coverage
of Popular Scientific Biographies of 1990–2010s

Aleksey F. Lukshin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kinoman45@yandex.ru*

Abstract. For the first time in Russian historiography the article analyzes the popular scientific biographical works about General M.V. Alekseev, which were published in Russia in the 1990s–2010s. The article discusses the biographical study of General M.V. Alekseev participation in the Volunteer Army formation and creation of the anti-Bolshevik statehood in the South of Russia in a period from November 1917 to September 1918. The article pays main attention to General M.V. Alekseev views on the struggle against the Bolshevik power strategy. The article considers a study of economic, political and military aspects of General M.V. Alekseev's strategic views and plans by Russian historians. There is a comparative analysis of nowadays approaches to studying his look upon the struggle against Bolshevik power. For comparative analysis the author of the article chose historians S.V. Karpenko's and V.J. Tsvetkov's popular scientific works, because in those works General M.V. Alekseev's participation in the White movement in South Russia is examined in details best of all. As a result of the study it was concluded that S.V. Karpenko gave priority to economic aspects of M.V. Alekseev's strategic plans, whereas V.Zh. Tsvetkov, on the contrary, pays primary attention to the political aspects of M.V. Alekseev's strategy.

Keywords: Russian Civil War, White movement, Volunteer Army, state building, economic policy, Mikhail V. Alekseev, historiography, biography studies

For citation: Lukshin AF. General Mikhail V. Alekseev and his Strategy for the Struggle Against Bolshevism in the Coverage of Popular Scientific Biographies of 1990–2010s. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):133-45. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-133-145

Введение

Более двух десятилетий изучения российскими историками в постсоветскую эпоху истории Белого движения в годы Гражданской войны ясно показали, что наибольший интерес как у самих исследователей, так и у читателей, основную массу которых составляют любители прошлого нашей страны, вызывают биографии военно-политических руководителей Белого движения, их субъективные взгляды, их конкретные дела и объективные результаты их деятельности. Активное изучение Белого движения в биографическом плане привело к написанию историками и выпуску в свет различными издательствами самых разнообразных биографических трудов: словарей-справочников, журнальных очерков, научных и научно-популярных жизнеописаний книжного формата и даже исторических романов-хроник.

Настоящая статья посвящена анализу научно-популярных биографических изданий о генерале М.В. Алексееве, которые были написаны российскими историками и опубликованы в России в 1990–2010-х годах.

Наш выбор именно этого вождя Белого движения в качестве примера во многом объясняется тем обстоятельством, что он стал фактически основателем Добровольческой армии и Белого движения на юге России, хотя ему посвящено наименьшее число работ. С другой стороны, нами выбран для анализа один из важнейших аспектов участия генерала М.В. Алексеева в создании Белого движения на юге России: разработка им стратегии борьбы с большевизмом на начальном этапе Гражданской войны.

В стратегических взглядах генерала М.В. Алексеева можно выделить шесть существенных вопросов, которые являлись наиболее важными и решающими для судьбы Белого движения на юге России в период с ноября 1917 по сентябрь 1918 г. Эти вопросы в той или иной мере рассматриваются всеми биографами генерала М.В. Алексеева при изложении его стратегических взглядов и планов. Первый: строительство антибольшевистской государственности, которая была призвана стать основой для воссоздания России. Второй: создание экономического фундамента антибольшевистской государственности. Третий: экономическая победа над большевизмом как фактор идеологической, политической и военной победы. Четвертый: экономическое состояние тыла как фактор, влияющий на выбор военной стратегии. Пятый: значимость и цена финансовой и материальной помощи Белому движению со стороны союзников по Антанте. Шестой: направ-

ление наступательной операции Добровольческой армии летом 1918 г.

В настоящей статье использованы некоторые фрагменты нашего доклада, сделанного на Всероссийской научной конференции «Война и революция: социальные процессы и катастрофы» (Москва, 19–20 мая 2016 г.), материалы которой в виде печатного сборника изданы не были [1].

Литература 1990-х годов

Первым изданием, составленным из биографических очерков о руководителях Белого движения, стал сборник «Белые генералы», выпущенный в свет в 1998 г. в Ростове-на-Дону. Очерк о генерале М.В. Алексееве в этом первом сборнике отсутствует, но историк А.В. Венков уделил некоторое внимание его личности и деятельности в своем очерке о генерале А.И. Деникине. Он не стал углубляться в сложные отношения между генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым, хотя это дало бы ему возможность раскрыть примиряющую роль генерала А.И. Деникина, который много сделал для того, чтобы улаживать конфликты между двумя первыми вождями Добровольческой армии. С другой стороны, А.В. Венков несколько раз кратко охарактеризовал взгляды генерала М.В. Алексеева в области политики, государственного строительства и военной стратегии, сопоставляя их со взглядами генерала А.И. Деникина [2].

Тогда же, во второй половине 1990-х годов, историк В.Г. Бортневский начал писать книгу о Белом движении на юге России, работу над которой ему не довелось завершить. В 1999 г. были изданы «Избранные труды» В.Г. Бортневского, и в этот сборник были включены «главы из неоконченной книги», которую составители назвали «Белое движение в годы Гражданской войны в России». Для этих глав характерны два момента. Первый: текст по стилю является научно-популярным. Второй: большое внимание уделяется судьбам и личностям вождей Белого движения, их взглядам на политику и стратегию. Генерал М.В. Алексеев показан автором как твердый сторонник военной диктатуры. Вместе с тем он отличался от прямолинейного генерала А.И. Деникина, «сугубо военного человека», способностью к более гибкой политике и в вопросе непредреждения будущего государственного устройства России, и в отношении казачьих государственных образований Дона и Кубани, и по отношению к Германии и присутствию ее войск на территории Украинского гетманства и Донской области [3].

При этом В.Г. Бортневский обратил внимание на сложные личные взаимоотношения между первыми вождями Белого движения на юге России. По его оценке, генералы М.В. Алексеев и А.И. Деникин после гибели генерала Л.Г. Корнилова не допускали между собой никаких конфликтов, как это случалось прежде между генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым. Они щепетильно соблюдали разделение властных полномочий между ними, а это, несмотря на разницу в их взглядах, позволило им лучше решать стратегические и политические вопросы, чем это было при генерале Л.Г. Корнилове [3 с. 352, 353].

Литература 2000-х годов

В 2000 г. в самом первом номере созданного в РГГУ журнала «Новый исторический вестник» был опубликован большой научно-популярный очерк С.В. Карпенко о формировании и первых месяцах борьбы Добровольческой армии. Помимо яркого и живого стиля изложения, эта работа отличалась от предшествующих публикаций тем, что автор стремился показать историю Белого движения на юге России через судьбы и личности его вождей, а также через их взаимоотношения. И поэтому он большое внимание уделил, во-первых, политическим, экономическим и стратегическим взглядам генерала М.В. Алексеева, а во-вторых – его конфликтным отношениям с генералом Л.Г. Корниловым, первым командующим Добровольческой армии [4].

Этот очерк, дополнив его, С.В. Карпенко включил в первое издание своей книги «Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.)», которое вышло в 2003 г. [5].

Основываясь на сохранившихся материалах самого генерала М.В. Алексеева, историк пришел к заключению, что стратегический план борьбы с большевистской властью, который он начал разрабатывать сразу после октября 1917 г., состоял в создании на юге России государственного образования, способного силой оружия уничтожить власть Советов. Зачаток такого антибольшевистского государственного образования генерал М.В. Алексеев увидел в Юго-Восточном союзе казачьих областей: на его взгляд, этот союз, основу которого составляли Донское, Кубанское и Терское казачьи войска, имел и «суверенное правительство», и «права самостоятельного государства», и «благоприятное территориальное положение». При этом он считал, что главная экономическая задача союза – «изоляция от финансовой разрухи России», создание

устойчивой, не подверженной инфляции финансовой системы. Главную социальную задачу он видел в том, чтобы «привлечь на свою сторону местное крестьянское население», а главную политическую – в том, чтобы «создать прочное государство». Таким образом, как показал С.В. Карпенко, в стратегических взглядах генерала М.В. Алексева экономические, социальные и политические задачи были взаимосвязаны [5 с. 6–8].

При этом генерал М.В. Алексеев дальновидно стремился избежать ситуации, при которой тяжесть содержания антибольшевистской армии, т. е. ее финансирования и снабжения в условиях проведения боевых операций, подрывет экономику казачьих областей, и без того пораженную общероссийским кризисом. Поэтому одновременно с формированием армии он планировал сделать все возможное для экономического возрождения территории Юго-Восточного союза, прежде всего – развития промышленности. Без этого, по его мнению, рассчитывать на его превращение в базу антибольшевистского движения не приходилось. По заключению С.В. Карпенко, за годы Первой мировой войны, когда генерал М.В. Алексеев, возглавляя Штаб верховного главнокомандующего, распоряжался огромными людскими, материальными и финансовыми ресурсами, он научился соизмерять потребности воюющей армии с экономическими возможностями страны. И потому он считал, что важно сохранять баланс между снабжением армии и обеспечением устойчивости экономики в тылу. Он понимал, что очень опасно разорять тыл ради фронта, ибо это неминуемо приведет к экономической катастрофе, вспышке недовольства населения, росту большевизма и в конечном итоге не позволит создать многочисленную боеспособную армию. Иными словами, в конце 1917 г. генерал М.В. Алексеев хорошо понимал важность экономической победы над большевизмом, без которой невозможно создать условия для военной победы над ним [5 с. 8–9].

В том же 2003 г. в серии «Белое движение» вышел в свет первый том сборника научно-популярных биографических очерков о вождях и военачальниках Белого движения под названием «Исторические портреты», в который были включены очерки об участниках антибольшевистской борьбы на юге России. Вторым по порядку расположения в томе стоит очерк о генерале М.В. Алексееве, написанный составителем сборника А.С. Кручининим. Названный формально и официально «Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев», он представляет собой сугубо научный текст, мало похожий по стилю на научно-популярный. Однако читается он с интересом, потому что автор сумел показать личностные особенности генерала

М.В. Алексеева, его переживания и размышления в самые тяжелые моменты его жизни и деятельности [6].

А.В. Кручинин кратко охарактеризовал планы генерала М.В. Алексеева по созданию в казачьих областях базы вооруженной борьбы против большевиков, оценив их как «неопределенные» и не соответствующие реальной обстановке. Историк не стал писать о конфликтах генерала М.В. Алексеева с генералом Л.Г. Корниловым, но охарактеризовал его разногласия по политическим и стратегическим вопросам с генералом А.И. Деникиным. Так, он отметил, что генерал М.В. Алексеев, отчасти по личным причинам, считал, в отличие от генерала А.И. Деникина, занятие Добровольческой армией Кубани «частной задачей», а главной – выход к Волге и объединение с другими антибольшевистскими силами [6 с. 94, 95, 104–106].

В 2009 г. вышла большая по объему научно-популярная книга С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута». По сути, автор попытался методом «коллективной биографии» создать групповой портрет и групповое жизнеописание белых вождей юга России как правителей в экономической области, а также в области политики и стратегии. Главное внимание он уделил, во-первых, тому, как военно-политические руководители Белого движения на юге России оценивали кризисные явления в хозяйственной жизни, во-вторых, какими мерами старались одолеть экономический кризис и мобилизовать необходимые финансовые и материальные ресурсы для ведения войны против большевиков, и, в-третьих, как экономика влияла на их политику и стратегию [7].

С.В. Карпенко проанализировал экономические взгляды и деятельность генерала М.В. Алексеева в финансово-хозяйственной области. И пришел к выводу, что из всех руководителей Белого движения на юге России только генерал М.В. Алексеев осознавал огромное значение экономики и экономической политики в Гражданской войне как фактора, который влияет на стратегию и от которого во многом зависит военная, политическая и идеологическая победа над большевистским государством [7 с. 20, 21].

В частности, генерал М.В. Алексеев, как показывает в своей книге С.В. Карпенко, планировал создать устойчивую, не подверженную инфляции финансовую систему и пополнять бюджет Добровольческой армии за счет «выпуска государственного займа» и получения иностранного кредита под обеспечение «богатствами природы» и «ценностями». То есть в своих стратегических планах он делал серьезную ставку на получение от союзников по Антанте больших денежных кредитов, а не на поставку различных материалов.

При этом он не мог не понимать, что освобожденная от большевиков Россия окажется в еще большей экономической зависимости от своих союзников. Очевидно, он был уверен, что Россия в будущем за счет своих природных богатств, а также за счет восстановления сельскохозяйственного и промышленного производства сумеет рассчитаться со своими западными кредиторами [7 с. 20, 21, 48–51].

В начале лета 1918 г., когда Добровольческая армия уже превратилась в серьезную боевую силу и когда решался вопрос о том, в каком направлении вести наступательную операцию, генерал М.В. Алексеев тщательно рассчитал выгоды и опасности возможных направлений. Как считает С.В. Карпенко, в конце весны 1918 г. близкое присутствие германских войск, оккупировавших часть Донской области, сепаратизм нового атамана Войска Донского генерала П.Н. Краснова и отсутствие собственной базы предельно сужали для нового командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина выбор стратегии, сводя его к выбору между походом на Царицын и походом на Екатеринодар.

Генерал А.И. Деникин опасался, что движением к Царицыну армия сама себя загонит в ловушку: с севера и юга ей будет угрожать Красная армия, с запада – германские дивизии, с востока путь преградит Волга. И если немцы вынудят атамана П.Н. Краснова соблюсти «нейтралитет», то они без особого труда сбросят Добровольческую армию в Волгу. Но даже если она возьмет Царицын, то из-за своей малочисленности не сможет пробиться к Саратову, но при этом оставит большевикам и германцам весь казачий юго-восток России, богатый зерном, продовольствием, лошадьми, повозками, а также людскими ресурсами отменного боевого качества (казачи и горские народы). А генерал М.В. Алексеев, «верховный руководитель» армии, крайне разочарованный результатами 1-го Кубанского похода и страшным безденежьем, считал «невозможным и бесцельным» повторение похода на Кубань. При этом и выход к Волге поначалу не казался ему лучшим вариантом: поход на Царицын и далее на Саратов он считал «непосильным предприятием» для армии. Однако уже в июне 1918 г. генерал М.В. Алексеев стал склоняться к волжскому направлению: его воодушевили сведения о победах Чехословацкого корпуса и намерении Антанты воссоздать на Волге фронт против Германии, а также надежды на то, что в составе этого нового Восточного фронта армию начнут финансировать и снабжать страны Антанты [7 с. 116–118, 122, 123, 126, 127].

С.В. Карпенко раскрывает колебания генерала М.В. Алексева в вопросе выбора стратегического направления через призму его личных и служебных отношений с генералом А.И. Деникиным,

который и сам понимал стратегическое значение Царицына, но считал, что в тот момент важнее сначала занять Кубань, Ставропольскую и Черноморскую губернии. И только потом выходить на Волгу, опираясь на свою собственную, Северокавказскую, базу. И генерал М.В. Алексеев, хотя он все больше разочаровывался в кубанских правителях, в конце концов с ним согласился, поскольку в течение лета убедился в отсутствии у союзников по Антанте серьезных намерений направить свои войска в Россию для воссоздания на Волге Восточного фронта [7 с. 126, 127, 139–142].

Литература 2010-х годов

В 2012 г. в журнале «Вопросы истории» был опубликован биографический очерк о генерале М.В. Алексееве, написанный известным историком Белого движения В.Ж. Цветковым. В этом очерке проявились главные достоинства, которые характерны для биографических работ В.Ж. Цветкова: системность в анализе исторических обстоятельств и условий, в которых пришлось действовать его героям, и взвешенность в оценках личностных качеств деятелей прошлого. Стратегические взгляды генерала М.В. Алексева историк раскрыл через изложение, во-первых, его планов превратить Юго-Восточный союз в оазис экономической и политической стабильности, который стал бы надежным тылом антибольшевистской армии, во-вторых, его деятельности по созданию аппарата управления при командовании Добровольческой армии, который имел бы «общегосударственный» масштаб, и, в-третьих, его надежд на возрождение на Волге Восточного фронта при участии держав Антанты [8].

Спустя два года была опубликована объемная биография генерала М.В. Алексева, написанная В.Ж. Цветковым [9].

В отличие от книги С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута» в ней гораздо меньше внимания уделено экономическим вопросам и взглядам генерала М.В. Алексева на стратегическое значение экономики в Гражданской войне. Но зато В.Ж. Цветков гораздо более обстоятельно раскрыл его деятельность по «созданию системы управления на белом Юге», его роль в строительстве государственного аппарата при Добровольческой армии. Значительно более подробно, чем С.В. Карпенко, он разобрал планы и практические меры генерала М.В. Алексева по созданию военных и политических структур Добровольческой армии, показав, что именно строительство антибольшевистской государственности на

юге России основатель армии считал важнейшим, решающим шагом к спасению России [9 с. 383–389, 477–499].

В.Ж. Цветков вписал деятельность генерала М.В. Алексеева в 1918 г. в широкий исторический контекст, и поэтому ему удалось удачно связать воедино его политическую и военную стратегию. В частности, историк подробно и всесторонне рассмотрел восприятие генералом М.В. Алексеевым присутствия немецких войск на территории Украинского гетманства и в Донской области, а также влияние «германского фактора» на развитие его стратегических взглядов. Внешнеполитические, внутривнутриполитические и военные факторы в масштабах всей России, которые влияли на размышления генерала М.В. Алексеева о стратегическом направлении операций Добровольческой армии и поддерживали в нем надежду на воссоздание при помощи держав Антанты Восточного фронта на Волге, рассмотрены в книге В.Ж. Цветкова гораздо шире и обстоятельнее, чем в работах С.В. Карпенко [9 с. 437, 438, 442–461, 499–510].

С другой стороны, есть один важный момент, общий для С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова как биографов генерала М.В. Алексеева: их научно-популярные биографические работы основаны на их собственных научных исследованиях. Так, С.В. Карпенко изучал стратегические планы командования Добровольческой армии по выходу к Волге [10], а В.Ж. Цветков написал и опубликовал фундаментальную монографию о государственном и правовом строительстве на территории белых армий в 1918 г. [11].

При этом С.В. Карпенко, при всей разнице их подходов к изучению истории Белого движения и деятельности его вождей, очень высоко оценил научное творчество своего коллеги: по его мнению, в плане изучения Белого движения как совокупности политических режимов со своим уникальным опытом государственно-правового строительства В.Ж. Цветков стал достойным продолжателем дела В.Д. Зиминой [12].

Заключение

Таким образом, во второй половине 1990-х годов были написаны и опубликованы первые научно-популярные работы российских историков, в которых рассматривались некоторые моменты деятельности генерала М.В. Алексеева в период зарождения и становления Белого движения на юге России. Были даны первые оценки его стратегическим взглядам. Однако его биография еще не стала предметом самостоятельного исследования.

В 2000-е годы изучение жизни и деятельности генерала М.В. Алексеева в период создания и становления Белого движения на юге России продолжилось более активно, а в 2010-е годы они стали предметом самостоятельного биографического исследования. Среди опубликованных научно-популярных работ широтой подхода к изучению личности и деятельности генерала М.В. Алексеева в 1917–1918 гг. выделяются работы историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова.

Эти историки отдают предпочтение различной проблематике, с разных тематических направлений подходят к изучению личности, деятельности и стратегических взглядов генерала М.В. Алексеева. Однако самое важное состоит в том, что их научные и научно-популярные работы дополняют и развивают друг друга, а их выводы относительно исторической роли генерала М.В. Алексеева и его взглядов на стратегию борьбы с большевистской властью в период с ноября 1917 по сентябрь 1918 г. в значительной мере совпадают.

Литература

1. *Лукишин А.Ф.* Изучение взглядов генерала М.В. Алексеева на стратегию борьбы с большевистской властью в научных трудах и публицистике историков С.В. Карпенко и В.Ж. Цветкова (опыт сравнительного анализа) // *Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции*; Москва, 19–20 мая 2016 г. М.: МПГУ, 2016. С. 63–71. URL: <http://www.academia.edu/30256776/> (дата обращения: 17 дек. 2017).
2. *Венков А.В.* Деникин // *Белые генералы*. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. С. 174–264.
3. *Бортневский В.Г.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (главы из неоконченной книги) // *Бортневский В.Г. Избранные труды*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 305–370.
4. *Карпенко С.В.* Бесприютная армия (декабрь 1917 г. – апрель 1918 г.) // *Новый исторический вестник*. 2000. № 1. С. 168–242.
5. *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М.: Издательство Ипполитова, 2003. С. 5–146.
6. *Кручинин А.С.* Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев // *Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель...* М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 59–108.
7. *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 432 с.
8. *Цветков В.Ж.* Михаил Васильевич Алексеев // *Вопросы истории*. 2012. № 10. С. 23–48.

9. *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М.: Вече, 2014. 544 с.
10. *Карпенко С.В.* Волга в стратегических планах командования Добровольческой армии в 1918 г. // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. Ярославль: Филиал РГГУ в г. Ярославле, 2011. С. 101–105.
11. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: НП ИИПС «Посев», 2008. 520 с.
12. *Карпенко С.В.* Государственность Белого движения: Из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 67–80.

References

1. *Lukshin A.F.* The Study of General M.V. Alekseev's Views on the Strategy of Struggle against the Bolshevik Power in Scientific Papers and Journalism of Historians S.V. Karpenko and V.Z. Tsvetkov (Comparative Analysis). V: *War and Revolution: Social Processes and Disasters: Proceedings of all-Russian Scientific Conference, Moscow, May 19-20, 2016*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ.; 2016. P. 63–71. [data obrashcheniya 17 dec. 2017]. URL: <http://www.academia.edu/30256776/>. (In Russ.)
2. *Venkov A.V.* Denikin V: The White Generals. Rostov na Donu: Feniks Publ.; 1998. P. 174–264. (In Russ.)
3. *Bortnevskiy V.G.* The White Movement during the Civil War in Russia (Chapters from the Unfinished Book). Selected Works. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ.; 1999. P. 305–370. (In Russ.)
4. *Karpenko S.V.* Homeless army (December 1917 – April 1918). *Novyi istoricheskii vestnik*. 2000;1: 168–242. (In Russ.)
5. *Karpenko S.V.* Essays on the History of the White Movement in the South of Russia (1917–1920). Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova Publ.; 2003. P. 5–146. (In Russ.)
6. *Kruchinin A.S.* General of infantry M.V. Alekseev V: Historical Portraits: L.G. Kornilov, A.I. Denikin, P.N. Wrangel... Moscow: Astrel'; AST Publ.; 2003. P. 59–108. (In Russ.)
7. *Karpenko S.V.* White Generals and Red Turmoil. Moscow: Veche Publ.; 2009. 432 p. (In Russ.)
8. *Tsvetkov VZh.* Mikhail V. Alekseev. *Voprosy istorii*. 2012;10: 23–48. (In Russ.)
9. *Tsvetkov VZh.* General M. Alekseev. Moscow: Veche Publ.; 2014. 544 p. (In Russ.)
10. *Karpenko S.V.* The Volga River in the Strategic Plans of the Command of the Volunteer Army in 1918 V: The Great Volga Way. The Man, Space, Time, Document. Yaroslavl': Filial Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta v g. Yaroslavl'e Publ.; 2011. P. 101–105. (In Russ.)
11. *Tsvetkov VZh.* The White Cause in Russia, 1917–1918 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia). Moscow: NP IIPS Posev Publ.; 2008. 520 p. (In Russ.)
12. *Karpenko S.V.* The Statehood of the White Movement: From the History of the Study. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2013;2(36): 67–80. (In Russ.)

Информация об авторе

Алексей Ф. Лушкин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kinoman45@yandex.ru

Information about the author

Aleksey F. Lukshin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kinoman45@yandex.ru

Использование воспоминаний Б.В. Шмелёва «Пражская осень» в изданиях чешского проекта «Вторжение 1968 г. Русский взгляд»

Яна В. Юркина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yanayurkina.97@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется использование литературных воспоминаний бывшего советского десантника Б.В. Шмелёва «Пражская осень» как исторического источника. В этих воспоминаниях описывается участие Воздушно-десантных войск СССР в операции «Дунай», в ходе которой войска стран Варшавского договора вступили на территорию Чехословакии для подавления «Пражской весны». Воспоминания Бориса Шмелёва, а также интервью с ним были использованы в чешском историко-публицистическом проекте «Вторжение 1968 года. Русский взгляд». Авторы проекта стремились повлиять на историческую память чешского народа, помочь ему шире посмотреть на трагические события 1968 г., оценить их более объективно. Их главной целью было преодолеть плохие взаимоотношения между чехами и русскими, которые стали следствием трагических событий 1968 г. В сборнике воспоминаний и публицистических произведений, изданном в Чехии и России, а также в телевизионном фильме авторы проекта сильно изменили фрагменты воспоминаний Бориса Шмелёва, а также фрагменты взятого у него интервью. В результате они дали читателям и зрителям свою собственную интерпретацию его личности и его участия во вторжении в Чехословакию. В статье делается вывод, что очевидные достоинства «Пражской осени» как исторического источника и как литературного произведения были использованы для достижения целей проекта в недостаточной степени.

Ключевые слова: Чехословакия, Чешская Республика, Прага, «Пражская весна», Советская армия, Воздушно-десантные войска, десантник, военное вторжение, операция «Дунай», историческая память

Для цитирования: Юркина Я.В. Использование воспоминаний Б.В. Шмелёва «Пражская осень» в изданиях чешского проекта «Вторжение 1968 г. Русский взгляд» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 146–157. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-146-157

The Use of B. Shmelev's Memories "Prague Autumn" in Publications of the Czech Project "Invasion of 1968. Russian View"

Yana V. Yurkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, yanayurkina.97@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the use of literary memoirs of former Soviet paratrooper Boris V. Shmelev "Prague Autumn" as a historical source. Those memoirs describe the Soviet Union airborne troops involvement in "Danube" operation. During the "Danube" operation the Warsaw Pact forces entered Czechoslovakia to suppress the "Prague Spring". Boris Shmelev's memories, as well as interviews with him were used in the Czech historical and journalistic project "Invasion 1968. Russian View". The authors of the project wanted to influence the historical memory of the Czech people, to help the Czech people look at the tragic events of 1968 broader, to evaluate those events more objectively. Their main goal was to overcome bad relations between the Czechs and the Russians, which were a result of the tragic events of 1968. In the collection of memoirs and journalistic works published in the Czech Republic and Russia, as well as in the television movie the authors of the project have modified the fragments in Boris Shmelev's memories, as well as fragments of interview with him. Consequently they gave the readers and viewers their own interpretation of his personality and his participation in the invasion of Czechoslovakia. The article concludes that the obvious advantages of the "Prague Autumn" as a historical source and as a literary work were used to achieve the objectives of the project insufficiently.

Keywords: Czechoslovakia, Czech Republic, Prague, "Prague Spring", Soviet Army, airborne forces, paratrooper, military invasion, operation "Danube", historical memory

For citation: Yurkina YaV. The Use of B. Shmelev's Memories "Prague Autumn" in Publications of the Czech Project "Invasion of 1968. Russian View". *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):146-57. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-146-157

Введение

Хорошо известно, что трагические чехословацкие события 1968 г. до сих пор живы в памяти чешского и словацкого народов. В современных Чехии и Словакии они воспринимаются как ничем не оправданная интервенция, как насильственное пресечение демократического развития Чехословакии и подавление воли двух народов к свободе. И такая историческая память оказывает очень сильное негативное воздействие на восприятие России и русских многими жителями Чехии и Словакии в наши дни. Тем важнее каждая инициатива и каждый гуманитарный проект, способные изменить ситуацию к лучшему.

Такой проект был задуман и осуществлен в Чешской Республике. По своему содержанию он явился исторической публицистикой, а по форме – книгоиздательским и кинематографическим.

Цель настоящей статьи – проанализировать использование литературных воспоминаний бывшего советского десантника Бориса Шмелёва «Пражская осень» в чешском историко-публицистическом проекте «Вторжение 1968 года. Русский взгляд».

Замысел и реализация проекта “Invaze 1968. Ruský pohled”

В 2016 г. издательство «Новое литературное обозрение» в серии «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”» выпустило в свет сборник, состоящий из воспоминаний и публицистических произведений, под названием «Вторжение: Взгляд из России. Чехословакия, август 1968» [1].

Это издание явилось переводом на русский язык сборника “Invaze 1968. Ruský pohled” («Вторжение 1968 года. Русский взгляд»), подготовленного под эгидой чешского Института по изучению тоталитарных режимов и изданного в 2011 г. в Праге издательством “TORST” [2]. Причем одновременно с книгоиздательской была успешно осуществлена и телевизионная часть проекта: национальная телекомпания «Чешское телевидение» подготовила и показала документальный фильм “Invaze 1968. Ruský pohled”, снятый по материалам одноименной книги [3].

Составителем и редактором чешского и русского книжных изданий стал известный чешский журналист Йозеф Паздерка (Josef Pazderka). Перевод сборника с чешского языка на русский язык осуществили И. Безрукова, М. Едемская и Н. Фальковская [1 с. 4].

Свое предисловие к московскому изданию, написанное в Праге в июле 2016 г., Йозеф Паздерка чуть увеличил в объеме по сравнению с пражским изданием и в отличие от него многозначительно назвал «Русская Пражская весна» [1 с. 8–15]. Вероятно, опытный журналист посчитал, что современный российский читатель нуждается в более обстоятельном разъяснении его творческого замысла, чем читатели Чехии и Словакии.

Прежде всего Йозеф Паздерка отмечает историческую связь между хрущевской «оттепелью» в СССР и «Пражской весной» в Чехословакии. Он пишет: «И у русских была своя “весна”, вернее “оттепель”. Она началась раньше – с выступления Никиты Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году – и проходила сложнее. Однако именно она фактически распахнула двери весне пражской, подняв волну либерализации в восточном блоке. В своей заключительной фазе эта советская “оттепель” неожиданно интенсивно переплелась с событиями в Праге, а трагическую черту под ней подвело вторжение 21 августа 1968 года» [1 с. 8].

Эта историческая связь, по его мнению, проявилась в частности в том, что немало представителей советской интеллигенции или уже в августе 1968 г., или позднее осознали, что ввод советских войск в Чехословакию и подавление «Пражской весны» сильно изменили в худшую сторону политическую обстановку в СССР и повлияли на судьбы многих людей. И действительно, об этом можно найти самые разные мемуарные свидетельства [4 с. 39].

Йозеф Паздерка приводит в предисловии слова российского историка А.Б. Рогинского, бывшего советского диссидента, о том, что «огромное количество людей» стало «детьми 68-го». И тут же он отмечает очень важное обстоятельство: эти слова «звучат для многих чехов и словаков несколько неожиданно» [1 с. 8].

Из этого читатель предисловия может сделать предварительный вывод, что Йозеф Паздерка, начиная работу над проектом “*Invaze 1968. Ruský pohled*”, стремился прежде всего познакомить чешских и словацких читателей с восприятием событий 1968 г. советскими участниками и свидетелями подавления «Пражской весны». Далее, он стремился не просто познакомить, а дать чешским и словацким читателям возможность вникнуть в это восприятие и как-то понять его. Наконец, он, вероятно, предполагал найти какие-то совпадения в точках зрения бывших советских граждан и бывших граждан Чехословакии на события 1968 г., найти что-то общее, что объединило бы их в наши дни, что помогло бы преодолеть разъединение и плохие взаимоотношения, порожденные прошлым, трагическими событиями уже 50-летней давности.

Ближе к концу предисловия Йозеф Паздерка подтверждает эти предположения. Он пишет о том, что чешские и словацкие читатели, для которых составлялся сборник и для которых включенные в него материалы переводились с русского языка на чешский, «по понятным причинам почти ничего не знали» о «внутренней солидарности» многих советских граждан с Чехословакией, об их поддержке идеи «социализма с человеческим лицом». И именно поэтому, как он пишет, «основная задача составителя состояла в том, чтобы восполнить это незнание». И далее он четко и прямо формулирует собственный взгляд на политическую и культурную значимость проекта: «Думаю, подобные инициативы должны способствовать окончательному преодолению отчужденности между нашими народами, возникшей в результате событий 1968-го» [1 с. 14].

Для полноты картины, для более широкого показа «русского взгляда» на события 1968 г. в Чехословакии Йозеф Паздерка объединил в составленный и отредактированный им сборник воспоминания и размышления бывших советских граждан, которые придерживались тогда и придерживаются в настоящее время самых разных взглядов и оценок: и тех, кто с самого начала восхищался «Пражской весной» или, по крайней мере, сочувствовал ей, и тех, кто поначалу, в 1968 г., осуждал ее, а затем, под влиянием последующих исторических событий, переменял свою точку зрения, и тех, наконец, «кто остался при своих тогдашних взглядах» [1 с. 11]. Кроме того, он дополнил интервью с советскими участниками и свидетелями событий 1968 г. статьями чешских историков и публицистов, которые анализируют подавление «Пражской весны» с позиций современного научного исторического знания и современного общечеловеческого понимания тех трагических событий.

Йозеф Паздерка завершил свое предисловие к московскому изданию проникновенными и многозначительными словами: «В заключение я выражаю огромную благодарность всем тем, кто согласился дать мне интервью для этой книги – за их невероятную искренность, открытость и готовность поделиться теми впечатлениями и размышлениями, к которым даже годы спустя многим не хотелось бы возвращаться» [1 с. 15].

Первый раздел составленного им сборника Йозеф Паздерка назвал «Военные». Он объединил в нем тексты бесед с тремя бывшими военнослужащими Советской армии. Двое из них являлись офицерами, и только один был солдатом, проходившим в 1968 г. срочную, двухгодичную, службу. Это – москвич Борис Валентинович Шмелёв, служивший в Воздушно-десантных войсках. В московском издании, в отличие от пражского [2 с. 62–77], беседа с ним завершает раздел «Военные» [1 с. 72–90].

«Пражская осень» и ее автор Б.В. Шмелёв

Сама по себе история того, как у Йозефа Паздерки появилась возможность включить интервью с бывшим советским десантником в чешский сборник проекта “Invaze 1968. Ruský pohled”, является ярким примером постепенного преодоления отчужденности между народами бывших СССР и Чехословакии, возникшей в результате подавления «Пражской весны».

Эта история началась с того, что в 2001 г., т. е. за десять лет до выхода в Праге чешского сборника «Invaze 1968. Ruský pohled», в Москве, в только что созданном в Историко-архивном институте РГГУ журнале «Новый исторический вестник», в рубрике «XX век в нашей памяти», были опубликованы 36-страничные воспоминания Бориса Валентиновича Шмелёва «Пражская осень: Лирические записки десантника» [5].

По содержанию «лирические записки» представляют собой описание почти полугодовой подготовки 1141-го гвардейского артиллерийского полка (в нем служил Борис Шмелёв) 7-й воздушно-десантной гвардейской дивизии (по традиции ее в просторечии называли «Каунасской» по месту нахождения штаба дивизии [5 с. 173]) к операции «Дунай», десантирования частей дивизии в пражском аэропорту «Рузине» в ночь на 21 августа 1968 г. и их действий в Праге и ее окрестностях до конца октября, до возвращения в СССР. Основную часть текста занимают события, в которых автор участвовал непосредственно, а о событиях, участником и свидетелем которых он не был, рассказывается кратко и со ссылками, как правило, на «солдатский телеграф».

По стилю «лирические записки» являются автобиографической художественной прозой. Не будучи профессиональным литератором, Борис Шмелёв написал свои воспоминания как подлинно художественное произведение.

Проведенный нами лингвистический анализ текста «Пражской осени» показал, какие именно языковые средства использовал Борис Шмелёв, чтобы ярко и образно рассказать российскому читателю начала 2000-х годов о чехословацких событиях 1968 г. и убедить его в правдивости своих оценок тех событий. Характерной особенностью художественного языка Бориса Шмелёва является широкое использование глаголов (в гораздо меньшей степени – прилагательных, наречий и существительных) для выражения своего взгляда на те события и выражения своего отношения как к ним, так и к сослуживцам, вместе с которыми он участвовал в операции «Дунай».

В подавляющем большинстве глаголы в тексте «Пражской осени» являются глаголами эмоциональной оценки, в которых доминирует экспрессивность, а оценочность является частью коннотативного значения. Борис Шмелёв использует глаголы, обладающие экспрессивной окрашенностью, в большинстве случаев в прошедшем времени, что усиливает действенность речи. Глаголы эмоциональной оценки позволили ему в каждом эпизоде создать образ эмотивной ситуации, представить читателю свое внутреннее состояние как состояние персонажа, переживающего и оценивающего свои поступки и действия окружающих. Предметно-смысловая сторона глаголов в тексте «Пражской осени» имеет тесную связь с экспрессивной стороной.

Проанализировав глаголы «Пражской осени», мы пришли к выводу, что Борис Шмелёв не только со знанием дела описывает действия частей Воздушно-десантных войск, но и хорошо осознает масштаб и значимость исторических событий, участником которых он стал. При этом он постоянно выражает личную оценку происходящего, что позволяет выявить основные черты речевого портрета автора.

Прежде всего для Бориса Шмелёва как автора характерна любознательность. Его интересует все окружающее (природа, постройки, люди и т. д.), а не только собственная персона и собственные переживания и ощущения. При этом он успевает подмечать все самое яркое и необычное. «Пражская осень» именно потому и интересна читателю, что автору удается создать широкую картину происходящих событий и участия в них как своих сослуживцев, так и жителей Праги.

Автор наделен хорошей памятью, что особенно важно при написании воспоминаний о личном участии в исторических событиях. Он демонстрирует способность точно запоминать как самые важные моменты и ситуации, так и многообразные детали.

Хорошо осознавая значимость исторических событий, участником которых он стал, автор стремится обстоятельно, объективно и убедительно описать эти события. При этом он не ограничивается событиями в Чехословакии, а постоянно упоминает о социально-политических и культурных реалиях советской жизни того времени.

Судя по тексту, в котором содержится много юмора (как авторского, так и юмора ситуации), автор – человек с развитым чувством юмора. При этом складывается впечатление, что автор способен на шутку не только добрую, но и едкую, даже злую. Об этом, в частности, свидетельствуют глаголы, характеризующие речь автора и вы-

ражающие его чувства. И в такие моменты объективность обычно уступает место субъективному восприятию конкретных людей, которое отражает его сложившееся отношение к этим людям.

Автор – романтически настроенный молодой человек: он постоянно видит романтику военной службы и старается эмоционально описать, передать читателю при помощи различных выразительных средств свои романтические ощущения.

Привлекательность речевого портрета автора и литературные достоинства «Пражской осени» способствовали быстрому ее распространению и популярности среди читателей «Нового исторического вестника». Это дало редакции журнала основание в 2004 г. включить «Пражскую осень» в том избранных публикаций журнала за 2000–2004 гг. [6].

Публикации отрывков из «Пражской осени» и интервью с ее автором в Чехии

Спустя еще семь лет, в 2011 г., в издающемся в Праге на русском языке журнале «Русское слово» (издании русской диаспоры в Чешской Республике) были опубликованы фрагменты из «Пражской осени» [7], а полный текст редакция разместила на сайте журнала. За этими фрагментами была помещена беседа главного редактора «Русского слова» Анны Хлебиной с автором, выразительно названная «Беседа с бывшим “оккупантом”» [3].

Отвечая на первый же вопрос Анны Хлебиной, Борис Шмелёв рассказал о том, когда и как он писал «Пражскую осень»: «Воспоминания о Праге я начал писать в 1969 году, еще будучи в армии. Закончил первый вариант в 1975 году. Потом неоднократно возвращался к ним, дополняя и уточняя. Конечно, в основном они написаны с точки зрения 20-летнего советского юноши, но и мое взросление в них отразилось, и изменение моих взглядов на подавление “Пражской весны”... Чем больше проходило лет, с каждым разом я возвращался к тексту воспоминаний со все более острым, печальным ощущением своего невольного участия в подавлении стремления чешского и словацкого народов к подлинной демократии и свободе» [3 с. 34].

Главный редактор журнала «Русское слово» Анна Хлебина, готовя эту публикацию, предварительно переслала Борису Шмелёву свои вопросы и получила на них подробные письменные ответы. Точно так же поступил Йозеф Паздерка, в итоге получив от автора «Пражской осени» столь же подробные ответы. Борис Валентино-

вич Шмелёв передал нам оригинальные тексты двух своих интервью, отправленных в Прагу, и любезно разрешил их использовать.

Сравнительный анализ оригинального текста вопросов Йозефа Паздерки, полученных Борисом Шмелёвым, и его ответов, отправленных составителю и редактору сборника “Invaze 1968. Ruský pohled”, с вопросами и ответами, опубликованными сначала в пражском издании сборника на чешском языке [2 с. 62–77], а затем в московском издании на русском языке [1 с. 72–90], обнаруживает сильные расхождения. Иными словами, вопросы и ответы в опубликованной сначала на чешском, а потом на русском языках «Беседе с Борисом Шмелёвым» были изменены, а кроме того, к ним были добавлены маленькие фрагменты «Пражской осени», тоже измененные, причем иногда очень существенно. Изменение этих фрагментов привело к упрощению оригинального авторского текста, потере присущей ему художественности.

В качестве примера приведем очень яркий эпизод, когда ефрейтор Борис Шмелёв полевой рации переговаривался на русском языке с пражским радиолюбителем.

Вот как изложен этот эпизод в авторском тексте «Пражской осени», опубликованном в журнале «Новый исторический вестник»:

Связь работала плохо еще и потому, что пражские радиолюбители уже во второй день настроились на наши частоты и стали вклиниваться в переговоры. Называли нас оккупантами, требовали, чтобы мы убирались домой и повторяли все то, что мы читали на лозунгах демонстрантов и в листовках, которые скидывали нам на позицию с проезжавших грузовиков (начав, кстати, агитацию с рукописных листовок, чехи закончили четырехполосными газетами с фотографиями).

Говорили они на вполне понятном русском и притом очень вежливо. Это и поражало больше всего: никакого мата! Наши-то связисты и не знали, чем еще, кроме мата, прогнать их с частоты.

Как-то раз я не выдержал и влез с «дипломатией»: срочно нужна была связь со штабом полка. Завязался диалог. Ну, дискуссией политической это не назовешь, а так... Я пытался объяснить, что «служба у нас такая» и не надо нам мешать... А он предложил мне ехать домой и служить там. А я ему – «выйти на улицу, поговорить спокойно». На что он протянул рассудительно: «Не-е, хитрый какой... На улице – ваши парашютисты...»

Хотел я сказать, что сам – парашютист, да осекся: по словам замполита, ушедший в подполье «штаб контрреволюции» объявил пражанам, что патроны – только у парашютистов и стреляют именно они... [5 с. 195].

Среди вопросов, полученных Борисом Шмелёвым от Йозефа Паздерки, был такой: «Опишите, пожалуйста, какие-нибудь разговоры, встречи с чешскими людьми. Вы с ними говорили? О чем? Как они Вас воспринимали (обращались к Вам)?». Судя по оригинальному тексту интервью, автор «Пражской осени» начал ответ на этот вопрос с упоминания о своем «диалоге», о «переговорах» с пражским радиолюбителем:

Никаких разговоров, встреч лицом к лицу, один на один с жителями Праги у меня не было. У моих сослуживцев тоже.

Три случая можно «с натяжкой» отнести к таковым.

Первый – мои переговоры по радиции с пражанином-радиолюбителем (изложен в записках)...

В московском издании «Вторжение: Взгляд из России. Чехословакия, август 1968» вопрос редактора-составителя и ответ автора опубликованы в следующем виде:

...У вас была возможность разговаривать с людьми?

– ...Однажды мне удалось примерно десять минут незаметно разговаривать по радиции с одним чешским радиолюбителем. Он убеждал меня, что в ЧССР нет никакой контрреволюции, и спрашивал, почему мы их оккупировали. Я его убеждал, что мы приехали на помощь. Потом разговор прервался... [1 с. 82, 83].

Эти изменения в изложении сцены «диалога» («переговоров»), по нашему мнению, сильно исказили авторское описание. Судя по всему, эти изменения явились результатом редакционного сокращения и правки редактора-составителя сборника, а также, возможно, обратного перевода с чешского языка на русский без использования оригинального русского текста.

Заключение

В заключение отметим очевидное: чешский книгоиздательский и телевизионный проект «Вторжение 1968 г. Русский взгляд» действительно стал важным шагом к «окончательному преодолению отчужденности между нашими народами, возникшей в результате событий 1968-го», к чему и стремился журналист Йозеф Паздерка. Использование в этом проекте воспоминаний Бориса Шмелёва «Пражская осень» наверняка немало способствовало успеху проекта.

К сожалению, однако, достоинства «Пражской осени» как исторического источника и как художественного произведения оказались мало востребованными.

По нашему мнению, «Пражская осень» бывшего советского десантника Бориса Шмелёва могла бы еще больше способствовать преодолению отчужденности между народами Чехии и России, если бы ее полный текст был переведен на чешский язык и издан в Чехии.

Литература

1. Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Й. Паздерка. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 304 с.
2. Invaze 1968. Ruský pohled / J. Pazderka (ed.). Praha: TORST, 2011. 272 p.
3. *Хлебина А.* Беседа с бывшим «оккупантом» // Русское слово (Прага). 2011. № 7–8. С. 33–37.
4. *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирск. 2017. № 6 (48). С. 27–46.
5. *Шмелёв Б.В.* Пражская осень: Лирические записки десантника // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). С. 173–209.
6. *Шмелёв Б.В.* Пражская осень: Лирические записки десантника // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. М.: Издательство Ипполитова, 2004. С. 396–439.
7. *Шмелёв Б.В.* Пражская осень: Лирические записки десантника // Русское слово (Прага). 2011. № 7–8. С. 32–33.

References

1. *Pazderka J.*, comp. Invasion. A View from Russia. Czechoslovakia, August 1968. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 304 p. (In Russ.)
2. *Pazderka J.*, editor. Invaze 1968: Ruský pohled. Praha: TORST, 2011. 272 p.
3. *Khlebina A.* A Conversation with a Former “Occupier”. *Russkoe slovo (Praga)*. 2011;7-8:33-7. (In Russ.)
4. *Karpenko S.* Writer Vladimir Karpenko: Four years in Ulyanovsk. *Simbirsk*. 2017;6(48):27-46. (In Russ.)
5. *Shmelev BV.* Prague Autumn: The Lyrical Notes of a Paratrooper. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2001;1(3):173-209. (In Russ.)
6. *Shmelev BV.* Prague Autumn: The Lyrical Notes of a Paratrooper. *Novyi istoricheskii vestnik. Izbrannoe, 2000–2004*. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova Publ.; 2004. P. 396-439. (In Russ.)
7. *Shmelev BV.* Prague Autumn: The Lyrical Notes of a Paratrooper. *Russkoe slovo (Praga)*. 2011;7-8:32-3. (In Russ.)

Информация об авторе

Яна В. Юркина, студентка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; yanayurkina.97@mail.ru

Information about the author

Yana V. Yurkina, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; yanayurkina.97@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Т.В. Рютина*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 21.05.2018.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 202

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!